

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Э.В. НИКИТИНА

**СПЕЦИФИКА МЕНТАЛИТЕТОВ НАРОДОВ
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
(татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев)**

Чебоксары 2015

УДК 1/16:159.922.4(470.4/5)
ББК Т529(235.54)-75+Т529(235.55)-75
Н62

Рецензенты:

Е.Д. Шетулова – д-р филос. наук, профессор Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева;
Г.Ю. Канарш – канд. полит. наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова*

Никитина Э.В.

Н62 Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья (татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев) / Э.В. Никитина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 200 с.

ISBN 978-5-7677-2101-6

Проведен теоретический анализ содержания этнического менталитета, динамики взаимоотношений ментальности и гражданственности в полиэтнической среде, состояния этнических процессов в глобальном информационном пространстве на примере исторической судьбы и межкультурной коммуникации коренных народов Поволжья и Приуралья.

Определен общий контур этноменталитетов тюркских (татар, башкир, чувашей) и финно-угорских народов (мордвы, удмуртов, марийцев), выделены общие и особенные черты в их психологии, быте и культуре в разрезе нескольких веков.

Для широкого круга читателей – философов, культурологов, социологов, психологов, педагогов, преподавателей региональной истории, студентов высших учебных заведений, изучающих культуру народов Поволжья и Приуралья, и всех интересующихся актуальными проблемами бытия народов России.

Научный редактор канд. филол. наук, доцент *В.П. Никитин*

ISBN 978-5-7677-2101-6 УДК 1/16:159.922.4(470.4/5)
ББК Т529(235.54)-75+Т529(235.55)-75
© Издательство
Чувашского университета, 2015
© Никитина Э.В., 2015

ВВЕДЕНИЕ

Книга «Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья (татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев)»* является продолжением монографии «Чувашский этноменталитет: сущность и особенности», опубликованной издательством Чувашского университета в 2012 году.

Интерес, который вызвала книга про менталитет чувашского народа у читателей не только в республике, но и среди чувашской диаспоры, проживающей в соседних с чувашами регионах, способствовал созданию обобщающего труда по психологии поволжских народов, где этническое сознание, характер и поведение чувашей рассматривались бы в сравнении с менталитетом иных этнических общностей.

В полиэтничных регионах Поволжья и Приуралья литература по этническим проблемам (этнической и религиозной толерантности, межэтнической коммуникации, культуре межэтнических отношений), по истории, культуре и психологии тюркских и финно-угорских народов – одна из самых востребованных в сфере социально-гуманитарных наук. Национальному вопросу, в том числе особенностям менталитета, пристальное внимание уделяется учёными всех этнических республик Российской Федерации.

Изданы брошюры, солидные монографии философов и культурологов Р.Н. Безертинова, Р.Т. Фахрутдинова (Набережные Челны), Ю.А. Калиева, Г.М. Пурынычевой, В.С. Соловьева, А.В. Маслихина, Л.С. Тойдыбековой (Йошкар-Ола), Е.В. Мамедовой, Е.М. Махарова (Якутск), И.М. Вельм, Г.А. Корнишиной, А.Н. Петрова, Е.В. Поповой (Ижевск), Р.С. Хакимова, В.И. Курашова (Казань), З.Н. Рахматуллиной, Б.Х. Юлдашбаевой (Уфа), Н.И. Шутовой, Т.А. Волгаевой, И.В. Загородновой (Саранск), К.К. Васильевой, В.В. Мантатова (Улан-Удэ), Ч.К. Ламажаа (Тува) и др. В этих исследованиях нация осмысливается через познание особенностей народного ха-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-12003 (в) «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"».

рактера, специфического мирозерцания и особой структуры традиционной ментальности.

В предлагаемой монографии впервые предпринимается попытка раскрыть специфику этноменталитетов татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев (порядок перечисления народов в тексте обусловлен градацией их по численности в Российской Федерации) в сравнительном анализе их коллективных представлений о мире и себе, традиционных ценностей, моральных принципов и стереотипов поведения. Основная цель исследования – обрисовать культурно-психологические портреты и выявить положительный потенциал менталитетов тюркских и финно-угорских народов при построении единой общероссийской гражданской ответственности на территории бассейна реки Волга.

В первой главе «Общие и особенные черты в менталитетах народов Поволжья и Приуралья» исследуются причины заметного сходства менталитетов тюркских и финно-угорских народов. Характерными для татарского, башкирского, чувашского, мордовского, удмуртского, марийского этносов называют такие качества, как неприхотливость и непритязательность в быту, повседневной и профессиональной деятельности, исполнительность и настойчивость во всех видах труда, активно выраженный коллективизм и толерантность*. Автор разбирает несколько факторов влияния на специфику менталитетов этих народов – генетическое родство, схожие природно-географические условия существования, общность исторической судьбы, одинаковый социально-политический и экономический фон.

Во 2-7-й главах дана подробная характеристика менталитетов татар (глава 2), башкир (глава 3), чувашей (глава 4), мордвы (глава 5), удмуртов (глава 6) и марийцев (глава 7). Эти статьи подготовлены на основе научно-аналитических обзоров, выполненных автором в 2013-2014 гг. в рамках коллективного научно-исследовательского проекта «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» (под редакцией проф. А.В. Павловской и канд. полит. наук Г.Ю. Канарша; сайт создан при под-

* См., например, Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие. – М.: ИЦ «Академия», 2002. – С. 150.

держке РГНФ и расположен по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/) для рубрики «Этнокультурное многообразие России», раздел «Этнопсихологические особенности народов России. Поволжье и Приуралье». Проект разрабатывался на базе сектора социальной философии Института философии РАН совместно с кафедрой региональных исследований и Центром по изучению взаимодействия культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

При составлении обзоров «Этноменталитет татар», «Этноменталитет башкир», «Этноменталитет чувашей», «Этноменталитет мордвы», «Этноменталитет удмуртов», «Этноменталитет марийцев» были использованы как классические исследования, посвященные национальным особенностям тюрков и финно-угров, так и современные отечественные разработки в этой области знания. Их содержание подчинено общей идее проекта «Национальные менталитеты» – рассмотрению проблемы взаимодействия народов и культур в контексте формирования единой российской нации через описание этнического и культурного многообразия России.

В восьмой главе «Влияние этноменталитетов на процесс укрепления российской гражданственности» ставится вопрос о том, в какой степени эффективность национальной политики зависит от учёта сформировавшихся в обществе этнических менталитетов. Предлагается авторское видение проблемы, какие этноментальные качества следует учитывать при построении единой общероссийской гражданственности в поволжских регионах.

Основной предмет анализа в девятой главе «Этнические процессы в глобальном информационном пространстве» заключается в тезисе, что этнические процессы в современном обществе, обладающим высокими технологиями и интернетом, носят противоречивый характер. Автор пытается разобраться, ведут ли к деградации национальных языков и этнических менталитетов глобализация и единое информационное пространство или интернет (вкуче со всеми СМИ) обеспечивает информационно-коммуникативную поддержку ретрансляции этничности.

Какого характера трансформации ожидают в будущем этничность и гражданственность российских народов? В России начала XXI в. общество – после состояния «переходного типа» – постепенно стабилизируется. Разрушение традиционной системы ценностей и моральный кризис, сопровождавшие переломный период в развитии государства, приостановлены. Часто цитируемая фраза А. де Токвиля «В демократических странах каждое новое поколение – новый народ» оправдывается.

По сути, в пореформенной России произошел стихийный процесс социализации детей и подростков, общества в целом – без целенаправленного гражданского воспитания и благотворного влияния этнокультурной среды. Резкий переход от ценностей коллективизма к системе индивидуалистических образцов капиталистического типа, бешеный рост значимости материальной обеспеченности при заметном вытеснении ценности труда, дистанцирование граждан от власти и политики не только привели к радикальному пересмотру нравственных устоев и национальных традиций, но и нивелировали гражданские качества россиян. Поверхностно образованные, оторванные от подлинной истории Отечества, «цитатно» мыслящие знаниями из тестов, от безделья стремящиеся эпатажно выделиться, современные молодые люди с «одуванчиковой» легкостью предаются идеям нацизма и «бандеризма». На волне московских «болотных» событий 2012 г. неонацисты появились даже в очень спокойных провинциальных Чебоксарах.

Усиление законности и правопорядка, патриотизма и уважения граждан к политическим институтам, как известно, напрямую связано с возрождением общей культуры человека, культуры межэтнических отношений и национальным самоопределением российских народов.

В настоящее время адекватное истолкование феномена гражданственности нуждается в исследовании изменений в этноменталитете российских народов, вызванных глобализацией в сфере информации, экономики, культуры, образования. Поиск механизмов формирования общероссийской гражданственности должен вестись в области коррекции социокультурных качеств личности – через СМИ, школу, рекреационно-массовые мероприятия, способные влиять на ментальность этнополитического

человека. В этом процессе особой проработки требует феномен этничности, поскольку из социокультурных качеств личности именно этничность не поддается изменениям извне, не зависит от внутренних предпочтений и стремлений индивида и представляет собой единство природного и социального в человеке.

Тюркские и финно-угорские народы Среднего Поволжья, живущие веками в схожих природных и исторических условиях, казалось бы, должны были давно ассимилировать друг друга и стать одним единым народом, одной общей нацией. Попытки объединить волжан в Идель-Уральскую общность принимались не раз, но этого не произошло. Такое слияние не предвидится и в будущем.

Полиэтнический, поликультурный, полиментальный регион Средней Волги в эпоху глобальных изменений находится в поиске новых путей дальнейшего гуманного и гармоничного развития и испытывает как положительное, так и негативное влияние со стороны государства, СМИ, новых жизненных стандартов. В сложившихся обстоятельствах имеются скрытые основания для возникновения различных форм этнонационализма, признаки разрушения общечеловеческих духовных скреп российского государства, поэтому пристальное внимание учёных и политиков к глубинным ментальным течениям в самосознании народов России, понимание и использование этнических особенностей в построении общероссийской гражданственности, на наш взгляд, непременно и неизбежно необходимы.

Уникальное единство при многообразии национальных культур, языков, религий невозможно сохранить силой оружия или иным насилием. Только взаимопонимание и уважение друг друга, этнокультурная компетентность, терпимость к обычаям, традициям, менталитету всех народов обеспечит равновесие и мир в межетнических отношениях граждан единой России.

В настоящее время со стороны органов государственной власти наблюдается повышенный интерес к вопросам теоретического обоснования обновлённой национальной политики Российской Федерации. В 2013 г. была утверждена федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», согласно которой основой общероссийской идентичности явля-

ются традиционные формы духовности и этнической культуры народов России. Признание этнокультурного плюрализма и использование многовекового отечественного опыта гармонизации межэтнических отношений на государственном уровне должны способствовать становлению меганациональной гражданственности современных россиян.

В документах «Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 года», в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» (*Независимая газета*. 2012. 23 января), Послании Президента РФ Федеральному Собранию (2013. 12 декабря) и других материалах обозначены конкретные задачи и пути преодоления социальной несправедливости, поляризации классов, нравственной деградации в обществе. В силу естественных противоречий развития новая информационная цивилизация делает ставку на демократические и гуманистические ценности, что требует синтеза этнического, гражданского и космополитического в сознании и бытии человечества.

Результаты научного исследования «Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья (татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев)» могут быть использованы в преподавании философских, психологических, этнологических, литературоведческих, исторических и культурологических дисциплин на гуманитарных факультетах высших учебных заведений, а также при реализации органами государственной власти национальной политики в регионах Поволжья и Приуралья и формировании культуры межэтнических отношений в полиэтнических обществах.

Глава 1

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ В МЕНТАЛИТЕТАХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ*

Бесспорно, в мире нет ни одного «чистого» народа, не впитавшего множества инородных элементов. Тем не менее, многие народы сохранили в неизменном виде свои имманентные свойства, вследствие чего каждый этнос обладает явно специфическими качествами.

Во-первых, это внешние отличительные особенности физического типа людей, т.е. расовые признаки (отличия цвета кожи, глаз, типа и цвета волос, черт лица, роста, формы черепа и т.д.), которые при непосредственных социальных контактах практически невозможно не заметить или скрыть.

Во-вторых, это внутренние, едва фиксируемые их носителями особенности, касающиеся сферы мышления и поведения этнических общностей. Речь идет не только о психическом складе, характере, самосознании и чувствах народа. Имеются в виду также восприятие народами себя и друг друга, процессы опосредованного и обобщенного отражения в сознании нации переживаемых событий, память, воображение и волевая активность представителей различных этносов, развитие талантов и дарований народа – всё то, что включает в себя понятие этнического менталитета.

Этнический менталитет – это специфическая манера мышления и общения, присущая представителям одного народа, обусловленная социальными факторами, генетическими особенностями, психическим складом этноса и материально выраженная в его языке, словесности, однотипном поведении [16, с. 39]. На

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobnosti_etnosov_rossii/povolzhe/nikitina_e_v_obwee_i_osobennoe_v_mentalitate_narodov_povolzhya_i_priuralya/

ментальность этнической группы влияют не только материальная сторона быта, но и эмоциональное и художественное восприятие мира, имеющиеся знания, рациональные конструкции, мировоззренческие основы, общественные настроения (политические, религиозные и т.п.). Структурными элементами этноменталитета являются этническое бессознательное, этнический характер и этническое сознание (самосознание).

Наиболее отчетливо менталитет проявляется в стереотипах поведения представителей этнической культуры. Стандартными формами социального поведения, заимствованными из прошлого, являются традиции и обычаи. Повторяющееся веками, типичное для многих поколений одного народа своеобразное миропонимание, которое проявляется в человеке и его поступках независимо от воли и сознания, объясняется действием этнического бессознательного. Этническое бессознательное отражает опыт предыдущих поколений, воплощенный в архетипах как общечеловеческих первообразах. Культурные архетипы – это глубинные культурные установки коллективного бессознательного, крайне трудно поддающиеся изменению. Например, чуваш и башкиры уважительно относятся друг к другу с допугачёвских времен, не было и нет вражды между ними, но до сих пор непослушных детей в чувашских селениях пугают словами «татарин идет!» или «смотри, отдам татарину!».

При многих общечеловеческих качествах ментальности народов так же своеобразны, как неповторимы их исторические судьбы. Влияние различных факторов (в первую очередь природных и социальных) на формирование этноменталитетов признают исследователи разных направлений философии, социологии, психологии, истории. Психологи Р. Андерсон и П. Шихирев отмечают, что даже едва заметное различие географических, этнографических, культурных факторов дает разницу в менталитете этнических общностей [2, с. 27].

Народы Поволжья и Приуралья имеют значительное хозяйственное, культурное и этническое сходство, что обусловлено единой территориально-географической средой, однородными историческими, экономическими и социально-политическими условиями существования. Можно выделить некоторые общие этнопсихологические особенности представителей башкирско-

го, мордовского, марийского, татарского, удмуртского, чувашского этносов – такие качества, как неприхотливость и непритязательность в быту, повседневной и профессиональной деятельности, исполнительность и настойчивость во всех видах труда, активно выраженный коллективизм и толерантность [13, с. 150]. Но близкие по генотипу, языку и культуре народы заметно разнятся по менталитету. Скажем, по мировоззрению и поведению чуваша в целом заметно ближе к этнорелигиозным марийцам и удмуртам, нежели родственным тюркам – мусульманским татарам.

Обладающий особой ментальностью представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать, действовать в рамках национальных традиций, норм и правил этикета. Некоторые правила и нормы отличаются даже у близких соседей. Чуваша, бесермяне и удмурты – исторически народы-соседи, долгие века жили в одних условиях, в одном регионе. При этом многие черты менталитета у них не похожи, есть и прямо противоположные. Сравните: чувашский и марийский традиционные ритуалы жертвоприношения и чюки (моления) запрещают применение алкоголя, а удмурты (как отмечали исследователи) не могли представить их без кумышки (самогонки).

Или другой пример: честь чувашской девушки дороже жизни, пьющая и гуляющая баба не считалась и не считается маломальски уважаемым членом общества. Но вот что пишет о вотяхках начала XIX в. в своих очерках немецкий путешественник И.Ф. Эрдман: «Целомудрие у них не есть добродетель, и родители охотно уступают своих дочерей для плотского удовольствия посторонним мужчинам, так как беременная легче находит мужа: она уже может считаться плодovитoю. Впрочем, у них допускается многоженство. Муж редко бранит свою жену и еще реже бьет. Если нечто подобное и случается, то на то смотрят как на нечто предосудительное. <...> Бабы и девки, когда сидят между мужчинами, пользуются почетом, пьют и напиваются допьяна» [26, с. 16]. Очевидно, на традиции удмуртов, как на ненцев, коряков, эвенков, камчадалов, в отличие от чувашей, башкир и татар, влияли и влияют северные демографические условия, характерные для малочисленных народов.

Необходимо учитывать, что ментальность не набор характеристик или доминирующих психологических черт личности, а система взаимосвязанных образов и представлений о мире и месте человека в нем, которая регулирует мышление, поведение и общение членов этнической группы. Система стабильных представлений выявляется через типичные реакции и отношения человека к миру и самому себе. В основном выделяются следующие группы коллективных представлений, определяющие содержание ментальности:

- хозяйство; природное и социальное окружение;
- семейная и сексуальная жизнь, любовь; отношение к женщине и мужчине;
- отношение к детям; старости; болезням; телесности;
- религиозные верования, идеи о душе, смерти, спасении; страх;
- время; пространство; история [22, с. 193].

Данный перечень можно продолжить, добавив к нему отношение этноса к родному языку, музыке, вообще к искусству, власти, политике, суду. Нормативные отношения в разных сферах жизнедеятельности позволяют разносторонне рассматривать любую этническую ментальность. Поскольку этнический менталитет не всегда артикулируется носителями, его реконструируют в разрезе разных эпох на основе сравнения ментальностей различных народов. Попробуем обозначить общие и особенные черты традиционных менталитетов народов Поволжья и Приуралья, затронув некоторые фрагменты их коллективных представлений о мире и себе, традиционных ценностей, устойчивых моральных принципов и стереотипов поведения.

Для выявления традиционного менталитета и характера наших предков важны любые письменные источники – исследования древних рунических памятников, фольклорные, религиозные, историко-литературоведческие, лингвистические, этнографические материалы. Облик коренных народов России хорошо отражают научно-этнографические наблюдения, которые велись с XVIII в. по инициативе М.В. Ломоносова. В 1768-1774 гг. состоялись академические экспедиции, с которых началось исследование центральных и южных областей страны, Поволжья,

Приуралья, Сибири, Камчатки, Дальнего Востока, Курильских островов. Экспедиции возглавили И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштадт, П.-С. Паллас и другие крупные ученые, посетившие Поволжье и Сибирь.

Иностранные путешественники XVIII-XIX вв. относились благосклонно к инородцам, находили их приветливыми и пригожими. «Чуваши мягки, услужливы и послушны; они меньше ростом и хуже сложены, как черемисы, с широкими бледными лицами, темнокакими и узкими глазами, жидкими черными волосами и такою же бородкой... Женщины заплетают волосы в две длинные косы, причем заботливо укрывают их платком, девушки же не закрывают волос», – замечает Август Гакстгаузен [5, с. 310-311]. Однако этот и многие другие отзывы носят чисто описательный характер, без вникания в социально-политические и экономические проблемы жизни и быта российских инородцев.

Каждый этап исторического развития народов Поволжья и Приуралья и прежде всего изменения ментальности, связанные с подавлением этнорелигий, исламизацией и христианизацией в прошлые века, оставили заметные следы в их духовной культуре. Этнорелигия (как и язык, и словесность) уникальна у каждого народа, является хранилищем его высших духовных ценностей и норм. Удовлетворяя нравственные потребности людей, она служит общепризнанной системой координат в поисках правильной жизненной позиции и праведного образа жизни, а также способствует интеграции человека в социум. «Локальные религии ориентированы на настоящую жизнь. Они объясняют конкретные события, помогают людям справиться с травмой от смерти и укрепляют нравы общества. Это в свою очередь способствует осуществлению объединения и лучшей коллективной жизни, позволяет индивидам быть вовлечёнными во взаимодействие с их предками или богами, что должно принести им крепкое здоровье здесь на земле, успех в охоте или успех в битвах. Хотя отдельные члены рода могут надеяться на присоединение к своим предкам после того как умрут, они типично имеют смутные представления о том, на что будет похоже существование после жизни. Предки берут на себя ответственность следить за живущими членами рода, наказывать и награждать их за

определённые действия. Однако предкам не позволено иметь очень счастливое загробное существование, и таким образом действия членов рода не мотивированы тем, чтобы получить награды после жизни.

В противоположность этому, мировые религии сильно сфокусированы на загробном мире, на наградах и наказаниях, которые ожидают там каждого. <...> Христианские десять заповедей также устанавливают ограничения, запрещающие определённые поступки на земле с обещанием Раю, который ожидает тех, кто живёт согласно заповедям. Большинство теорий и учений в христианстве касаются описания жизни в Раю или Аду. На первый взгляд, ислам можно принять за исключение в этом смысле, потому что Коран не направлен к потустороннему миру, но скорее очень сильно сфокусирован на земной жизни и на том, что мы должны делать здесь. Однако слово «ислам» означает покорность, и Коран описывает в подробных деталях, что каждый человек должен или не должен делать в своей ежедневной жизни. Многие из этих ограничений – от моления пять раз в день до поста во время Рамадана – требуют жертвовать определёнными земными удовольствиями ради обещания последующих наград в Раю, как это происходит в христианстве и буддизме. В этом отношении, ислам очень похож на другие главные мировые религии» [27, с. 60-61].

Последование чужой религии, особенно мировой (надэтнической) религии, неминуемо ведет к исчезновению этноса, ассимиляции его культуры с культурой народа-работителя. Принятие ислама тюрками в X в. только на первых порах положительно сказалось на идеологии их государств (Тюркских каганатов). В дальнейшем проявились отрицательные стороны перехода в новую религию: вместе с забвением этнорелигии стали исчезать и тюркские национальные традиции и обычаи. «Национальная идеология подменялась религиозной. Народ читал молитвы на чужом языке, не понимая сути и смысла. <...> Тюркские традиции, обычаи, мировоззрение, законы, стали подменяться арабскими. С принятием ислама тюркоязычные племена перешли на арабский алфавит, отказавшись от тюркского (руны). <...> Им теперь были недоступны древнетюркские книги и надписи, выбитые на камнях. <...> Тюрки были лишены

источника живой силы, которая определяет самосознание народа, его национальный дух. <...> Тюрки были втянуты в величайшую религиозную войну Средних веков на Ближнем Востоке, где они вынесли основную тяжесть войны с крестоносцами, защищая арабские земли и религию ислам» [3, с. 117]. Население Волжской Булгарии к концу X в. также мусульманизировалось. Ислам изменил духовную культуру болгарского общества, оттеснив «языческие» культы в область суеверий. Не принявшие ислам отдельные суварские и финно-угорские племена наперекор официальной власти сохранили свою веру и обряды, которые существуют и в настоящее время в виде этнорелигий некрещеных чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы. В последующем приказанские чуваша, принявшие ислам, отатаривались полностью, утрачивая чувашскую идентичность.

Распространение христианства в России среди инородцев с XVI в. (после падения Казани в 1552 г.) также можно сравнить с культурной глобализацией, так как степень унификации основных параметров культур народов, вошедших в зону его влияния, и уровень нивелирования локального этнокультурного своеобразия были невероятно высоки. За четыре века православная идеология тесно переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, однако ценности русско-византийской церкви не стали базисными в их этноменталитетах. Об этом свидетельствуют, в частности, факты небрежного, нетрепетного отношения чувашских крестьян рубежа XIX-XX вв. к иконам православных святых. М. Горький в письме заведующему редакцией журнала «Наши достижения» В.Т. Бобрышеву от 26 октября 1935 г. писал: «Оригинальность Чувашии не только в трахоме, а в том, что еще в 90-х годах крестьяне в награду за хорошую погоду мазали губы Николая Мирликийского сметаной, а за плохую – выносили его на двор и сажали в старый лапоть. Это после доброй сотни лет обучения христианству. И в данном случае преданность старине языческой – похвальна, как признак сознания народом своего достоинства» [21, с. 180].

В наиболее крупном и ценном труде «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII вв. Исторический очерк» (1912) выдающийся чувашский этнограф, фольклорист,

историк профессор Н.В. Никольский, исследуя самый решающий и переломный период ново-булгарской (собственно чувашской) эпохи этнической истории, когда происходила трансформация традиционного религиозного сознания чувашей и разрушение структуры чувашского мироздания, указывает на то, что насильственно внедряемое православие служило лишь идеологическим оправданием колонизации Чувашского края со стороны Московии. «И язычество, и мусульманство, несмотря на своё бесправное положение, вызванное стремлением правительства насадить среди инородцев православие, продолжают жить у инородцев и пользоваться большим расположением, чем христианская религия. Правда, христианство проникает в новокрещенскую массу, но поверхностно: новокрещенные исполняют христианские обязанности, принимают таинства, ходят в церковь, но только для вида и исключительно ввиду контроля духовной и светской администрации» [18, с. 231].

Приняв православие (в перспективе не имеет значения, насильно его привили народу или оно освоено по доброй воле), инородцы диалектически соотносили нравственность христианства с традиционным народным («языческим») учением: их этнорелигиозное сознание не вытеснялось, а корректировалось, хотя и это несомненно отразилось на этнической ментальности. К примеру, чувашская этнорелигия, подкрепленная древнейшими пластами мифологического мировоззрения, представлений о мироздании и человеческом духе, легко вписывалась в христианское учение.

В XVIII-XIX вв. в России произошла русификация инородцев. Царизм и церковь проводили русификаторскую политику, не вникая в духовные нужды инородцев, не признавая за ними права на сохранение родных языков. Миссионерская система образования и воспитания для нерусских народов Н.И. Ильминского хотя и сохраняла языки и культуры народов Поволжья, однако при этом на ментальном уровне приобщала инородцев к русско-европейской культуре и образу жизни. Дальновиден был русификатор Ильминский: «...не спешите насмехаться, как над логической несообразностью, над нашей системой – русить инородцев посредством их родных языков» [11, с. 88]. Действительно, «насмехаться» резона нет, поскольку в настоящее время

в национальных республиках Российской Федерации языки титульных наций не выдерживают никакой конкуренции со стороны русского языка. По данным переписи населения 2010 г., 70,9% чувашей страны указали в качестве родного чувашский язык, а остальные 28,9% назвали русский. Это явление характерно для всех коренных российских народов, даже для татар, хотя и в меньшей степени: 79,2% татар России выбрали в качестве родного татарский язык, но 20,4% – русский. Мышление россиян глубоко русифицировано. Реальный билингвизм (владение в равной степени национальным и русским языком) в массе отсутствует, он сохраняется только в среде научно-гуманитарной и художественной элиты, национального учительства, работников национальных СМИ [17, с. 160].

Более того, в 2012 г. эксперты ЮНЕСКО внесли чувашский, башкирский, адыгейский, калмыцкий, удмуртский, коми, тувинский, якутский и другие языки, обозначив их как нежизнеспособные, в Атлас исчезающих языков мира (всего в России находится в опасности 136 языков). Национальные языки в стране постепенно вытесняются единым языком межнационального общения. Если учесть, что этноментальность в первую очередь транслируется через материнский язык как главное орудие воспитания и образования, то мы уже не можем утверждать, что особенности менталитетов российских народов продолжают традиционно и стабильно воспроизводиться в новых поколениях и не заменяются общегражданской идентичностью и российской ментальностью.

С конца XVIII в., после подавления пугачёвского бунта, менталитет и поведение малых народов Поволжья сильно изменились. Выход из конфликтных ситуаций с властью предрержащими подневольный инородец находил либо в прикидывании под дурачка («ни бельмеса») или показом полной покорности («шапка в подмышку»), либо в открытой вражде и бегах. Всё то доброе и сочувственное, что говорилось о малых народах до этого периода, меркло в могучем потоке пренебрежительно-унизительных докладов и доносов официальных лиц и духовенства имперской России. Почти во всех трудах даже признанных историков XIX в. проходит мысль о превосходстве славянских племен над инородцами. Николай Полевой, создавая 6-томную

«Историю русского народа», писал: «В наше обозрение не войдут финские племена. Отставая далеко от славянских племен телесным сложением, будучи диче, беднее, малочисленнее их, они вскоре были оставлены варягами без внимания. Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых, даже и ныне финны могут ли быть почтенным народом, входящим в состав гражданского нашего общества? Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, засеянным животворными, хлебными растениями... Доныне племена их живут в сих местах, под именем чухнов, черемисов, чуваш, мордвы...Обведем черту, образуемую народами финскими, и мы увидим в них, как будто волну моря, отхлынувшую с юга и застывшую в течение веков» [12, с. 45].

Дикари, изгои, сорная трава – такое отношение имперских политиков вытравливало из инородцев традиционную ментальность, живую мысль и слово, свободу действия и здоровье. «Настоящий клад для земской полиции – эти вотяки, мордва, чуваш; народ жалкий, робкий, бездарный. Исправники дают двойной откуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками...» – читаем в воспоминаниях А.И. Герцена «Былое и думы» (1835) [6, с. 192]. Инородец в России до XX в. властью воспринимался как человек второго сорта и ставился на уровень тягловой скотины, которую можно продавать и перепродавать, поскольку крепостной человек не имел ни малейшего права и голоса.

«Бедность, дикость и робость чувашей симбирских зависят частью от условий местности, на которой судьба определила им проживать; частью же и от собственной их лени, которой также способствует природа... Природа Присурская столь богата рыбными озерами, сенокосами, пахотными землями, лесами и разными произведениями, что могла бы озолотить миллионы людей даже с посредственной предприимчивостью. Но сурский чувашин дары природы ставит ни во что, ленится да и только: он запасается всем на короткое время, а о будущем и ухом не ведет; ему и в голову не приходит, что пользуясь изобилием произведений природы, он мог бы зашибить лишнюю копейку

на черный день...» – писал В.И. Лебедев в очерке «Симбирские чуваша» [14, с. 305].

В том ли причина, что чуваш «ленится зашибить лишнюю копейку да и только»? «Разумеется, что не все чуваша такие оригинальные лентяи: есть из них и зажиточные, которые держат пчельники, имеют мельницы и нанимают земли для обрабатывания, кроме своих; но это бывает очень редко, особенно в деревнях прилесных, – продолжает этнограф. Докопаться до истинных причин он не сумел. – ... Оттого они и крайне робки в обращении с другими людьми, что тут перед глазами у них одни только дремучие леса, да любимые их животные – столь же трусливые козы» [14, с. 306].

Естественно, географический фактор, включающий общность территории, естественные ресурсы, экономико-географическое положение, природные и производственные комплексы и их компоненты и т.д., является одним из важнейших элементов, влияющим на формирование менталитета этнической группы. Природные условия территории влияют на жизнь народа, отражаясь в некоторых общих особенностях его хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Бедность земли и вековая нищета отразились на самосознании инородцев. Объективно складывавшиеся для всех народов Поволжья на протяжении столетий условия существования не давали оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли специфику их менталитета. «Минимум благ воспринимался благосклонно и с почтением. И если он не был достаточным для выражения восторга и радости, то по крайней мере не давал оснований роптать на судьбу и жаловаться на свою несчастливость» [8, с. 35].

Однако гораздо сильнее на образ жизни и ментальность народа действует фактор социально-политический. Причина «бедности, дикости и робости чувашей» не только в территории, на которой они живут и работают («дремучие леса»), и не в трусливых козах и в психическом складе («чуваш ленился да и только»). «Наступает время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям. Присланные из земского суда

рассыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашин отдает себя и детей в кабалу из-за платежа только подушных денег» (из донесения и.д. начальника V округа, жандармского полковника Маслова шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу от 11 августа 1831 г.) [10]. Маслов, которого долгие советские годы обвиняли в чувашененавистничестве, был честнее многих, когда свидетельствовал об ужасных лихоимствах священников, писарей, лесничих и прочего начальства по отношению к инородцам.

При наступлении капиталистических отношений в горестном положении оказались все без исключения инородцы. Исследователь башкирского края В.М. Черемшанский во второй половине XIX в. отмечал: «...Дикий и необузданный, привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собою никакой власти, одним словом – народ буйный и своевольный, в настоящее время представляет народ мирный, терпеливый и покорный, не имеющий уже того строптивого духа» [24, с. 13]. «Глядя на башкир, трудно себе представить, что это был когда-то многочисленный и сильный народ, которому принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших) и на восток по Миасу, Исети, Тоболу и Иртышу до Оби», – добавляет Д.Г. Амиров [1, с. 37]. «Места, где я был, все населены чувашами, черемисами и татарами. <...> Низшие начальники обращаются с ними, как с животными, совершенно забывая, что это такие же люди, как они сами, и хотя невежественные и не столь просвещенные, но в основе гораздо чище и лучше, чем они, и вообще менее испорченные», – делал выводы из своей служебной командировки в Поволжье И.Б. Пестель [цит. по: 4, с. 37].

С полным пониманием критического положения подневольных инородцев России, не принимая лозунгов официозного шовинизма, писали А.Н. Радищев, А.С. Пушкин, П.И. Пестель, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Гарин-Михайловский, С.Т. Аксаков, П.И. Мельников-Печерский, А.А. Фукс, В.А. Сбоев, В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин и другие представители русской, немецкой, украинской, польской интеллигенции. «Отец доказывал моей матери, что она напрасно не любит чувашских деревень, что ни

у кого нет таких просторных изб и таких широких нар, как у них, и что даже в их избах опрятнее, чем в мордовских и особенно русских; но мать возражала, что чувашаи сами очень неопрятны и гадки; против этого отец не спорил, но говорил, что они – предобрые и пречестные люди» (С.Т. Аксаков) [25, с. 146].

Угнетенное настроение и подневольное положение народа сливается с национальным характером. В итоге, за восемь веков колониального рабства и официального чернословия сформировался новый образ мышления, новый инстинкт самосохранения – без максимализма, экстремизма, на основе постоянного, кропотливого, фанатичного созидания вместо наглых разрушений. Словом, сформировался менталитет инородца, почти единый для всей имперской России. С этой точки зрения показателен опыт на собаке психофизиолога М. Селигмена: под чередой ударов током плененное животное постепенно теряет желание вырваться из клетки, смиряется.

Для отечественных исследователей XX в. стало характерным выявление этнического своеобразия через сравнение традиционного быта и духовной культуры соседних народов. Авторы приводили множество примеров из жизни русского, башкирского, удмуртского, марийского, мордовского, татарского народов. В этнических менталитетах, естественно, выявлялось много общего, замечалась и специфика.

К примеру, у народов Поволжья и Приуралья не наблюдается больших разногласий в вопросах воспитания детей, что объясняется единым крестьянским укладом жизни и быта семьи инородца в прошлом. Воспитание детей в дореволюционной деревне осуществлялось в основном в семье и религиозной школе (при татарских мечетях, чувашских серепах или русских церквях). Родители стремились воспитать детей хорошими тружениками, с детского возраста помогающими родителям и способными самостоятельно выполнять все виды работ в поле и дома [23, с. 265]. В основе воспитания детей лежал труд, что определяло роль и распределение обязанностей между родителями в воспитательном процессе. С малых лет сыновья преимущественно находились рядом с отцом и другими мужчинами в семье, приобщаясь к производительному труду. Дочери в меру своих возможностей помогали матери и остальным родственни-

цам. При этом в распределении работ между детьми совершенно отсутствовал какой-либо четко выраженный возрастной принцип, не в пример половому, который по возможности строго соблюдался и соблюдается.

Ментально значимы формы общения и взаимоотношений родственников и свойственников. Во многих мордовских, чувашских, башкирских, татарских, марийских семьях и в настоящее время сохраняется традиция не называть родственников, особенно старших, по имени, а используются специальные термины-обращения [15, с. 127]. Это связано, прежде всего, с культом почитания предков, уважения старших, характерным для восточной этики, а также с функцией оберега, защиты от злых духов, врагов, чужаков через сокрытие собственного имени человека. Чувашская терминология родства является одной из самых развитых, близкой к китайской. В ней за каждым членом семьи закреплено нарицательное имя: от прадеда, деда и бабушки по линии отца (мазьяк, азатте, азанне) и линии матери (мамак, кугазей, кугамай) до детей сестры и брата (асла ули, кезен херчче и т.д.) [9, с. 184].

Современные социологические исследования демонстрируют, что у народов Поволжья и Приуралья сохраняется высокая традиционность и в гендерных отношениях. Т.М. Дадаева и А.Ф. Фудин, подводя итоги опроса 2011 г. среди студентов-первокурсников Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, обращают внимание на их ответы о качествах «настоящего» мужчины и «настоящей» женщины с точки зрения этнической принадлежности респондентов [7, с. 105]. Списки пяти лидирующих качеств «настоящего» мужчины и «настоящей» женщины у русских, мордвы и татар в целом совпадают. Однако ранжирование этих характеристик внутри разных этнических групп происходит по-своему.

Татарские и мордовские юноши в отличие от русских отдают абсолютное предпочтение способности женщины выполнить своё главное жизненное предназначение – быть хорошей матерью. У русских на первом месте – «красивая, обладающая привлекательной внешностью». Только русские юноши считают, что женщина должна быть умной и образованной, а её практические умения («хозяйственная, практичная») из них не выбрал

никто. У татар и мордвы наоборот: женщина должна быть хозяйственной и практичной, но никак не умной и образованной. Таким образом, мордва и особенно татары оказались более патриархальными в выборе качеств «настоящей» женщины, нежели русские.

Любопытно сравнение отношения к женщине у тюрков – исповедующих ислам татар и башкир и православных чувашей. О бесправном положении женщины-татарки в семье и обществе, неразрывно связанном с сохранившимися патриархальными пережитками, мы хорошо слышаны. С развитием капиталистических отношений положение женщин в традиционных татарских семьях стало еще более тяжелым. Во второй половине XIX в. в литературе довольно часто упоминалась продажа татарок приезжавшим сюда восточным купцам, укрепился взгляд на женщину как на объект семейной собственности. Калым являлся важнейшим элементом брачных соглашений. Женщину продавали и покупали при заключении брака, в случае смерти мужа как семейную собственность ее оставляли в наследство братьям мужа [23, с. 24].

Считается, что отрицательную роль в этом сыграла мусульманская религия, веками проповедовавшая неравное положение женщины в семье, что всемерно поддерживалось господствующими сословиями татарского общества. С ранних лет девочка-татарка слышит о том, что надо быть покорной мужу, ибо повиновение ему равно повиновению богу, а мальчик знает, что ему предстоит быть господином над женой, – ислам всецело защищает права мужа. Но ссылка только на специфику религии не совсем верна. Если сравнить исторические судьбы татарской и башкирской женщин-мусульманок – это как небо и земля.

Башкирская женщина пользовалась и пользуется большой свободой – вопреки устоявшемуся представлению о приниженном положении всех женщин Востока. В массе своей браки башкир были моногамными, несмотря на разрешенное Кораном многоженство, и в семьях отношения между полами строились на равноправии и на равных обязательствах [20, с. 82]. Несмотря на непререкаемый авторитет отца, воля которого была законом для всех, муж старался гуманно относиться к жене, детей почти никогда не наказывали. Башкирка – это девушка-джигит, «ама-

зонка степей», которая скакала на лошади и стреляла из лука не хуже любого мужчины. Она самостоятельна в суждениях и поступках, в некоторой степени эмансипированна. Башкирка была другом и помощницей в суровой жизни кочевника-скотовода, ни перед кем не закрывала лица, нередко сама являлась инициатором развода, более половины башкирок дореволюционного времени знали грамоту. Пожилая женщина пользуется всеобщим уважением, во многих случаях ее голос решающий. По этим пунктам башкиры более похожи на не принявших ислам чувашей, нежели на татар.

По чувашской традиции отношение мужчин к женщинам было подчеркнуто почтительным и в семье, и на общенациональных мероприятиях. Чувашская женщина не знала паранджи и имела равное с мужчинами право голоса на собраниях и советах старейшин. Известны случаи, когда чувашская женщина вела конницу в атаку на врага. При совершении общеродового моления «сăра чўкё» (моление с пивом) за передний стол с главой рода по одну сторону сажались именно женщины и им поручалось произносить главные молитвы Верховному Богу (Мун Тора) и предстоящим перед ним добрым силам, и только за ними вступали в действие мужчины. Это же заметил арабский путешественник и писатель Ахмед Ибн-Фадлан, путешествуя по Волге в 921-922 гг. После чтения дипломатического письма правителю Булгар он «вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежд, жемчуга для его жены, и я непрерывно возлагал на него и на неё одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облёк его жену в почётный халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай» [19]. Женщины у древних тюрков и булгар не были бесправными, хотя зависели от мужей. Обычаи охраняли женщин и были очень строгими и жестокими по отношению к нарушителям их прав: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней. Изнасилование считалось одним из самых тяжких преступлений.

Роль жены и матери в современной чувашской семье высока неимоверно, как и прежде. Чувашки острее чувствуют ответственность за детей и семью, бесконечно терпеливы к финансо-

вым и житейским трудностям, стараются выкарабкаться из беды любыми допустимыми способами. В их поведении проявляются глубинные основы древнего общетюркского этнического менталитета.

Даже у тех народов, которые жили в сходных природно-географических условиях и придерживались одной веры, формирование этноменталитетов и накопление знаний происходило неодинаково из-за исторических особенностей жизни и различных культурно-экономических связей [23, с. 312]. Башкиры резко отличались от родственного им татарского народа своим негативным отношением к таким качествам человека, как «прожорливость», расчетливость и хитрость в отношениях с людьми, необходимых для деятельности в сфере торговли. «Умение купли-продажи с выгодой для себя, что так высоко ценится у народов, занимающихся торговлей, не почиталось за особое достоинство в среде башкир. Они оценивали человека по совершенно другим меркам: в первую очередь, по широте души, щедрости, смелости и простоте» [20, с. 119]. История хранит десятки случаев, когда башкиры из-за уважения задарма отдавали свои земли переселенцам-чувавам.

Напротив, татары Поволжья – отличные коммерсанты – по традиции стремились оттеснить соседей, даже в диаспоре. Например, татарское селение Шыгырданы на территории Батыревского района Чувашской Республики благодаря торговой напористости жителей в постсоветские переломные годы превзошло по богатству строений, культурных и религиозных объектов свой райцентр чувашское село Батырево. Татары и их предки издавна жили на больших торговых дорогах Восточной Европы и издревле были втянуты в оживленные экономические и культурные отношения с отдаленными странами Передней и Средней Азии, а позднее со своими западными соседями – русскими. Поэтому татарский менталитет – это менталитет торгового, предприимчивого народа, с традиционной тягой к знаниям и новому опыту, в то время как духовные установки менталитета башкирского народа изначально базируются на таких ценностях, как свобода (поставленная выше всякого другого блага), примат чувственного начала над рациональным, стремление к справедливости.

XX в. внес много позитивного и отрицательного в менталитет российских народов. Общественная реальность, политика постсоветского государства ввели разрушающие изменения в традиционный ритм общественно-семейных, гендерных, межнациональных отношений, обострили проблему отцов-детей, семьи и школы. Изменились модели поведения супругов, молодежи, подростков, обновилась модели самоохранительного поведения (типы адаптации). В настоящее время уже трудно определить наверняка, что преобладает в этнических семьях – традиционные устои или «телевизионный» стандарт. Бесконтрольные потоки информации, идущие из СМИ и интернета, вымывают и общее, и особенное в уникальных культурах башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей и других малых народов Российской Федерации. Остается открытым вопрос, возможно ли и нужно ли вообще сохранение языков, этнического традиционализма и особенностей этнических менталитетов в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров Д.Г. Башкиры. Этнографический очерк. – Стерлитамак, 1922.
2. Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины»: психология и этика российско-американского делового партнерства. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – 208 с.
3. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки – потрясатели Вселенной (История Великих Империй). – Новосибирск: ЦЭРИС, 2001. – 734 с.
4. Васин К.К., Коробов С.А., Рейнфельдт Б.К. Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966. – 156 с.
5. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – Т.1. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1870.
6. Герцен А.И. Былое и думы. Избр. главы / сост. С.Е. Шаталов. – М.: Просвещение, 1984. – 352 с.
7. Дадаева Т.М., Фудин А.Ф. Представления о маскулинности современных юношей (на примере студентов-первокурсников) // Социс. – 2013. – № 6. – С. 100-107.

8. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб.: Алетейя, 2001. – 242 с.
9. Дмитриева Н.И., Никитин В.П. Мир чувашской культуры (Древняя история и духовное наследие этноса): учеб. пособие. – Чебоксары: Новое время, 2007. – 304 с.
10. Донесение и.д. начальника V округа, жандармского полковника Маслова шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу от 11 августа 1831 г. // НА ЧГИГН. Ф. I. Ед. хр. 533. Инв. № 5836-5901. Л. 85.
11. Ильминский Н.И. По делу образования инородцев. Письмо крестьянина села Ильмового Куста Буинского уезда Симб. губ. // Казанские губернские ведомости. – 1868. – 24 февраля. – № 16. – С. 87-88 (НА ЧГИГН. Ф. I. Ед. хр. 533. Лл. 273-275).
12. История русского народа. Сочинения Николая Полевого. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Типография Августа Семена при Имп. Мед-хирург. Академии, 1830. – С. 45, 62-63.
13. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
14. Лебедев В.И. Симбирские чувашы // Журнал МВД. – 1850. – Ч. 30. – Кн. 6 (июнь). – С. 304-307 (НА ЧГИГН. Ф. III. Ед. хр. 757. Инв. № 5319).
15. Народы Приволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1985. – 310 с.
16. Никитина Э.В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 204 с.
17. Никитина Э.В., Трифонов Г.Ф. Язык и этноментальность в глобализационном процессе // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Современный мир и этнонациональные процессы» (г. Якутск, 20-21 сентября 2012 г.) / сост. А.А. Пахомов и др. – Якутск: Сфера, 2013. – С. 155-163.
18. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках. Исторический очерк // Собр. соч.: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. – С. 126-356.
19. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939 // Сайт idrisi.narod.ru. 2003. – URL: <http://idrisi.narod.ru/fadl-krach.htm> (дата доступа: 12.01.2014).
20. Рахматуллина З. Н. Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2001. – 147 с.

21. Русские писатели о чувашах: сб. произведений / сост. и авт. вступ. статьи Ф.Е. Уяр. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 590 с.
22. Стрельник О.Н. Внутренняя составляющая оснований цивилизации: ментальность // Основания цивилизации: философский анализ / отв. ред. В.М. Найдыш. – М.: СигналЪ, 2001. – С. 168-208.
23. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. – М.: Наука, 1967. – 540 с.
24. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. – Уфа: Тип. Оренбург. Губернского Правления, 1859.
25. Чуваша в русской литературе и публицистике: в 2 т. / сост. Ф.Е. Уяр. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – Т. I – 456 с.
26. Эрдман И.Ф. Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия. – М.: Памятники отечества, 1995. – С.14-17.
27. Mueller D.C. Reason, Religion, and Democracy. – N.Y.: Cambridge University Press, 2009. – 450 p.

Глава 2

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ ТАТАР*

Татары (самоназвание – тат. «татар», «tatar») – тюркоязычный народ, живущий в центральных областях европейской части Российской Федерации, в Поволжье, Приуралье, в Сибири, Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Численность в России составляет 5310,6 тыс. человек (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.) – 3,72% населения России. Являются вторым по численности народом в Российской Федерации после русских. Делятся на три основные этнотерриториальные группы: татары волго-уральские, сибирские и астраханские (иногда выделяют польско-литовских татар). Татары составляют более половины населения Республики Татарстан (53,15%).

Татарский язык относится к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков и делится на три диалекта: западный (мишарский), казанский (средний) и восточный (сибирско-татарский).

По религиозному признаку татары в основном мусульмане-сунниты, есть православные.

Татары – представители одного из наиболее многочисленных этносов нашей страны. Волго-уральские, сибирские и астраханские татары – консолидированная и сплоченная в культурном отношении этническая общность, оформившаяся в XX в. в высокоразвитую, в том числе и экономически, нацию. В.Г. Крысько в учебном пособии «Этническая психология» [9] отмечает, что всех их отличают сильная приверженность к национальной культуре, традициям, быту. Как правило, это люди гордые, обладающие высокоразвитым и ярко выра-

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomenalitet_tatar_e_v_nikitina/

женным чувством национального самосознания и собственного достоинства, в проявлении которого тем не менее иногда присутствуют как самоуверенность, так и самолюбование. В профессиональной деятельности татары всегда настойчивы, сметливы, проявляют завидную старательность.

Представители татарского народа склонны образовывать в многонациональных коллективах микрогруппы по национальному признаку. Они иногда бывают резкими, категоричными в своих суждениях, во взаимоотношениях с представителями других народов могут проявлять вспыльчивость и обидчивость, однако впоследствии быстро улаживают возникшие конфликты. Волго-уральские, сибирские и казанские татары обладают большим опытом межнационального общения и взаимодействия, легко сходятся с представителями любых других этнических общностей на основе активного и продуктивного сотрудничества с ними в трудовой и общественной деятельности. В больших городах они образуют свои землячества [9, с. 151].

Татары Поволжья и Приуралья – народ, впитавший в себя множество иноэтнических элементов. Татарская духовная культура имеет глубинные корни, берущие начала в языческой культуре, преломленной сквозь призму духовности древней Волжской Болгарии и исламского Востока. В её основе лежит сложное сочетание доисламских и исламских традиций. Доисламский культурный субстрат близок по своим мировоззренческим основаниям к ранним формам духовной культуры соседних народов – русских и мордвы [15, с. 9]. Фундаментальной основой культуры татарского народа стал ислам (98,7 % верующих татар – мусульмане-сунниты). Тем не менее современные татары по образу жизни скорее европейская нация и в этом отношении мало отличаются от других народов России; к тому же это один из самых урбанизированных этносов нашей страны.

Название «татары» среди российских этнонимов относится к наиболее запутанному, имеющим многовековую сложную историю. «Кого только не именовали «татарами», каких только отрицательных качеств и свойств не навешивали носителям этого имени! Со времен раннего средневековья вплоть почти до наших дней. И на Западе, и на Востоке» [8, с. 4]. Впервые этноним «татары» появился среди монгольских и татарских племен в

VIII-IX вв. В XIII в. с монгольско-татарским нашествием он стал известен в Европе. Закрепился этот этноним в XVIII-XIX вв., когда в русских источниках татарами стали называть многие тюркоязычные и некоторые иные народности, жившие на окраинах Русского государства (ранее казанские татары, например, называли себя мусульманами, болгарами, бытовали и другие имена) [11, с. 190].

Фамилии многих российских ученых, писателей, государственных деятелей отмечены происхождением от «татар»: Державин, Плеханов, Тургенев, Кантемир, Тимирязев, Рахманинов, Карамзин, Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Бунин, Куприн, Чаадаев, Потемкин, Достоевский, Циолковский, Радищев, Дашкова, Милуков, Панаев, Кугушев, Еникеев, Утешев, Тенишев, Енгличев, Шишков, Шаховский, Мещеринов, Урусов, Шереметьев, Строганов, Аракчеев, Давыдов, Жуковский, Ширинский-Шахматов и др. В дворянских родах, носящих польские фамилии, встречаются Базаревские, Соболевские, Кручинские, Халецкие, Сулькевичи, Бучацкие, Барановские, Юзифовичи, Адамовичи, Крючковские и др., т.е. те тюркские люди, которые оказались в России после присоединения Польши к царской России. Среди русских встречаются даже немецкие фамилии тех по происхождению тюрков, которые в Польше и Литве получили фон-баронские фамилии. Видимо, в выражении Наполеона «поскреби русского, выскребешь татарина» есть немалая доля истины [8, с. 42].

Формирование татар делят на несколько этапов [см.: 17; 19; 5].

1. Этап образования основных этнических компонентов (середина VI – середина XIII в.). Отмечается важная роль Волжской Булгарии, Хазарского каганата и половцев в этногенезе татарского народа. На данном этапе произошло образование основных компонентов, объединившихся на следующем этапе. Велика роль Волжской Булгарии, заложившей исламскую традицию, городскую культуру и письменность на основе арабской графики (после X в.), которая сменила более древнюю письменность – тюркскую рунику, а также половцев, заложивших основу языка. Этническое самосознание оставалось локальным.

2. Этап средневековой татарской этнополитической общности (середина XIII – первая четверть XV в.). В это время про-

изошла консолидация компонентов, сложившихся на первом этапе, в едином государстве – Золотой Орде; средневековые татары на основе традиций объединённых в одном государстве народов не только создали своё государство, но и выработали свою этнополитическую идеологию, культуру и символы своей общности. Всё это привело к этнокультурной консолидации золотоордынской аристократии, военно-служилых сословий, мусульманского духовенства и формированию к XIV в. татарской этнополитической общности. Этап характеризуется тем, что в Золотой Орде на основе кыпчакского языка происходило становление старотатарского языка, утверждение норм литературного языка. Этап завершился с распадом Золотой Орды (XV в.) в результате феодальной раздробленности. В образовавшихся татарских ханствах началось формирование новых субэтнических общностей, имевших локальные самоназвания: казанские татары, мишари, астраханские татары, сибирские татары и др.

3. Этап консолидации локальных этногрупп в составе Русского государства. После присоединения Поволжья, Приуралья и Сибири к Русскому государству усилились процессы миграции татар (известны массовые переселения с Оки на Закамскую и Самаро-Оренбургскую линии, с Кубани в Астраханскую и Оренбургскую губернии) и взаимодействия между различными его этнотерриториальными группами, способствовавшие их языковому и культурному сближению. Этому способствовало наличие единого литературного языка, общего культурного и религиозно-образовательного поля. Объединяющим в определённой степени являлось и отношение Русского государства и русского населения, не различавших этногруппы.

После того как народы Поволжья, в том числе татары, включились в более интенсивную и развитую экономическую жизнь России, ускорились процессы их социального развития, этнической консолидации, взаимосвязей и взаимовлияний во всех сферах жизнедеятельности. Среднее Поволжье оказалось регионом, в котором соперничали за сферы влияния две мировые религии – ислам, начавший здесь распространяться с X в., и христианство, пришедшее на несколько веков позднее. Миссионеры православной церкви, как и светские власти, усиленно

внедряли среди народов Поволжья христианскую религию, строжайше запрещали их мусульманизацию.

Для сохранения основ традиционного общества после российского завоевания Поволжья татары использовали древний общественный институт *джиен*, роль которого заметно усилилась в XVI-XVIII вв. [15, с. 56]. Джиен («большая семья», объединение нескольких родственных семей) – татарский народный праздник окончания весенних полевых работ, который празднуется обычно летом одновременно жителями нескольких деревень и представляет собой съезд родственников. Его происхождение связано с родовыми и племенными традициями степного скотоводческого населения, является отголоском курултая, характерного для многих тюркских народов. Джиены, будучи изначально формой древней родовой общины, постепенно превратились в сельские общины, во главе которых стояли старики-аксакалы, обладавшие большим жизненным опытом и пользовавшиеся авторитетом у населения. Решения совета старейшин являлись обязательными для всех членов общины.

Также стоит упомянуть татарский народный обычай взаимопомощи односельчан *омэ*, связанный с древним патриархально-родовым укладом татар, когда несколько родственных семей вели общее хозяйство, и выражающий экономическое единство родовых групп [18, с. 218]. Этот обычай продолжал бытовать и после полного распада прежних родовых объединений. В прошлом татарские феодалы и духовенство под видом так называемой «родовой помощи» или «помощи единокровных родственников» широко использовали в своих интересах обычай коллективной помощи. Обычно *омэ* устраивали родственные семьи по очереди во время сенокосов, уборки урожая, строительства дома, для обработки заколотых гусей и во всех других случаях, когда работа была срочной или трудоемкой, не под силу одной семье. Иногда коллективную помощь оказывали неимущим людям, безлошадным, вдовам, сиротам, которые не в состоянии были самостоятельно справиться с хозяйственными работами. *Омэ* широко распространён среди татар и в настоящее время.

В работах представителей отечественной общественно-политической мысли XIX в. указывалось, что татары – народ, устойчивый в своих традициях [см.: 12, с. 22]. Культурная

устойчивость, по их мнению, проявлялась во всех сферах общества и позволяла не только сохранять своё национальное, но и распространять своё влияние на соседей, что в свою очередь выдвигало татар на передний план и выделяло среди других инородцев. Причины виделись в «силе» татарского народа из-за численного преобладания над другими инородцами или в их сплоченности, большей, чем у русского народа. Большинство авторов соглашались с тем, что эту «силу» татарам дарует мусульманская религия, формирующая образовательное и социокультурное пространство, в котором действует закон «один за всех и все за одного». Такой точке зрения благоприятствовала и уверенность авторов в характерных для татар религиозной замкнутости и религиозном фанатизме. Формированию и существованию у татар сильнейшего религиозного чувства способствовало наличие двух общественных институтов – муллы и мусульманская образовательная система, которые находились в теснейшем взаимодействии.

В исследованиях первой половины XIX в. преобладают положительные оценки нравственности татарского народа: в глазах ученых татары представляли как мирный народ, любящий покой и всеми силами стремящийся к нему. Начиная со второй половины XIX в. наблюдается распространение негативных этностереотипов о татарском менталитете (хитрость, высокомерие, тщеславие, индивидуализм, воровство и др.) [12, с. 23-24]. С осложнением «национального вопроса» в Российской империи, ростом социальной активности этноконфессиональных меньшинств отрицательные описания менталитета татар усиливались. Нередко отмечался низкий уровень развития земледельческого хозяйства татар, авторы обращали внимание на развитие традиционных, привычных видов деятельности (отходничество) в ущерб сельскому хозяйству, преобладание торгового характера татар.

Ректор Казанской духовной академии, один из активных практиков и теоретиков антимусульманской обработки населения П. Знаменский, писал: «Татарин искренно гордится и своим происхождением, и образованием, и моральными качествами, и религией... Своим упорством против всех усилий миссионеров и властей татары навлекли на себя даже настоящее гонение, о бед-

ствиях которых хранятся у них озлобленные предания даже доселе. Епископ Лука Канашевич насильно брал их детей в свои школы, ломал их мечети... разобрал остатки уважающихся татарами болгарских сооружений. Правительство со своей стороны, назначая для крещеных татар разные льготы, против ислама принимало разные репрессивные меры, запрещало строить новые мечети, ломало некоторые старые, отягощало упорных мусульман увеличением сборов и повинностями и переселением на другие места» [4, с. 36].

«Ревность татар по постройке мечетей общеизвестна. При каждой мечети целый штат мулл; имеются мусульманские школы. На каждые триста душ у татар приходится одна мечеть с 1 или 2 муллами и 1 или 2 муэдзинами», – записал в своих «Этнографических альбомах» (рубеж XIX-XX вв.) известный чувашский историк Н.В. Никольский [14, с. 18]. «Жителя Казани – татарина – трудно представить дома; даже в мусульманские праздники он непременно стоит около запертых дверей своей лавки или магазина и беседует с соседями и с проезжающими. Торговля у татар идет лучше, чем у русских» [там же, с. 20]. «Татарин – деревенский торговец – торгует всякой мелочью. У него для деревенских покупателей имеются: полотно, ситец, бусы, ленты и пр., а также книги по мусульманству, газеты. При случае он разъяснит эту книгу, почитает из газеты, похвалит ислам; сумеет сказать приятное своему слушателю. Через это обеспечивает сбыт товара и хорошее усвоение мусульманских сказаний» [там же, с. 23]. «Маклер из татар отличается особенным чутьем к добыче, при состязании с маклерами-русскими, чувашами, черемисами победителем оказывается татарин. Друг друга татары-маклеры поддерживают так, как никто из окружающих... Сплоченность у городских маклеров-татар поразительная. На аукцион они являются с готовым решением вопроса, кому из них стать обладателем той или иной вещи» [там же, с. 21].

Описывая старшину волости в Чистопольском уезде Казанской губернии, Н.В. Никольский отмечает: «Держит себя с достоинством. Он сумеет постоять и за себя, и за единоверцев. При дележе земли между мусульманами-татарами, крещеными татарами и др. инородцами лучшую часть получают татары-мусульмане. При спорах сторон волостной старшина будет дер-

жать сторону мусульман» [14, с. 25]. Рассказывая о чернорабочем Тетюшского уезда, пишет: «Он очень вынослив. Физическая сила у него большая, чем у русского и чуваша. При постройке домов, мостов и т.п. татарин при меньшей затрате энергии может сделать больше, чем чуваш, вотяк (удмурт), черемисин (мариец). Питается мусульманин всегда лучше, чем чуваш, вотяк-чернорабочий. Татарин лучше не принесет домой ни копейки, зато будет сыт и доволен». Комментируя фотографию с татаринном-рабочим, добавляет, что заработная плата, которую получают рабочие артели, у татар уйдет на еду, у русских и чувашей – на еду и водку.

По наблюдениям Н.В. Никольского, «жнитво для татарина – самое неприятное занятие». Несколько утрируя, он пишет, что татарин «любит торговлю, извоз, но земледелием занимается, лишь уступая крайней необходимости. Полевая работа у татарина идёт хуже, чем у чувашей» [там же, с. 31]. «Трудно представить татарина без чая. Пьёт он столько, сколько иному русскому даже и не снится. С чаем он употребляет белый хлеб, сыр и масло. За чаем он поговорит обо всём – и о торговле, и о религии, и о политике. Наиболее сведущие сообщают остальным любопытным новости татарских газет» [там же, с. 32].

Накрытый чайный стол до сих пор является выражением татарского гостеприимства и радушия. Чай в Татарстане – излюбленный национальный напиток, от которого не могут отказаться ни седобородые аксакалы, ни молодежь. Редко какая беседа начинается у татар без ароматного чая – необходимого народного ритуала. С «иртэнгэ чэй» – утреннего чая начинают день в татарских семьях, завершая его за любимым напитком. Давний обычай «чэйгэ чакыру» – приглашать на чай, не выходит в народе из «моды» вот уже третий век подряд [1, с. 4]. «После чая – на душе лето», – гласит татарская пословица. Чай неизменно присутствует не только на семейных столах в будни, но и в праздники, сопровождает людей в путешествиях и никогда не надоедает. Татарское чаепитие и татарский чай нашли отражение во многих жанрах татарского народного творчества, произведениях татарских писателей и поэтов прошлого и настоящего.

Врач А. Спасский, проводивший историко-этнографическое обследование татар в татарских деревнях, также пишет, что та-

тары «очень гостеприимны». «Самая лучшая черта их – гостеприимство», «грамотность среди татар сильнее, чем среди русских», «татары живут очень опрятно», «в их доме чистота, печи белят несколько раз в год, даже в развалившихся хижинах их женщины свое хозяйство ведут в большом порядке и чистоте», «для дойки коров татарки всегда одевают чистый фартук, вымя коров моют теплой водой и молоко покрывают чистым полотенцем» [16, с. 16]. Автор приходит к выводу, что по уровню своей культуры и быту татары «бесспорно должны быть поставлены на первое место из всех инородцев» [там же, с. 8, 28].

Историк и этнограф начала XIX в., профессор Казанского университета К. Фукс, специально изучавший быт и культуру татар, отмечал, что они «горды, честолюбивы, гостеприимны, сребролюбивы, чистоплотны, рождены для торговли, хвастливы, между собой дружелюбны, искательны, вкрадчивого свойства и довольно трудолюбивы... Каждый народ имеет свое хорошее и дурное. Равным образом и татары, этот уже более двух веков покоренный и рассеянный между русскими, народ так удивительно умел сохранить свои обычаи, точно как они жили отдельно» [22, с. 21].

Таким образом, татарский менталитет – это менталитет торгового, работающего народа, для которого жизненным кредо является следование принципу «чем я хуже других». Характерными чертами менталитета татарского народа являются старательность, трудолюбие, серьезное отношение к делу, радушие и гостеприимство, традиционная тяга к знаниям [см.: 20, эл. ресурс]. Философ Т.Х. Салькаев основными ценностями и добродетелями татаро-мишарской духовности, которые необходимо возрождать и в настоящее время, называет материнскую любовь, супружескую верность, трудолюбие, гостеприимство, уважение к старикам, терпимое отношение к другим нациям и религиям [15, с. 10]. Более того, терпимость, по его мнению, уникальное свойство татарского религиозного сознания, заключающееся в самоотрицании человека как совершенного существа, употреблении им свободной воли на исполнение божественных исполнений [там же, с. 77].

За всю свою историю татары не были инициаторами ни одного конфликта на этнической и религиозной почве. Большин-

ство исследователей убеждены в том, что толерантность является неизменной частью татарского национального характера. В этом отношении показателен опыт современного Татарстана, который являет собой образец мирного и плодотворного сосуществования и совместного развития представителей различных конфессий и наций [см.: 20, эл. ресурс].

Об уникальности «татарской природы» ярко высказался выдающийся балетмейстер и хореограф XX в. Рудольф Нуриев: «Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарин, а не русским, но я ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда... Мы – странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских, вероятно именно потому я обнаружил такую близость со многими героями Достоевского... Татарин – хороший комплекс звериных черт, и это то, что есть я» [цит. по: 9, с. 151].

В 2003 г. в журнале «Татарский мир» была опубликована статья **Елены Хабенской «Татарский национальный характер: какой он?»**, написанная по результатам исследования группы представителей татарского этнокультурного движения Саратова, Москвы и Казани [23, эл. ресурс]. Автор пишет, что если попытаться синтезировать многообразие мнений в единый портрет, то «типичный» татарин предстанет перед нами как человек открытый, весёлый, жизнерадостный, гостеприимный, религиозный и бережливый. Согласно этому портрету, большинству татар присущи такие качества, как целеустремлённость, настойчивость в достижении поставленной цели, предприимчивость, смекалка, находчивость, чувство взаимовыручки, преданность, обязательность и порядочность. Далее к этому списку добродетелей добавляются щедрость и простота, скромность и доброта, бескорыстная взаимовыручка и ещё весьма длинный перечень лучших человеческих качеств, повествующий о народе гордом, честном и сплочённом.

«Очевидно, эта красочная картинка не имеет ни малейшей этнической специфики и, соответственно, никакого отношения к "национальному характеру" (как татарскому, так и любому другому). Перечисленные добродетели могут быть в равной степени свойственны представителю любой этнической группы, так же как представитель любого этноса может быть их лишён», –

отмечает Е. Хабенская. При попытке охарактеризовать национальные особенности «своего» этноса следует сопоставлять его с другими народами. «Татарский характер я бы обозначил так, в отличие от еврейского: еврей подумает, прежде чем сделает, а татарин, он эмоционален, он сначала может дров наломать, а потом будет жалеть – "ох, погорячился!". Это тюркская натура!.. Есть еврей, которого я за сто татар не променяю, и наоборот, может быть татарин, который только портит саму нацию, и мне стыдно за такого» – читаем в статье ответ респондента.

Другой респондент, описывая «национальный характер», настаивает на особом коллективизме, общинности «татарской природы». («Во-первых, татары стремятся держаться общиной. Это заметно, когда проводятся, например, свадьбы – они масштабные, по 200-300 человек, все родственники. Затем, татары очень работоспособные. Возможно, они несколько приземлённые – не столько стремятся, скажем, к образованию, сколько заботятся о том, где и как заработать. Татары любят свою частную собственность»). Есть замечание, что «татарскому характеру свойственно делать всё основательно». Отождествляется понятие «татарский характер» с «крестьянским характером» («В характере большинства татар есть добротность и основательность. Я это связываю с крестьянскими корнями, крестьянин основательно жил на земле»).

В статье выделены положительные черты татар: трудолюбие, гордость, стремление хорошо выглядеть – хорошо одеваться, иметь добротное жильё, крепкую семью и т.п. Отрицательные черты: отсутствие единства, ревность, клановость в узком смысле; «терпеливость, трудолюбие, неприятие конфликтных ситуаций, молчаливость в сочетании с пассивностью»; «из положительных черт – трудолюбие, уважение к старшим, тесные родственные связи, чистоплотность; из отрицательных – самоуничужение»; «положительные – терпение, тактичность, скромность; отрицательные – продажность, манкуртство».

«Пожалуй, из всех перечисленных качеств чаще других татарам приписывалось трудолюбие и работоспособность ("Терпение, быть может, излишнее, толерантность, трудолюбие, которое, конечно же, присуще не только татарам"; "Работоспособность"; "Это народ трудолюбивый прежде всего. Если бы он не

был трудолюбивым, он бы давно исчез. Я считаю, что если бы татарам дали возможность проявить себя, они бы сделали это неплохо. На примере Татарстана это уже видно. Народ очень последовательный, упорный, настойчивый"»), – заключает Е. Хабенская [23, эл. ресурс].

Стоит отдельно отметить характерную черту семейного быта татар, ярко отразившуюся на татарском этноменталитете, – неравноправное положение женщины и младших членов семьи. «Бесправное положение женщины-татарки в семье и обществе неразрывно связано было с сохранившимися патриархальными пережитками. С ростом товарно-денежных отношений положение женщин стало еще более тяжелым. Так, еще во второй половине XIX в. источники довольно часто отмечают продажу татарок приезжавшим сюда восточным купцам. Еще более укрепился взгляд на женщину как на объект семейной собственности. Калым являлся важнейшим элементом брачных соглашений. Женщину продавали и покупали при заключении брака, в случае смерти мужа как семейную собственность ее оставляли в наследство братьям мужа. Бесправное положение женщины-татарки существовало вплоть до Октябрьской революции» [18, с. 219].

Хотя по предписаниям шариата (мусульманского обычного права) у татар допускалось многоженство, оно имело место лишь в кругах господствующего класса, а в бедных семьях было редким явлением. Вторую жену брали лишь в случае бездетности или болезненности первой. Строго соблюдалась взаимная изоляция юношей и девушек в целях соблюдения нравственности. Во многих семьях, особенно крестьянских, бытовал обычай избегания. Женщина не могла называть мужа по имени, не имела права разговаривать со свекром и другими старшими мужчинами – родственниками мужа, садиться в их присутствии. Развод по нормам шариата был легким, если он проводился по желанию мужчины, но очень трудным, если этого хотела женщина. Разведенную женщину, даже претерпевшую издевательства мужа, родная семья не всегда принимала обратно, при этом дети оставались у отца. Муж практически мог выгнать её из дома без всяких средств [3, с. 239].

Неполноправие младших членов семьи проявлялось и в бракосочетании. Вопрос об их женитьбе или замужестве, выбо-

ре невесты или жениха решался родителями, прежде всего отцом. Основной формой брака было сватовство с уплатой калыма за невесту. Размер калыма колебался в зависимости от имущественного положения родителей жениха от нескольких рублей до нескольких тысяч рублей. Умыкание (увод), побег практиковались сравнительно редко. «После ухода девушек невеста выходила из-за занавеси и здоровалась с женихом. Невеста подчас со страхом ожидала встречи с женихом, ибо случалось, что она прежде не видела будущего супруга, ничего о нем не знала. Нередко этот страх имел серьезное основание. Порой мужу было за 60 лет, тогда как девушке не больше восемнадцати. Ко всему этому девушка должна была совершить унижительный обряд раздевания мужа. При этом некоторые деспотичные женихи хлестали невесту плетью. Суть обычая раздевания жениха сводилась к демонстрации беспрекословной власти мужа над женой» [18, с. 240].

Семья всегда являлась ценностью для татар, однако «отношения между мужем и женой и вообще жизнь в татарской семье в прошлом непосредственно зависели от имущественного положения супругов и их отношений с родителями. Большинство супругов жили в добром согласии, заботясь друг о друге, о воспитании детей и совместно строили свою жизнь. Но тем не менее было заметно приниженное положение женщин. Муж фактически был хозяином над всей семьей, и жена должна была безропотно выполнять все его желания. Отрицательную роль здесь играла религия, веками проповедовавшая неравное положение женщины в семье, что всемерно поддерживалось господствующими классами татарского общества. Ислам всецело защищал права мужа. Коран, объявляя женщину неравноценной мужчине, прямо призывал мужей, если они сочтут необходимым, избивать своих жен (гл. 4, стих 38). То место, по которому муж ударит, в аду гореть не будет, – "утешали" женщину-татарку священные книги» [18, с. 259].

Учитывая, что традиционная татарская семья основана на патриархальных принципах, в современных семьях и сегодня прослеживается выраженный авторитет отца и патриархальный уклад с небольшим присутствием женского затворничества. «Хоть шесть дней голодай, но отца почитай», – говорят татары.

Мать во многих случаях играет роль некоего связующего звена между отцом и детьми [13, эл. ресурс]. Сохранился культ родителей и старшего человека вообще, особым уважением пользуются бабай и эби (дедушка и бабушка). Невеста и в настоящее время должна быть работающей и детородной; обращается внимание на происхождение, родословную, девственность девушки и исполнение обрядов мусульманской веры. Татарские жены, как и прежде, любят готовить традиционные блюда и семья чтит татарскую кухню, которая кроме чаепития славится сладостями и выпечкой (вспомним знаменитый «чак-чак»). Сохранились не только замечательные рецепты национальной кулинарии, но и радушное гостеприимство, так как оно означает не столько кормление гостя, сколько признак уважения к человеку.

Согласно татарской пословице, «привычка, вошедшая в характер с молоком, выйдет вместе с душой». Татары – удивительно сильный народ, сумевший сохранить свою самобытность и уникальность в условиях многовековой антитатарской политики русского царизма, православной церкви и шовинистической историографии, связанной с «золотоордынским прошлым» татар. Современные исследователи нередко цитируют этнолога Андрея Атаева: «Татарский менталитет характеризуется вербально-логическим способом постижения окружающего мира, иными словами, татарский этнос отличает доминантная апелляция к разуму, а не к чувствам. Именно эта особенность лежит в основе их законопослушности, чувстве уважения к власти, любви к порядку и стабильности. Попав в неблагоприятную ситуацию, татарин может проявить гибкость и принять невыгодные правила игры, так как не видит смысла идти против течения. Подобное умение (приспособляться, избирая нужную стратегию сообразно ситуации), очень помогает им в работе» [цит. по: 13, эл. ресурс].

В целом, татарская нация, несмотря на ряд трагических страниц в истории, развивалась и развивается динамично. Татары видят своё будущее в дальнейшем национальном сплочении и единстве, основанном на уникальных культурных традициях и постепенном возрождении доисламских и исламских ценностей. «Татарская нация находится на перепутье. Нет, она не умрет, и последнему татарину не придется погибнуть под развалинами

булгарского минарета. По крайней мере, вся наша богатая история говорит в пользу этого и оставляет надежду для оптимизма. За последние 455 лет мы не исчезли с лица земли, не канули в лету, хотя делалось все, чтобы этот процесс ускорился. И в самом деле, «мы можем» многое, но не можем одного – объединиться ради нашего же будущего, ради одной национальной идеи. И это самая большая проблема татарской нации. Если мы преодолеем ее, то не только выживем, но будем процветать и развиваться и дальше» [см.: 2, эл. ресурс].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушков Р. Казанское чаепитие. – Казань: Панорама, 1994.
2. Декабрьские тезисы к Всемирному конгрессу татар // Tatarica. – URL: <http://tatarica.yuldash.com/society/article1379> (дата доступа: 15.06.2013).
3. Жуковская Н.Л., Мокшин Н.Ф. От Карелии до Урала: рассказы о народах России: книга для чтения по курсам «История родного края», «Народоведение». – М.: Флинта: Наука, 1998.
4. Знаменский П. Казанские татары. – Казань, 1910.
5. Исаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие: научная публицистика. – Казань, 2004.
6. Исаков, Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
7. Исаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993.
8. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988.
9. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: ИЦ «Академия», 2002.
10. Курашов В.И. Философия и российская ментальность: Философская мысль России на пороге XXI века. – Казань: КГТУ, 1999.
11. Матвеев Г.Б. Татары казанские // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – Т. 4: Се-Я. – С. 190-191.
12. Мифтахов Р.Г. Образ татар-мусульман Казанской губернии в трудах современников XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011.
13. Мустафина Э. Обычаи и традиции татарского народа глазами семейного терапевта // Институт Интегративной Семейной Терапии

(Institute of Integrative Family Therapy). – URL: http://www.familyland.ru/library/diplom/diplom_229.html (дата доступа: 10.06.2013).

14. Никольский Н.В. Татары. Татары-кряшены // Собр. соч.: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. IV. Этнографические альбомы. – С. 15-40.

15. Салькаев Т.Х. Духовная культура татар-мишарей: традиции, трансформации, особенности (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2011.

16. Спасский А. Казанские татары. – Казань, 1916.

17. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов; отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 2002-2012.

18. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. – М.: Наука, 1967.

19. Татары. Серия «Народы и культуры». – М.: Наука, 2001.

20. Файзрахманов А. Знакомство с татарским народом // Независимое информационное агентство Islamtat.ru. – URL: http://www.islamtat.ru/index/znakomstvo_s_tatarskim_narodom/0-30 (дата доступа: 15.06.2013).

21. Фахрутдинов Р.Т. Золотая Орда и татары: что в душе у народа. – Набережные Челны, 1993.

22. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844.

23. Хабенская Е. Татарский национальный характер: какой он? // Татарский мир. – 2003. – № 5. – URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=211§ion=0&heading=0> (дата доступа: 5.06.2013).

24. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань, 1989.

Глава 3

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ БАШКИР*

Башкиры (самоназвание – башк. «башкорт») – тюркоязычный народ в Российской Федерации, проживающий на территории Республики Башкортостан. Автохтонный (коренной) народ Южного Урала и Приуралья. Значительные группы башкир расселены в Челябинской, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской областях.

Численность в мире – около 2 млн человек. В России проживает 1 584 554 башкир (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Национальный язык – башкирский. Относится к болгаро-кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков. Имеет сложную диалектную систему и состоит из южно-го, восточного, северо-западного наречий с говорами.

Традиционная религия – ислам суннитского толка ханафитского мазхаба.

Башкиры – очень свободолюбивый и воинственный народ в Урало-Поволжье, что связано с военно-всадническим образом их жизни в прошлом. Формирование башкирской народности происходило на стыке Европы и Азии – на Южном Урале и в прилегающих к нему степях. В этногенезе участвовали разноязычные племена – тюркские, угро-финские, монгольские, иранские. Особое место в этом сложном этно-историческом процессе, протекавшем почти целое тысячелетие на огромной территории от Алтая до Черного моря, занимают древние тюркоязычные кочевники. Кочевой образ жизни сыграл решающую роль в становлении менталитета современного башкира, определил многие его сущностные черты, значительно повлиял на своеоб-

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskije_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomenalitet_bashkir_e_v_nikitina/

разное восприятие феноменов физического и социального бытия – времени и пространства, жизни и смерти, свободы, справедливости, веры, долга и т.д.

Известный башкирский исследователь Р.Г. Кузеев в книге «Происхождение башкирского народа» отмечал, что «древнебашкирская общность складывалась в этническом отношении как многосоставное и многоплеменное образование, при ведущем этноязыковом влиянии на формирующийся этнос древнебашкирских племен – выходцев из Южной Сибири и Алтая; в X в. формирование древнебашкирского этноса еще не завершилось, но уже на рубеже IX-X вв. сложилось племенное объединение, послужившее основой для дальнейшего становления башкирского народа и обусловившее в Древней Башкирии новое направление развития культуры, характерное для тюркских кочевников той эпохи» [10, с. 441].

В XIII в. Южный Урал, степное Зауралье и Приуралье до Волги – вся территория, где шла консолидация башкирских племен, попала под монгольское владычество, а в первой половине XV в. оказалась разделенной между тремя феодальными ханствами – Ногайским, Казанским и Сибирским, возникшими на развалинах Золотоордынского государства. Так более чем на три столетия задержалось сплочение башкирских племен в единую народность. Их объединение произошло позднее.

«В XV – первой половине XVI в. этнические процессы предшествующей эпохи углубляются и признаки, определившиеся кыпчакским этапом этнокультурного развития, постепенно стабилизируются... В XVI в. башкирские племена расселяются на всей территории, которую они занимали вплоть до XIX в. ...В конце XV – первой половине XVI вв. этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сомкнулись. Обострение башкиро-ногайской борьбы и добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовало собой завершение этнической консолидации башкирского народа» [там же, с. 509].

Этот долгий этнический процесс получил своеобразное отражение не только в исторических преданиях, шежере-родословных, эпических сказаниях, которые составляют значительное место в фольклорном наследии башкирского народа, но и заметно повлиял на формирование этнического менталитета башкир.

Одной из лучших специальных работ, посвященных проблеме башкирского менталитета, является монография **З.Н. Рахматуллиной «Менталитет башкир: сущность, характеристики»** (Уфа, 2007). В книге предпринята попытка целостного социально-философского осмысления и анализа произведений башкирского народного творчества и современных национальных писателей, этнографических исследований и научной литературы по истории и культуре башкирского народа. На основе этого автор делает вывод, что изначальные духовные установки и тенденции развития менталитета башкирского народа базировались на таких ценностях, как свобода, поставленная выше всякого другого блага; примат чувственного начала над рациональным; стремление к справедливости. Доминирующую роль среди них играет свобода, которая стала ключевым понятием в картине мира башкир [см.: 14]. В качестве причин возникновения и развития особенностей менталитета башкирского народа обозначены окружающая природа, кочевой образ жизни, самобытность национального мышления, доисламские религиозные верования и ислам.

Условия степного кочевого и полувоенного образа жизни не могли не повлиять на развитие чувства вольного простора, личной свободы и достоинства перед кем-либо, что обусловило специфику ментальных качеств и этнической нравственности башкир. Всё это в общей сложности легло в основу повышенного стремления народа не поддаваться порабощению, сохранять гордость и достоинство, уметь постоять за себя и отстаивать правоту своей позиции. Отсюда, нужно полагать, импульсивное отношение к справедливости, праведности поступков и дел. Эмпирическое, в основном, восприятие башкирами окружающего мира исходило от естественных жизненных потребностей и своевременно подсказывало пути наступления и отступления перед угрозами внешних сил. При этом на первом плане всегда

стояла задача сохранения независимости и свободы, с её утратой всё остальное для семьи, племени, рода и народа теряло смысл и значение.

Очевидно, что башкиры-всадники, в основном, действовали, исходя из сиюминутной обстановки, молниеносных мыслей и быстро переживаемых чувств, поэтому в большинстве случаев не приходилось считаться с личными интересами. В народе выработалось настоятельное внутреннее желание и осознанная необходимость активной самозащиты. Башкиры сформировались как этнос в степной, открытой взору зоне, где перед врагом ни лечь, ни спрятаться невозможно, можно победить лишь в открытом поединке – и это обстоятельство, конечно же, заметно повлияло на общую установку башкирского менталитета. Здесь уместно добавить, что сходные с башкирской природой степные и лесостепные условия проживания чувашей Яльчикского и Красночетайского районов Чувашии сформировали похожие черты этнического характера в виде настойчивого желания защиты собственной свободы, готовности незамедлительно вступить в единоборство с противником. Этого трудно ожидать от чувашей лесных районов республики.

З.Н. Рахматуллина считает, что установки сознания башкир скорее носят архетипический характер, чем нормативный. Из них она выделяет такие существенные характеристики их менталитета, как философичность, поэтичность мышления, гостеприимство и храбрость, безмятежность, простота, скромность, терпимость, гордость, обострённое чувство справедливости и состязательности. Основопологающей ценностью воинственной башкирской ментальности, как у многих древних этносов, прежде всего, является высокий гуманизм – именно эта идея отражается в поведении, фольклоре, культуре народа.

Перечень этих качеств башкирского менталитета и характера отнюдь не случаен, он соответствует действительности как в прошлом, так и в настоящем.

В широком спектре многих и различных качеств менталитета башкир обязательно присутствует общее, объединяющее их в одно цельное мировоззрение. Это мужество и храбрость в отстаивании свободы, способность действовать на страх и риск, наперекор ситуациям, обстоятельствам, судьбе, и они из нега-

тивного упрямства в личном характере башкир не раз превращались в героизм перед Отечеством. Об этом свидетельствуют славные походы Салавата Юлаева, победные марши башкирских кавалерийских полков в Гражданскую и Великую Отечественную войны.

В долгой истории народа для башкира цена свободы всегда была предельно высока. За неё приходилось постоянно бороться, ведь на свободу нет индульгенции на все времена. Будучи непримиримым максималистом в отстаивании личной свободы, будучи ярким противником ущемляющего в правах компромисса, башкир иногда становился заложником своего характера. Вспомним судьбу талантливого деятеля, ученого и политика Тугана Валиди, вынужденного эмигрировать за границу из-за спора с В.И. Лениным. Рационализм разрушает онтологический статус свободы, поэтому прагматизм вступает в противоречие с установками башкира.

Этот воинственный народ на редкость отзывчив и скромн. Скромность заложена и в глубине сознания народа, и в его повседневном поведении. Щедрость и скромность как жизненная философия башкир являются отражением их свободы и заметны при устройстве быта, организации труда и достижении материальных благ. Башкиры способны легко отдавать приобретённые вещи. Материальные ценности никогда не были на первом месте, башкиры не стремились к излишеству, внешним формам благосостояния. Мирный башкир склонен больше размышлять над трансцендентными вопросами своего бытия, чем над эмпирическими; его мысль чаще всего направлена на собственное Я, близкое окружение, чем на далёкий внешний мир. Безмятежность и беспечность башкира, которые также проявляются в его поведении, – это форма не омраченного состояния духа, воли и свободы.

Цивилизация слабо повлияла на ментальный мир башкира. До XXI в. у него так и не развились жадность и неприкрытый индивидуализм в поисках собственной выгоды. Даже становление капитализма в России особого влияния на рост коммерческих талантов башкир не оказало. В этом башкирский менталитет схож с чувашским.

Поэзией и философией отличается мирозерцание башкирского народа. Ученые видят в этом его преимущество и недостаток, трагедию и судьбу. С точки зрения прагматичного Запада, поэтичность и философичность не выгодны для развития этноса в современном мире, но если смотреть сквозь призму установок восточных народов, то можно увидеть множество положительных оттенков. Культ свободы, присущий башкирской ментальности, требовал многих жертв.

Исторические испытания, крутые переломы в политике, экономике, в сельском хозяйстве и нефтегазовой промышленности внесли в судьбу и менталитет народа серьезные коррективы. Притязания на неограниченную свободу за годы советской и постсоветской власти претерпели серьезные ограничения, и тем не менее башкиры остаются вольным, боевым, авангардным народом в Российской Федерации.

З.Н. Рахматуллина заключает, что резкая смена кочевого образа жизни, период кантонного управления, тоталитарный советский режим, эпоха застоя деструктивно повлияли на дух народа, именно совокупное действие всех данных факторов сформировало менталитет современного башкира.

Рассмотрим основные черты башкирского этноменталитета подробнее.

Этногенетические параметры ядра башкирского этноса, в первую очередь, определили физико-географические условия Южного Урала. Подтверждением этого служит сохранившийся у башкир архаический эпос «Урал батыр». Канва его повествования, фон, на котором разворачиваются его сюжеты, не оставляют сомнений, что «картина мира» башкир сложилась на Урале. «В пользу тезиса о том, что башкиры складывались как горный народ, говорят их песни и пляски. Даже недолгое соприкосновение с башкирским народным искусством не оставляет в том никаких сомнений» [см.: 21, с. 195].

В родоплеменном обществе башкир каждый мужчина по необходимости должен был быть воином, а значит храбрым, чтобы защитить свой род, семью, пастбища, стада. Мужчина, который бережно относился к своей жизни, считался трусом и вызывал всеобщее презрение у окружающих. Башкиры были лихими наездниками, умело пользовались оружием, украсть ко-

ня и девушку считалось удальством. Вся жизнь кочевника проходила верхом, только с помощью лошади можно было подчинить себе бесконечность пространства степей, можно сказать, башкир рождался и умирал в седле [14, с. 58].

Башкиры учились ездить на лошади с раннего детства. Каждый башкирский юноша должен был стать наездником, ловким и выносливым, способным длительное время находиться в седле, не чувствуя при этом усталости. Наряду с искусной джигитовкой, умением на скаку метко стрелять из лука, рубить саблей, многие авторы XVIII-XIX вв. отмечали чрезвычайную выносливость башкирских всадников, выработанную повседневным пребыванием в седле. Известный чувашский историк Н.В. Никольский в своих «Этнографических альбомах» писал: «В характере башкира замечается два явления: лесной башкир более смел, вспыльчив, более гордого и независимого характера... Башкиры худощавы, телосложения не очень крепкого; тем не менее, они довольно сильны и способны переносить большие труды и лишения» [12, с. 201]. Столь же много и хорошо ездили верхом и женщины-башкирки, что вообще характерно для кочевого быта скотоводов [9, с. 257].

В башкирском обществе, как и у других поволжских и кавказских народов, непререкаемым авторитетом пользовались аксакалы-старейшины. Исторические знания и вся иная информация, которую мудрецы хранили в своей памяти, считались ценнейшим духовным богатством общины. Аксакалы, обладающие хорошей памятью и имеющие немалый жизненный опыт, в народе всегда пользуются всеобщим уважением. У башкир почтительное отношение к «белобородым» сохранилось до наших дней. То же самое у татар. К сожалению, в Чувашии властные органы настойчиво наступают на «Халӑх хуралё» (Совет старейшин) как на противоправное явление. «Мудрецы ценили неторопливый, душевный разговор за чашкой кумыса и свободное философствование. Они ничего другим не доказывали, а только показывали убедительные факты из жизни, не поучали, а внушали определенные ценности и истины» [14, с. 64].

Башкирский менталитет, несмотря на воинственность в своей основе, чужд насилию и нетерпимости к незнакомым племенам и народам, у башкир нет явного отчуждения от других. От-

ношение к «чужим» бывает лучше, чем к своим привычным со-родичам, потому что с дальними незнакомцами поступают по всем правилам гостеприимства. Башкиры терпимо относились ко всем переселенцам, несмотря на различие в языках, нравах и вероисповеданиях, выдавали им за символическую плату землю и не навязывали свою мораль и взгляд на жизнь, а позднее совместно отстаивали в борьбе общие социально-экономические и духовные интересы [14, с. 77].

Любознательность присуща башкирам в любом возрасте. Для них характерно стремление обогатить собственную культуру духовным и практическим опытом других народов. Одни новшества народ принимал без изменений, другие отвергал напрочь, в третьи вносил своё переосмысленное содержание. У переселенцев башкиры перенимали способы и орудия земледелия, а сами делились опытом степного животноводства. Башкиры быстро адаптируются к инородным явлениям, толерантно относятся к другим племенам, и это весьма положительное качество впоследствии негативно повлияло на культуру самих башкир, поскольку способствовало ассимиляции народа и нивелировке культурных различий среди населения Башкирии.

Башкиры, имея в памяти собственную модель государственного устройства, отчаянно противились колонизации и насильственной христианизации со стороны Русского государства. В качестве идеологов и во главе восстаний часто выступали служители религиозного культа (муллы). Башкиры завоевали свое право на традиционную для них мусульманскую веру в жестокое противостоянии. После долгих неудач в деле христианизации народов исламского мира царское правительство становится на компромиссный путь религиозной политики.

Башкирский вариант ислама имеет свои особенности, которые отличают его от ортодоксального мусульманства стран Ближнего и Среднего Востока. А.Б. Юнусова выделяет следующие его специфические характеристики: 1) раздельность власти и религии, слабая политическая выраженность мусульманского верования; 2) недостаточная развитость экономических принципов существования мусульманской общины; 3) сохранение реликтов доисламских верований у башкир вплоть до XX в. [20, с. 92].

Несмотря на то, что ислам не имел сильного воздействия на массовое сознание башкир, как, например, в Средней Азии или на Кавказе, тем не менее он стал и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные стороны их бытия. Мусульманская модель мира определила многие важнейшие грани менталитета народа, легла в основу башкирской национальной идеи, выдвинутой интеллигенцией. Ислам определил направление развития не только религиозной, но и всей духовной культуры, мечети, являясь культовыми сооружениями, одновременно были центрами образования и просвещения башкир [14, с. 78].

У башкир, кочевавших вплоть до XVIII в., мечети не всегда представляли собой специальное сооружение культа, во время кочевки его функции выполняла обыкновенная юрта, обучение учеников проходило там же. После перехода на оседлый образ жизни архитектура и внутреннее убранство башкирских мечетей сохранило аскетическую простоту.

«Башкиры менее обнаруживают боязнь за свою религию, чем татары, спокойно рассуждают о своей и русской вере, не обнаруживая ни малейшей склонности возвеличивать свою, считая все веры равными. Они спокойно встретили распоряжение русских властей об обязательности знания русского языка муллами, без опасения за веру отдают своих детей в русские начальные школы», – отмечал С.Г. Рыбаков [17, с. 16].

Вместе с исламом в социальное бытие башкир вошли нормы шариата – мусульманского законодательства. Все события в жизни мусульманина, от рождения до смерти, происходили по шариатским законам [14, с. 80].

Семейная жизнь башкир тоже претерпела большие изменения под воздействием религии. Ислам узаконил многоженство, развод происходил по установлению шариата. Причиной развода являлись неудовлетворенность материальных потребностей женщины, невыплата договоренного количества калыма, а также негуманное обращение с ней. Измена мужу была редким явлением, и практически всегда заканчивалась разводом, так как в обществе высоко ценилось целомудрие женщины, и была высока половая нравственность народа. Этнографы не раз отмечали, что башкиры – замечательно чистый народ по отношению к женщинам.

«Положение башкирской женщины в семье, пожалуй, лучше положения русской. Семейная жизнь башкир протекает тихо и мирно, без особых ссор и тем более драк со стороны мужа. Причину этого можно видеть в отсутствии пьянства среди башкир» [11, с. 141]. Ислам запрещает правоверному мусульманину употреблять спиртные напитки, «эффективным отвлекающим средством и противоядием от алкоголя у башкир на протяжении веков оставался кумыс, который кроме того имел общеоздоровительное значение» [там же, с. 69].

Муж старался гуманно относиться к жене, детей почти никогда не наказывали, но существовал непререкаемый авторитет отца, воля которого была законом для всех. Башкирская женщина пользовалась большой свободой, хотя бытует устоявшееся представление о приниженном положении всех женщин Востока. В массе своей браки башкир были моногамными, и именно в таких семьях отношения между полами строились на равноправии и на равных обязательствах.

Башкирка – это девушка-джигит, амазонка степей, которая скакала на лошади и стреляла из лука не хуже любого мужчины. Она самостоятельна в суждениях и поступках, в некоторой степени эмансипированна. Башкирка была другом и помощницей в суровой жизни кочевника-скотовода, ни перед кем не закрывала лица, нередко сама являлась инициатором развода, более половины башкирок дореволюционного времени знали грамоту. Пожилая женщина пользовалась всеобщим уважением, во многих случаях ее голос был решающим [14, с. 82].

Главными константами традиционной башкирской семьи являются такие черты, как многопоколенность, многодетность, сохранение духовных ценностей, передача нравственного опыта предков, ориентация на создание крепкой семьи, формирование экологической культуры, забота о духовном развитии молодого поколения. Главой в башкирской семье был и остается мужчина – отец семейства, муж. В настоящее время понятие «глава семьи» не означает беспрекословного подчинения ему всех остальных членов семьи и жены. Глава семьи является главным защитником семьи, обеспечивает ее безопасность, материальное благополучие, представляет ее перед обществом [см.: 1, эл. ресурс].

Башкирская женщина имела относительную свободу по сравнению с женщинами Востока. Главной причиной независимого положения башкирок было то, что быт и семья не были глубоко пропитаны предписаниями ислама и мусульманской моралью. Профессор Д.Ж. Валеев, изучая истоки нравственного сознания башкир, считал, что изображение башкирок XIX в. забитыми, лишенными всякой общественной деятельности не соответствует действительности. Доказательством является, например, участие башкирских женщин в военных походах 1812 г. наравне с мужчинами [см.: 8].

Для регулирования отношений в семье между родителями, мужем и женой, детьми у башкир из поколения в поколение существовали определенные нормы поведения, которые составляли традиционный семейный этикет. Он строился на безусловном уважении и почитании старших младшими, родителей детьми. Это наиболее древняя форма морали, на основе которой шел процесс дальнейшего нравственного развития башкирского народа.

Одной из главнейших ментальных характеристик башкирского народа является свободолюбие. Русский антрополог-этнограф Ф.Д. Нефедов писал: «С живым умом и впечатлительные, башкиры отличались смелостью и безграничным удалством, всего выше ставили личную свободу и независимую жизнь, были горды и вспыльчивы» [3, с. 119]. Башкиры восставали почти два века подряд за свою независимость и свободу, за которую платили дорогой ценой – сотней тысяч человеческих жизней. Героическая смерть за освобождение народа была для башкира предпочтительней, чем жалкое прозябание в оковах [14, с. 89].

Однако жестокое подавление восстаний (виселицы, ссылка в Сибирь, сожжение деревень) безусловно отрицательно сказались на генофонде народа. Исследователь края В.М. Черемшанский во второй половине XIX в. писал: «...Дикий и необузданный, привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собою никакой власти, одним словом – народ буйный и своевольный, в настоящее время представляет народ мирный, терпеливый и покорный, не имеющий уже того строптивного духа» [18, с. 13].

«Всма­триваясь в эти лица, не верится в недавние сказания про силу и воинственный дух башкир. Через сто с лишком лет нельзя узнать этого некогда буйного и отважного народа. Они полуголодные, едва перебивающиеся изо дня в день, забытые и запуганные, в настоящее время представляют только тень своего прежнего облика. В работе они трудолюбивы, предусмотрительны, находчивы, а главное аккуратны. Ум у них живой. По-татарски все читают» [12, с. 203].

Следует отметить, что свобода как духовная потенция народа не исчезла и не раз обнаруживала себя позже в виде национально-освободительных движений XX в., но после восстаний XVIII в. случился некий надлом в психике, умонастроении народа, он «ушел в себя», находя утешение в свободе творчества, хотя и в данной сфере его пытались сделать несвободным. Башкир стал жить прошлым, время как бы остановилось для него, он вспоминал былую привольную и свободную жизнь, милые сердцу кочевки [14, с. 92].

Резкая смена естественного для народа уклада жизни, мрачная эпоха кантонного управления нарушили органичность внутренней и внешней жизни башкир, кардинально изменили повседневные ценностные ориентации, уничтожили многие положительные черты народа, привили такие, как апатичность, безынициативность, а пропасть между реальностью и желаемым привела к самоотчуждению народа. Именно совокупное воздействие данных факторов сформировало ментальность современного башкира. «Глядя на башкир, трудно себе представить, что это был когда-то многочисленный и сильный народ, которому принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших) и на восток по Миасу, Исети, Тоболу и Иртышу до Оби», – писал Д.Г. Амиров [2, с. 37].

У башкир очень развито чувство справедливости, из которого вытекает прямолинейность характера, резкое разграничение правды и неправды. Вообще, картина мира башкира поделена только на две части: добро и зло, где не существует промежуточных оттенков. Все их душевные черты возводятся до абсолютного предела, как точно заметил И. Эренбург, башкиры умеют любить и умеют ненавидеть [см.: 4, с. 45]. Поэтому они

редко прощают друг другу неудачную шутку или остроты в свой адрес, тем более измену и предательство. После такого даже самый добродушный из башкир не будет относиться по-прежнему, а возможно надолго затаит обиду и злобу. У башкир нет этики всепрощения, свойственной русским. Этот максимализм есть чистота первозданной полудикой души народа [14, с. 98].

Храбрость у башкир являлась высшей добродетелью, умереть на поле битвы считалось почетнее, чем дожить до глубокой старости. Сподвижник Емельяна Пугачёва знаменитый бунтарь Салават Юлаев считается в Башкортостане национальным героем. В войне 1812 г. башкирских конников французы прозвали «северными амурами», о храбрости которых позднее вспоминал в мемуарах генерал де Марбо. Во время Великой Отечественной войны башкирский народ создал свою национальную дивизию. Доктор Мейяр пишет в «Дейче цейтунг фюр Остланд»: «Нужно добавить, что в донских степях мы вынуждены сражаться с людьми дикими, но не ведающими страха, принадлежащими к племени башкир» [цит. по: 13, с. 16]. Как народ, существовавший в условиях непрерывной войны и приравненный к военному сословию, башкиры оценивали человека прежде всего через его мужество.

Живя вдалеке от городской цивилизации, башкиры не знали чувства корысти, личной выгоды, скорее наоборот, у них поощрялись щедрость и гостеприимство. Собиратель и исследователь музыкального творчества уральских мусульман С.Г. Рыбаков подчеркивал: «Башкиры прежде всего дети природы и как таковые проявляют естественные стороны человеческого существа: простодушие, доверчивость, добродушие, готовность бескорыстно услужить, приветливость, гостеприимство, что выражается на их физиономиях, которые выглядят такими простодушными, чуждыми задних мыслей, и лишены какой-либо отталкивающей дикости и свирепости» [17, с. 31].

«Гость у башкира – священная особа, для него башкир не пожалеет зарезать барана или жеребенка, хотя бы и последнего. Приезжая в любую деревню, вы можете остановиться в первой попавшей избе, чего мы не встретим даже у русских, считающихся одним из гостеприимных народов... Богатый башкир, пользуясь случаем, приглашает еще гостей и устраивает чуть не

настоящий пир...» – писал Д.Н. Никольский в работе «Башкиры» [11, с. 98].

Однако, как отмечал известный краевед Р.Г. Игнатьев, «ухаживая за гостем, даже важным, башкир не снисходит до низкопоклонства, заискивания и т.д., он сохраняет свое достоинство и держит себя независимо» [цит. по: 7, с. 111]. Не допускает двусмысленности и характеристика, данная башкирам В.М. Флоринским. У них, по его мнению, «характерной чертой является их прирожденное чувство порядочности, привычка уважать в другом человеке его человеческую личность и сохранять таковое и в самом себе, редко доводя сознание собственного достоинства до высокомерия или нахальства» [цит. по: 7, с. 112].

«Несмотря на все неблагоприятные условия, при которых складывалась жизнь башкир... – указывал Д.Н. Никольский, – эти дети степей все же сохранили и хорошие стороны. В числе таковых на первом плане стоит гостеприимство, особенно по отношению к чужестранцам... Далее, к положительным качествам башкир нужно отнести их доброту, приветливость, мягкость характера, последнее свойство особенно проявляется в семейном быту. Башкир относится к своей жене мягко... Такое же мягкое и любовное отношение у башкир замечается и к детям... Сострадание и помощь ближнему, особенно бедняку, значительно развито у башкир, проявляясь в больших даже размерах, чем этого можно было бы ожидать» [11, с. 98, 99, 100, 140, 141]. По наблюдению Ф.Д. Нефедова, «башкиры – народ симпатичный, с живым умом, способным к отвлеченному мышлению, чрезвычайно впечатлительный и обладающий значительной фантазией, вспыльчивы, но отходчивы, народ добродушный и гостеприимный, довольствующийся малым, – их разве только ленивый не обирает и не эксплуатирует» [цит. по: 19, с. 193].

Яркое качество менталитета башкир – скромность. Башкирская скромность проявляется в сдержанном выражении чувств по отношению к другим людям, причем даже позитивных. И в застольях башкиры в основном ограничиваются пожеланиями блага человеку, мало говорят о его достоинствах и достижениях, стараясь не захвалить, хотя «за глаза» могут сказать много хорошего. Завышенная оценка достоинств человека воспринима-

ется как ложь, неприятие ее в любом виде, даже нацеленную во благо, обостренное чувство справедливости везде и во всем [14, с. 112].

Беззаботность, беспечность башкира является весьма любопытным проявлением его этноменталитета. Как считает З.Н. Рахматуллина, безмятежный человек не имеет особых претензий к себе и к другим, у него не бывает угрызений совести по поводу того, что целый день созерцал мир и размышлял.

«Башкир не отягощает себя работою, и работает лишь столько, сколько это неизбежно, и всякую минуту готов предаться самой беззаботной праздности: лежать и болтать» [17, с. 22]. Для башкира героический подвиг важнее трудовых будней, поэтому каждодневному рутинному труду он предпочитает творческую работу по вдохновению, зову сердца. Ему очень важно получить от своей деятельности удовольствие, почувствовать подъем духа, сделать все это с охотой и любовью, не заставляя себя. Он всегда действует, исходя из переживаемых чувств, особо не считаясь с личными интересами и потребностями. Заставить себя трудиться он может во благо другого: любимого, близкого, уважаемого человека, но не для себя [14, с. 116].

«При первом знакомстве с бытом башкир становится ясным, что это народ малодетельный, непредприимчивый, прямо даже ленивый, существующий тем, что пошлет ему природа, живущий только настоящим днем, но не заботящийся о следующем, не знающий цены тем великим природным богатствам, которые ему принадлежат, и среде, в которой он живет на Урале. Это изобилие богатств поощряет его к ленивой жизни тем успешнее, что потребности его не поднимаются даже до степени ничтожности и первобытности» [17, с. 26].

Башкиры достаточно резко отличаются от родственного им татарского народа недостаточным развитием в характере таких качеств, как прозорливость, расчетливость и гибкость в отношениях с людьми, необходимых для деятельности в сфере торговли. Умение купли-продажи с выгодой для себя, что так высоко ценится у народов, занимающихся торговлей, не почиталось за особое достоинство в среде башкир. Они оценивали человека по совершенно другим меркам: в первую очередь, по широте души, щедрости, смелости и простоте. Суесться и торговаться из-за

нескольких тенгэ не позволяла гордость башкира, это он воспринимал как унижение, оскорбление, мелкость души, и вообще ремесло торговца-лавочника не удостаивалось большого уважения и чести в башкирском обществе [14, с. 119].

Однако непредприимчивость башкир вытекает не только из-за скромных жизненных потребностей, особенностей национального характера, недостаточного развития производственных сил и отношений или щедрот Башкортостана, которые якобы не располагали к труду, но и из-за рутинности социальных связей, чуждых бытию, менталитету людей традиционного общества. В.М. Флоринский пишет: «Башкир ленив, но его нельзя назвать бездеятельным: в промежутке между праздным времяпрепровождением, он работает усердно и проявляет даже большую по сравнению с русскими работоспособность. В работе они не споры, но трудолюбивы, предусмотрительны, находчивы и, главное, аккуратны. Вообще, ум их отличается живостью и подвижностью, как и весь характер, вот почему они чувствуют большую склонность к таким работам, которые требуют не одной механической привычки и рутины, а разнообразия приемов и личное соображение» [цит. по: 2, с. 8].

Башкир живет днем сегодняшним, не думая, не гадая о будущем. Многие русские писатели поражались такому фатализму, но это явилось следствием печальных, вероятно, неслучайных исторических испытаний в судьбе народа [см.: 14, с. 123].

Менее заметным в менталитете башкир, но гораздо более важным следует считать свойственную им склонность к соперничеству и равенству, из чего вытекает завистливость характера. Объектом зависти чаще становится представитель своего народа, «чужим» башкиры не завидуют. Две сильные личности из башкир редко сотрудничают друг с другом, так как даже в равноправных отношениях один партнер должен подчиниться, а независимый по духу башкир никогда не признается ни себе, ни другим, что он слабее. В предельных ситуациях башкиры максимально поддерживают друг друга, но в стабильных обстоятельствах лишь до того момента, пока их возможности и перспективы примерно одинаковы.

З.Н. Рахматуллина иллюстрирует это ментальное качество народной легендой: «Господь спустился в ад посмотреть на ра-

боту своих помощников и видит: стоят в огне три больших чана, в которых наказывают грешников. За одним присматривают три стражника, за другим – только один, а у последнего чана вообще стражников нет. Господь спрашивает: «Почему же так?» «В первом чане находятся евреи, как только один из них оказывается наверху, он начинает помогать остальным и они быстро могут освободиться. Во втором – русские, они тоже, помогая друг другу, довольно скоро вылезти из чана могут. В последнем – башкиры. Как только один из них выплывает наверх, остальные тянут его обратно, поэтому здесь нет охранников», – отвечают стражники» [14, с. 129].

Если с момента принятия ислама башкирская культура развивалась, синтезируя общетюркское, арабо-мусульманское и собственно башкирское, то после вхождения Башкортостана в состав Русского государства во второй половине XVI в. синкретизм этнокультурного менталитета, общественных институтов и норм под влиянием политико-правовой системы метрополии возрастает, что явилось детерминирующим фактором нарастания общечеловеческого содержания в мировоззрении башкирского народа. С присоединением к России расширились духовные связи башкир с русской и западноевропейской культурой. Приоритетной сферой становятся социально-философские проблемы, что обусловлено остротой противоречий, вставших перед обществом.

Стиль мышления и поведения современного башкира мало отличается от манер его предков. Он так же свободолюбив, гостеприимен, щедр, храбр и искренен, хотя прагматичная цивилизация внесла ощутимые изменения в этнические традиции в сфере социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина А. Философские аспекты исследования башкирской семьи // Ватандаш. – URL: <http://www.vatandash.ru/index.php?article=1604> (дата доступа: 20.06.2013).
2. Амиров Д.Г. Башкиры. – Стерлитамак, 1922.
3. Башкирия в русской литературе. – Т. 2. – Уфа, 1964.

4. Башкирия в русской литературе. – Т. 5. – Уфа, 1968.
5. Башкирское народное творчество. – Т. I. Эпос. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987.
6. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1995.
7. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа, 2007.
8. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. – Уфа, 1989.
9. Жуковская Н.Л., Мокшин Н.Ф. От Карелии до Урала: рассказы о народах России: книга для чтения по курсам «История родного края», «Народоведение». – М.: Флинта: Наука, 1998.
10. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974.
11. Никольский Д.Н. Башкиры. – СПб, 1899.
12. Никольский Н.В. Башкиры // Собр. соч.: в 4 т.– Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. IV. Этнографические альбомы. – С. 199–210.
13. Рахматуллина З.Н. Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2001.
14. Рахматуллина З.Н. Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2001.
15. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа, 2000.
16. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.; Л., 1955.
17. Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. – СПб., 1897.
18. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859.
19. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1972.
20. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.
21. Ямаева Л.А. Менталитет башкир: особенности национального характера // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность: информационно-аналитический бюллетень № 11 / ИГИ АН РБ. – Уфа, 2010. – С. 195–200.

Глава 4

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ ЧУВАШЕЙ*

Чуваши (самоназвание – чăваш) – тюркоязычный народ суваро-булгарского происхождения в Российской Федерации, титульная нация Чувашской Республики (столица – г. Чебоксары). Общая численность – около 1,5 млн, из них в России – 1 млн 435 тыс. (согласно результатам переписи 2010 г.).

В Чувашии проживает примерно половина всех чувашей России; значительные группы расселены в Татарстане, Башкортостане, Самарской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Кемеровской областях и Красноярском крае; малая часть – за пределами Российской Федерации (наибольшие группы в Казахстане, Узбекистане и на Украине).

Чувашский язык является единственным живым представителем болгарской группы тюркских языков, имеет два диалекта: верховой (окающий говор) и низовой (укающий).

Основное вероисповедание религиозной части чувашей – православное христианство; есть приверженцы традиционных верований и мусульмане.

Чуваши – самобытный древний народ с богатой монолитной этнической культурой. Они являются прямыми наследниками Великой Болгарии и позже – Волжской Болгарии. Геополитическое расположение чувашского края таково, что по нему текут многие духовные реки востока и запада. В чувашской культуре есть черты, схожие и с западной, и с восточной культурами, присутствует шумерская, хетто-аккадская, согдо-манихейская, гуннская, хазарская, болгаро-суварская, тюркская, финно-угорская, славянская, русская и другие традиции, но при этом

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomenalitet_chuvashej/

она не тождественна ни одной из них. Эти особенности находят отражение и в этническом менталитете чувашей.

Чувашский народ, впитав культуру и традиции разных народов, «переработал» их, синтезировал положительные, подходящие для условий своего существования обычаи, обряды и ритуалы, идеи, нормы и правила поведения, способы хозяйствования и бытового строя, сохранил особое миропонимание, сформировался своеобразный национальный характер. Бесспорно, чувашский народ обладает своей самостью – «чăвашлăх» («чувашскость»), которая является стержнем его уникальности. Задача исследователей «извлечь» его из недр народного сознания, проанализировать и выявить его сущность, зафиксировать в научных работах.

Реконструкция глубинных основ менталитета чувашского народа возможна по осколкам древнечувашской рунической письменности, структуре и лексическому составу современного чувашского языка, традиционной культуре, узорам и орнаментам национальной вышивки, одежде, утвари, религиозным обрядам и ритуалам, по материалам мифологии и фольклора. Обзор историко-этнографических и литературно-художественных источников также позволяет заглянуть в прошлое болгаро-чувашского народа, понять его характер, «натуру», этикет, поведение, мировоззрение.

Каждый из этих источников на сегодняшний день затронут исследователями лишь частично. Немного приоткрыт занавес истории постностратической шумерской стадии развития языков (IV–III тыс. до н. э.), гуннского периода, восстановлены некоторые лакуны прабулгарского периода (I в. до н. э. – III в. н. э.) древнесувазских предков, оторвавшихся от остальных гуннско-тюркских племен и мигрировавших на юго-запад. Древнебулгарский период (IV–VIII вв. н. э.) известен переходом болгарских племен на Кавказ, Дунай, в Волжско-Камский бассейн.

Вершиной среднебулгарского периода является государство Волжская Булгария (IX–XIII вв.). Для сувар-сувазов Волжской Булгарии трагедией стал переход власти к исламу. Затем в XIII в., потеряв во время нашествия монголов все – свое имя, государство, родину, письменность, книги, керемети и Керемы, в течение веков выбираясь из кровавой бездны, болгары-сувазы

формируют собственно чувашский этнос. Как видно из исторических исследований, чувашский язык, культура, традиции гораздо древнее самого этнонима чувашского народа.

Многие путешественники прошлых веков отмечали, что характером и повадками чуваша заметно отличались от других народов. В записках известных и часто цитируемых исследователей Ф.Й.Т. Страленберга (1676-1747), В.И. Татищева (1686-1750), Г.Ф. Миллера (1705-1783), П.И. Рычкова (1712-1777), И.П. Фалька (1725-1774), И.Г. Георги (1729-1802), П.-С. Палласа (1741-1811), И.И. Лепехина (1740-1802), «проповедника чувашского языка» Е.И. Рожанского (1741-?) и других ученых, посещавших в XVIII-XIX вв. Горную сторону Казанской губернии, есть немало лестных отзывов о «чувашенинах» и «чувашанках» как о людях трудолюбивых, скромных, аккуратных, пригожих, смекалистых.

Дневниковые записи иностранца Товия Кенигсфельда, посетившего чувашей в 1740 г. в числе участников путешествия астронома Н.И. Делиля, подтверждают эти представления [цит. по: 17, с. 104]: «Мужчины-чуваша в большинстве хорошего роста и телосложения. Их головы черноволосы и выбриты. Их одежда по своему покрою близка к английскому, с воротником, с кушаком, висящим за спиною и отороченным красным. Мы видели несколько женщин. С которыми можно было завязать знакомство, которые вовсе не были нелюдими и даже обладали приятными формами... Среди них встречаются довольно красивые с тонкими чертами лица и изящной талией. Большинство из них черноволосы и очень опрятны...» (*Запись от 13 октября*).

«Мы провели несколько часов у этих добрых людей. И хозяйка, толковая молодая женщина, приготовила нам ужин, который нам понравился. Так как она была не прочь пошутить, то мы болтали непринужденно с ней с помощью нашего переводчика, хорошо владевшего чувашским языком. Эта женщина обладала густочерными волосами, прекрасным телосложением, милοвидными чертами и немного напоминала своим видом итальянку» (*Запись от 15 октября в д. Малый Сундырь ныне Чебоксарского района Чувашской Республики*).

«Теперь сижу у моих друзей чуваш; я очень люблю этот простой и кроткий народ... Этот мудрый народ, столь близкий к

природе, видит все вещи с положительной точки зрения и судит о достоинстве по их результатам... Природа производит больше людей добрых, нежели злых» (А.А. Фукс) [27, с. 86, 97]. «Все чуваша – природные балалаечники» (А.А. Коринфский) [там же, с. 313]. «...Чуваши от природы народ настолько же доверчивый, насколько честный... Чуваши нередко в полной чистоте души... почти не понимают даже существования лжи, у которых простое пожатие руки заменяет и обещание, и поруку, и присягу» (А. Лукошкова) [там же, с. 163, 169].

Основу чувашской многовековой этнической ментальности составляют несколько опорных элементов: 1) «учение предков» (этнорелигия сардаш), 2) мифологическое миропонимание, 3) символичный («читаемый») орнамент вышивки, 4) коллективизм (общинность) в быту и повседневной жизни, 5) почтительное отношение к родоначальникам, преклонение перед материнством, 6) авторитет родного языка, 7) верность отчизне, присяге и долгу перед родиной, 8) любовь к земле, природе, животному миру. Чувашское миропонимание как вид духовной деятельности общества представлено в системе детской игровой школы (сереп), устного народного творчества, морали, особенностях государственного устройства, в обычаях и ритуалах, запечатлевших в себе важные и принципиальные в теоретическом отношении положения. Усвоение произведений устного народного творчества, мифов, легенд, преданий и сказок, пословиц и поговорок является специфической школой чувашского миропонимания и способом не только хранения знаний, но и развития ума в традиционном обществе.

Рубеж XVII-XVIII вв. является началом христианско-просветительского периода в культурно-исторической жизни чувашского народа. За четыре века православная идеология тесно переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием чувашей, однако ценности русско-византийской церкви не стали базисными в этноменталитете чувашей. Об этом свидетельствуют, в частности, факты небрежного, нетрепетного отношения чувашских крестьян XIX в. к церквям, попам, иконам православных святых. М. Горький в письме заведующему редакцией журнала «Наши достижения» В.Т. Бобрышеву писал: «Оригинальность Чувашии не только в

трахоме, а в том, что еще в 90-х гг. крестьяне в награду за хорошую погоду мазали губы Николая Мирликийского сметаной, а за плохую – выносили его на двор и сажали в старый лапоть. Это после доброй сотни лет обучения христианству. И в данном случае преданность старине языческой – похвальна как признак сознания народом своего достоинства» (*Москва. 1957. № 12. С. 188*).

В наиболее крупном и ценном труде «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII вв. Исторический очерк» (1912) выдающийся чувашский этнограф, фольклорист, историк профессор Н.В. Никольский исследовал самый решающий и переломный период ново-булгарской (собственно чувашской) эпохи этнической истории, когда происходила трансформация традиционного религиозного сознания чувашей, разрушение структуры чувашского мироздания, и насильственно внедряемое православие служило лишь идеологическим оправданием колонизации Чувашского края со стороны Московии.

Вопреки своим изначальным миссионерским установкам, Никольский негативно оценивал результаты христианизации чувашей. Для него были неприемлемы дискриминация чувашей, насилие, исчезновение «класса служилой инородческой аристократии», методы насильственного обрусения и христианизации. Он особо подчеркивал, что «чуждый христианства по жизни чувашин не желал быть им и по имени... Неофиты желают, чтобы не считало их христианами и правительство». В православии они видели «вырѣс тѣне» (русскую веру), т.е. идеологизированную религию угнетателей. Далее, анализируя этот период, ученый отмечает факты духовного и физического сопротивления чувашей угнетению и несправедливости и подытоживает, что «мероприятия культурно-просветительного характера не были приспособлены к народной жизни, почему не оставили значительного следа среди чуваш» [см.: 19]. У замкнувшихся в своих общинах чувашских крестьян до XX в. случаи массового обрусения не встречались. Видный чувашский историк В.Д. Димитриев пишет, что «чувашская национальная культура до последнего времени сохранилась без деформации...» [7, с. 10].

Национальное самосознание, характер, менталитет чувашского народа в XX в. испытали несколько значительных преоб-

разований, которые были вызваны народными революциями, войнами, национальным движением и государственно-общественными реформами. Заметно способствовали изменению этноменталитета технические достижения современной цивилизации, особенно компьютеризация и интернет.

В революционные годы начала XX в. в течение одного поколения общество, его сознание и поведение менялось до неузнаваемости, и документы, письма, художественные произведения отчетливо фиксировали духовные, экономические, политические, социальные трансформации, своеобразно отражая черты обновляющегося народного менталитета.

Создание Чувашской государственности в 1920 г., голодные моры 1921, 1933-1934, репрессии 1937-1940 гг. и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. наложили заметные отпечатки на традиционный менталитет народа. Явные перемены в умонастроении чувашей наблюдались после создания автономной республики (1925) и после небывалого размаха репрессий. Освобожденный Октябрьской революцией дух нации целенаправленно вытеснялся идеологией 1937 г., начатой именно в Чувашской Республике уполномоченной комиссией контроля при ЦК партии во главе с М.М. Сахьяновой.

Положительные черты традиционного чувашского менталитета особенно ярко проявились в годы Великой Отечественной войны. Именно внутренние убеждения и ментальный дух стали причиной героического поведения нации. Создание президентской Чувашской Республики, организация всемирного Чувашского национального конгресса (1992) стали новой вехой в развитии самосознания и духовно-нравственной консолидации народа.

Каждое поколение этноса с течением времени вырабатывает свой вариант ментальности, позволяющий человеку и популяции в целом адаптироваться и оптимально функционировать в условиях сложившейся среды. Уже нельзя утверждать, что стержневые качества, фундаментальные ценности, ментальные установки остались неизменными. Первейшая и основная социальная установка для чувашского народа – убеждение в правоте завета предков («ваттисем каланă»), жесткого свода правил поведения и законов этнического существования – потеряла свою

актуальность в молодежной среде, не выдерживая конкуренции с поливариантностью и многоликостью бытия социальных сетей интернета.

Очевиден процесс размывания традиционной ментальности чувашей и других малых народов. Афганская и чеченская войны, перестройка в обществе и государстве 1985-1986 гг. повлекли за собой серьезные метаморфозы в различных сферах современной российской жизни. Даже «глухая» чувашская деревня на глазах претерпела глобальные изменения в социально-культурном облике. Исторически сложившиеся и географически обусловленные обыденные ориентации чувашей вытеснились западно-телевизионными нормами. Чувашская молодежь через СМИ и интернет заимствует иностранный образ поведения и общения.

Резко изменились не только стиль жизни, но и отношение к миру, мировоззрение, менталитет. С одной стороны, модернизация бытовых условий и ментальных установок идет на пользу: новое поколение чувашей учится быть смелее, увереннее в себе, коммуникабельнее, постепенно избавляется от комплекса неполноценности, доставшегося по наследству от предков-«инородцев». С другой стороны, отсутствие комплексов, пережитков прошлого приравнивается к искоренению нравственно-этических табу в человеке. Вследствие этого массовые отклонения от норм поведения становятся новым эталоном жизни.

В настоящее время в ментальности чувашской нации сохранились некоторые положительные качества. В чувашской среде и сегодня нет этнического фанатизма и амбициозности. При заметной скудости жизненных условий чувашаи крепки приверженностью к традициям, не потеряли своего завидного качества терпимости, «аптраманлах» (несгибаемость, выживаемость, неунываемость) и исключительного уважения к другим народам.

Этнонигилизм, весьма характерный для менталитета чувашей второй половины XX в., теперь уже выражен не так четко. Явного пренебрежения родной историей и культурой, ритуалами и обрядами, ощущения этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей родного этноса не наблюдается; нормальной для чувашей становится позитивная идентичность нации. Подтверждение тому – реальная востребованность

чувашиким населением изучения чувашского языка и культуры в детских садах, школах, вузах республики.

Обобщенный перечень основных черт чувашской ментальности рубежа XX-XXI вв. имеется в одном из первых опытов, посвященных конкретно характеристике менталитета чувашей, – материале Т.Н. Ивановой [10], собранном в ходе многолетней работы на курсах переподготовки учителей в Чувашском республиканском институте образования в 2001 г.:

- трудолюбие;
- патриархальность, традиционность;
- терпение, терпеливость;
- чинопочитание, высокая дистанция власти, законопослушность;
- зависть;
- престиж образования;
- коллективизм;
- миролюбие, добрососедство, толерантность;
- упорство в достижении цели;
- заниженная самооценка;
- обидчивость, злопамятность;
- упрямство;
- скромность, стремление «не высовываться»;
- уважительное отношение к богатству, скупость.

Учителя отмечали, что в вопросе, касающемся национальной самооценки, для дуалистической чувашской ментальности характерно «сочетание двух крайностей: обостренное национальное самосознание среди элиты и размывание национальных черт среди простого народа».

Многое ли из этого списка сохранилось спустя десять лет? Для чувашского менталитета, как и раньше, не свойственно стремление разрушать все до основания, после чего строить заново на пустом месте. Наоборот, предпочтительнее строить на основе имеющегося; еще лучше – рядом с прежним. Не характерна такая черта, как безмерность. Мера во всем (в делах и мыслях, поведении и общении) – основа чувашского характера («Не выпрыгивай наперед других: не отставай от народа»)? Из трех компонентов – чувства, воли, разума – в структуре чувашского национального сознания преобладают разум и воля. Каза-

лось бы, поэтическая и музыкальная натура чувашей должна основываться на чувственно-созерцательном начале, но наблюдения показывают обратное. Видимо, дает знать о себе опыт прежних веков нерадостного бытия, глубоко хранящийся в памяти народа, и на первый план выдвигается рассудок и рациональный характер постижения мира.

Психолог Е.Л. Николаев и педагог И.Н. Афанасьев на основе сравнительного анализа профилей личности типичных чувашей и типичных русских делают выводы, что чувашскому этносу присущи скромность, замкнутость, зависимость, подозрительность, наивность, консервативность, конформность, импульсивность, напряженность [18, с. 90]. Чуваши не признают за собой никаких исключительных достоинств (хотя и обладают ими), добровольно подчиняют себя требованиям общей дисциплины. Чувашских детей учат ограничивать свои собственные потребности соответственно существующим материальным условиям жизни, относиться ко всем людям с уважением, проявлять необходимую терпимость к мелким недостаткам других, одновременно критически относиться к своим собственным заслугам и недостаткам.

В воспитательной практике доминирует установка, что человек как природное существо бременен, а как социальное – силен принадлежностью к своему народу, поэтому скромность является формой осознания личностью своих обязанностей перед окружающими людьми. С детства в чувашах целенаправленно воспитывается тактичность – способность, переросшая в привычку, соблюдать меру в общении, не допуская действий и слов, которые могут быть неприятны собеседнику или окружающим людям, особенно старшим по возрасту.

Однако общепризнанные положительные отличительные характеристики чувашей, такие как трудолюбие (жандармский полковник Маслов), добрая душа и честность (М. Горький), основательность (Л.Н. Толстой), гостеприимство, радушие и скромность (Н.А. Исмуков), уничтожаются прагматическими требованиями капиталистического времени, эти душевные качества в обществе потребления становятся ненужными. Более того, верность слову, строгое соблюдение устного договора оказа-

лись для чувашей губительными этноментальными качествами в постсоветское время.

В пореформенные 1990-2000-е гг. чувашаи из-за своей доверчивости (доверия к человеку, давшему слово) массово теряли в пользу мошенников накопленное за долгие трудовые годы личное имущество (деньги, жильё, землю), которое уже невозможно было вернуть законным путём. Традиционно чувашаи считали договор завершённым после рукобיתья, получения задатка или молитвы [8, с. 126]. Рукопожатие, по их мнению, было гораздо значимее нотариального акта. Иногда руки договаривавшихся по их просьбе в знак совершения сделки разнимал посторонний свидетель. По народным воззрениям, в случае нарушения договора пожавшая рука могла высохнуть. Ещё в конце XVI в. английский дипломат Дж. Флетчер писал, что чувашаи были честными и справедливыми в своих поступках, строго соблюдали условия договора. Согласно В.А. Сбоеву, честное слово, скреплённое рукобיתём, заменяло у чувашей все контракты, договоры, условия и заёмные письма [цит. по: 8, с. 126]. В настоящее время эти качества целенаправленно, через предостережения и запреты изживаются из сознания молодёжи старшим поколением чувашей.

Испокон веков славилось особое отношение чувашей к военной службе. О боевых качествах чувашских предков-ратников времен полководцев Модэ и Аттилы сложены легенды. «В народном характере чувашей есть прекрасные свойства, особенно важные для общества: чуваш усердно исполняет раз принятую обязанность. Не было примеров, чтобы солдат чуваш бежал или в чувашской деревне скрывались беглые с ведома жителей» [20, с. 388].

Верность присяге – выдающаяся черта чувашского менталитета, сохранившаяся до наших дней и заслуживающая пристального внимания при формировании подразделений современной российской армии. Недаром И.В. Сталин при беседе с югославской делегацией 19 апреля 1947 г. отметил эту особенность характера чувашского народа.

«В. Попович (посол Югославии в СССР):

– Албанцы очень храбрые и преданные люди.

И. Сталин:

– У нас такими преданными были чуваши. Русские цари брали их в личную охрану» [6].

Любопытным образом откликнулись в менталитете современных чувашей две специфические традиционные мировоззренческие установки – признание чувашскими старейшинами справедливую месть через один из видов суицида «типшар» и культ девственности, которые отличали в прошлом и отличают до сих пор чувашей от других, даже соседних народов.

Чувашский «типшар» относится к категории личного мщения, бытовой форме пассивного наказания негодяя-соплеменника через собственную смерть. «Типшар» – это защита имени и чести ценой своей жизни, что соответствует учению этнорелигии сардаш. В чистом виде в XXI в. среди чувашей он встречается крайне редко, оставаясь лишь как личный суд над преступлениями в сфере интимных взаимоотношений между девушками и мужчинами.

Проявления «типшара» с иными мотивациями встречаются среди подростков и мужчин зрелого возраста. Кроме социальных причин, сказались отчасти, на наш взгляд, недочеты в воспитательно-образовательном процессе. Ошибались чувашские ученые-филологи, когда курс чувашской литературы, изучаемый в средней школе, строили на примерах самопожертвования. Суицидом заканчивают жизнь литературные героини Варусси Я.В. Турхана, Нарспи К.В. Иванова, Ульки И.Н. Юркина, к самопожертвованию призывают стихи М.К. Сеспеля, Н.И. Шелеби, М.Д. Уйпа, рассказ Л.Я. Агакова «Песня», повесть Д.А. Кибека «Ягуар».

Обращение к суициду также тесно связано с полом, возрастом, семейным положением человека. Однако при всех прочих равных условиях роковую роль играют социальные болезни, в первую очередь алкоголизм. Чувашские врачи объясняют рост числа самоубийств тяжелыми условиями жизни, чиновничьим гнетом, неустроенностью быта (ситуация весьма схожа с положением чувашей в XIX в., о чем писали С.М. Михайлов и симбирский жандарм Маслов), следствием которых являются натянутые взаимоотношения в семье, алкоголизм, наркомания.

Среди чувашских женщин самоубийцы редки. Чувашки к финансовым и житейским трудностям бесконечно терпеливы,

острее чувствуют ответственность за детей и семью, стараются выбраться из беды любыми способами. В этом и есть проявление этноменталитета: роль жены и матери в чувашской семье, как и прежде, высока неимоверно.

Проблема суицида тесно переплетается с проблемой сохранения девственности до брака и гендерными отношениями: к «типшару» чаще прибегали девушки с поруганной честью, испытывавшие обман и лицемерие со стороны мужчин. До XX в. у чувашей считалось, что потеря девичьей чести до замужества – это трагедия, которая кроме позора и всеобщего осуждения, пожизненного мытарства ничего не сулит. Жизнь для девушки тереяла ценность, не оставалось перспектив на уважение, обретение нормальной, здоровой семьи, которую стремилась иметь любая чувашка.

Долгое время сохранявшиеся семейно-родовые отношения среди чувашей являлись эффективным средством сдерживания негативных факторов в их гендерном сознании и поведении. Именно этим можно объяснить единичность случаев отказа от рожденного ребенка или развитую у чувашей практику опеку над осиротевшими детьми даже неблизкими родственниками. Однако сегодня традиция общественного внимания к взаимоотношениям девушек и парней и их половому воспитанию вытесняется социально-этической индифферентностью со стороны старших: свобода личности, свобода слова и активная защита права собственности обернулась вседозволенностью и индивидуализмом. Как ни странно, чувашская литература XXI в. восхваляет именно безграничную безалаберность и анархию в отношениях и в жизни.

Из негативных черт характера чувашей сохраняются духовная обособленность, скрытность, завистливость – эти качества, складывавшиеся в трагические периоды истории народа и закрепившиеся в жестких условиях окружения его воинственными народами на протяжении веков и особенно сейчас, в условиях неолиберализма, усиливаются безработицей и слабой материальной обеспеченностью большей части жителей региона.

В целом в исследованиях начала 2000-х гг. [24; 22; 25; 15; 11; 29] отмечалось, что менталитет чувашей рубежа XX-XXI вв. характеризуется практически теми же основными чертами, что и

менталитет чувашей XVII-XIX вв. Сохраняется направленность чувашской молодежи на здоровую семейную жизнь, причем ответственность за благополучие дома и семьи, как и раньше, берут на себя женщины. Не исчезла, несмотря на дикие законы рынка, природная толерантность чувашей, стремление к аккуратности и добронравию. Актуальна установка «вперед людей не забегай, от народа не отставай»: чувашская молодежь уступает русской в настрое на активную жизненную позицию по уровню самоуверенности и независимости.

Судя по новым социологическими и статистическим данным [28, с. 63-65, 73, 79], в настоящее время основу ментальных характеристик чувашского народа составляют базовые ценности общечеловеческого характера, но при этом этнические особенности сохраняются. Большинство населения Чувашской Республики независимо от национальности поддерживает традиционные ценности: жизнь, здоровье, правопорядок, работа, семья, уважение к сложившимся обычаям и традициям. Однако такие ценности, как инициативность и независимость, в Чувашии популярны в меньшей степени, чем в целом по России. У чувашей более, чем у русских, заметна ориентация на поселенческую и региональную идентичность («для 60,4% чувашей жители своего поселения являются своими, в то время как для русских данный показатель равняется 47,6%»).

Среди сельских жителей республики по наличию лиц с послеузовским, высшим и неполным высшим образованием чуваша опережают три другие этнические группы (русские, татары, мордва). Для чувашей (86%) характерна более всего выраженная положительная установка на межнациональный брак (у мордвы – 83%, русских – 60%, татар – 46%). В Чувашии в целом отсутствуют такие предпосылки, которые могли бы в перспективе привести к усилению межнациональной напряженности. Традиционно чуваша толерантны к представителям иных конфессий, отличаются сдержанным выражением своих религиозных чувств, для них исторически характерно внешнее, поверхностное восприятие православия.

Не наблюдается особого различия в ментальности между сельскими и городскими чувашами. Хотя считается, что в сельской местности традиционная народная культура лучше и долъ-

ше сохраняется в первозданном виде, не теряя в целом архаичных элементов и национальной специфики, в контексте чувашской провинции граница «город – деревня» некоторыми исследователями [4, с. 42] признается условной. Несмотря на сильные процессы урбанизации и усилившиеся за последнее время миграционные потоки в города, многие чуваша-горожане сохраняют связь с деревней не только по каналам родственных отношений, но и по духовным стремлениям и представлениям об истоках и корнях своего рода, узах с родной землей.

Таким образом, основными чертами менталитета современных чувашей являются: развитое чувство патриотизма, доверие к своим сородичам, признание равенства всех перед законом, приверженность к традициям, неконфликтность и миролюбие. Очевидно, что стержневые ментальные характеристики чувашского народа мало изменились, вопреки наблюдающемуся в современном мире процессу нивелировки национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Г.А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002.
2. Александров С.А. Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра, стиля. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990.
3. Владимиров Е.В. Русские писатели в Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959.
4. Вовина О.П. Традиции и символы в освоении сакрального пространства: чувашская «киремель» в прошлом и настоящем // Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. – Т. 2. Стратегия возрождения и этническая мобилизация / авт.-сост. П.М. Алексеев. – М.: ЦИМО, 2001. – С. 34-74.
5. Волков Г.Н. Этнопедагогика. – М.: Издательский центр «Академия», 1999.
6. Гиренко Ю.С. Сталин-Тито. – М.: Политиздат, 1991.
7. Димитриев В.Д. О происхождении и формировании чувашского народа // Народная школа. – 1993. – № 1. – С. 1-11.
8. Егоров Д.В. Особенности договорных отношений у чувашей и марийцев во второй половине XIX – начале XX веков // Чуваша и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном конти-

нууме: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15-16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 125-136.

9. Иванова Н.М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX-XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008.

10. Иванова Т.Н. Основные черты чувашской ментальности в определении учителей средних общеобразовательных школ Чувашской Республики // Анализ основных тенденций развития полиэтнических регионов России. Проблемы открытого образования: материалы регион. науч.-практ. конф. и семинара. – Чебоксары, 2001. – С. 62-65.

11. Искумов Н.А. Национальное измерение культуры (философско-методологический аспект). – М.: МПГУ, «Прометей», 2001.

12. Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана: учен. зап. – Вып. IX. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954.

13. Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001.

14. Мессарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000.

15. Никитин (Станьял) В.П. Чувашская народная религия сардаш // Общество. Государство. Религия. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 96-111.

16. Никитина Э.В. Специфика менталитета чувашского народа (Философский аспект исследования сущности этнического менталитета): дис. ... канд. филос. н. – Чебоксары, 2004.

17. Никитина Э.В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012.

18. Николаев Е.Л., Афанасьев И.Н. Эпоха и этнос: проблемы здоровья личности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.

19. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках: исторический очерк. – Казань, 1912.

20. Отецествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям / сост. Д. Семенов. – Т. V. Великорусский край. – СПб., 1869.

21. Проблемы национального в развитии чувашского народа: сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

22. Родионов В.Г. О типах чувашского национального мышления // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 2000. – № 1. – С. 18-25.

23. Русские писатели о чувашах / сост Ф. Уяр, И. Мучи. – Чебоксары, 1946. – С. 64.

24. Самсонова А.Н., Толстова Т.Н. Ценностные ориентации представителей чувашского и русского этносов // Этнос и личность: исторический путь, проблемы и перспективы развития: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Москва-Чебоксары, 2003. – С. 94-99.
25. Федотов В.А. Нравственные традиции этноса как социокультурное явление (на материале устно-поэтического творчества тюркоязычных народов): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003.
26. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840.
27. Чуваши в русской литературе и публицистике: в 2 т. – Т. I. / сост. Ф.Е. Уяр. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001.
28. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011.
29. Шабунин Д.М. Правовое сознание современной молодежи (этно-национальные особенности). – Чебоксары: Изд-во ИЧП, 1999.

Глава 5

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ МОРДВЫ*

Мордва (самоназвания – «мокша» и «эрзя») – финно-угорский народ волжско-финской подгруппы, численность которого в Российской Федерации составляет 744,2 тыс. чел., в Республике Мордовия – 333,1 тыс. чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Расселены также в ряде регионов Поволжья, Приуралья, Сибири и Дальнего Востока.

Мордва состоит из двух субэтнических групп – мокши и эрзи, имеются этнографические группы теньгушевской и каратайской мордвы. В Республике Мордовия мокша населяет преимущественно западные и южные районы, эрзя – восточные.

Существует два самостоятельных языка – мокшанский и эрзянский. Они входят в волжскую группу финно-угорских языков. Мордовские языки являются разговорными для 1/3 населения Республики Мордовия.

Среди мордвы верующие исповедуют православие. Имеются старообрядцы разных толков, а также приверженцы народной религии (традиционная религия мокшан – мокшень кой).

Мордва – самый многочисленный финно-угорский народ в России и один из древнейших аборигенных этносов Восточной Европы, возникший в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. История мордовского народа неразрывно связана с политической, социально-экономической и культурной жизнью Российского государства. В пользу этого свидетельствует даже множество гидронимов и топонимов с мордовскими корнями в центре России: Тамбов по-мордовски означает Та Сторона, Пенза – Конец Пути, Арзамас – Эрзямс, т.е. Эрзянский; угро-финского происхождения названия рек Москва и Яуза [24, с. 24].

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_mordvy_e_v_nikitina/

В 2012 г. в Российской Федерации состоялось торжественное празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, за подготовку и проведение которого отвечал организационный комитет во главе с Председателем Правительства РФ В.В. Путиным. «Мордовский народ сделал исторический выбор – жить и развиваться в единой стране. Это позволило ему сохранить и свою самобытность, и вместе с другими создавать наше общее государство» – отметил В.В. Путин на первом заседании оргкомитета в Москве в 2009 г. (*1000 лет – вместе!* // *Финно-угорская газета. 2010. № 1. С. 1*). Серьёзность внимания к этому мероприятию объясняется тем, что оно стало одним из главных составляющих возрождения российской государственности на рубеже XX-XXI вв. «Мордва была первым крупным по численности народом, присоединившимся к России. Её пример оказал немалое воздействие и на этническую ориентацию других народов Поволжья, да и не только этого региона, включавшихся в состав России непосредственно вслед за мордвой. Таким образом, присоединение мордвы к России было важным моментом в истории создания Российского многонационального государства», – утверждает Н.Ф. Мокшин [13, с. 46].

Мордовский народ дал миру много выдающихся деятелей культуры, искусства, образования, науки, спорта. Среди них – непревзойденный скульптор XX в. Степан Эрзя. В своём псевдониме он увековечил имя родного народа. Сочетание мордовских традиций резьбы по дереву, русской иконописной традиции, европейской классической школы, наложенные на романтический масштаб событий и гениальность творца, превратили Степана Эрзю в величайшее явление эпохи, а традиционную культуру и творчество мордовского народа сделали привлекательными для многих отечественных и зарубежных культурологов и искусствоведов.

Термин «мордва» является внешним названием этнической общности (экзоэтнонимом). Ни мокшане, ни эрзяне мордвой себя не называли – само слово отсутствовало в словарях этих народов и когда-то имело грубый, пренебрежительный оттенок. Согласно Н.Ф. Мокшину, этноним «мордва» восходит к ирано-скифским языкам (сравните иранское *marđ* – мужчина, таджик-

ское *мард* – мужчина). В мордовских языках указанное слово сохранилось для обозначения мужа-супруга (*мирде*). В русском слове «мордва» частица «ва» носит оттенок собирательности. Его можно сопоставить с этнонимом «литва» [13, с. 41].

Когда в разговорах упоминается мордовский народ, на ум в первую очередь приходят любопытные поговорки о мордве: «упрямый как мордвин», «поперечная мордва», «мордовский гвоздь – сучок» и др. Чтобы разобраться, соответствуют ли эти фольклорные характеристики сущности мордовского этноменталитета, прежде всего следует обратиться к данным, собранным этнографами, психологами, историками, писателями, филологами прошлого и настоящего. Например, М. Горький, знаток мордовской психологии, оставил для нас уникальные образы с крепкими характерами – лесника Иванихи, плотника Леньки, горничной Лизы и других (*рассказы «Знахарка», «Ледоход», «Мордовка», «Городок», повесть «В людях»*) и, подчёркивая, вывел на первый план доброту и трудолюбие, ум и рассудительность, вольнолюбие и сильную волю, смелость и решительность, честность и правдолюбие мордвы (*«Ваш бог веру любит, а Киреметь – правду. Правда выше веры», «Противно служить жадностям»*) [7, с. 245-247].

Современный этнопсихолог В.Г. Крысько выделяет следующие особенности национального характера мордвы: «Представители мордовской национальности просты и добродушны в общении с представителями других этносов, обладают живостью ума, хорошей памятью, постоянством и стабильностью поведения, честолюбием. У мордвин высоко развито чувство национальной гордости, но они предпочитают, чтобы прежде всего отмечали их индивидуальные заслуги и личное достоинство [11, с. 154].

По оценкам специалистов, мордва в XIX в. принадлежала «к самым плодовитым народностям Восточной Европы» [20, с. 5]. Однако в настоящее время неуклонное уменьшение численности мордвы стало главной проблемой и трагедией этого народа. Согласно переписи 1939 г., мордвы было 1 млн 456 тыс. чел., а к 2002 г. оставалось 843350 чел. «Куда же исчезли за 63 года 42% населения или 613 тысяч человек? У мордвы не было этнического геноцида, а общие причины уменьшения численности

россиян – коллективизация, война, урбанизация и другие – не более ужасающи, чем для других народов. Эти цифры исчезновения мордвы являются частью видимого айсберга. Айсберг – ассимиляция в русский народ», – объясняет И. Радов [20, с. 5]. С 1970 по 1990 г. численность мордвы уменьшилась более чем на 7%, тогда как численность русских за это же время возросла на 2,4, чувашей – на 10, удмуртов – на 14, марийцев – на 23, татар – на 27, якутов – на 40 процентов [16, с. 3]. Последняя перепись населения 2010 г. показала, что среди представителей финно-угорских народов России в постсоветский период больше всего «убыли» также приходится именно на мокшан и эрзян (их стало на 410 тыс. меньше, чем по данным переписи 1989 г.).

Глубинные причины этого процесса кроются в исторической судьбе мордвы. Как сообщает В.А. Юрченков, начальный период истории мордовского народа связан с племенами, культуру которых археологи называют городецкой и датируют VII в. до н.э. – началом н.э. Её памятники (в основном это городища) обнаружены на правом берегу среднего течения Оки и встречаются во всем междуречье Оки и Волги. На западе этой огромной территории и шел процесс этногенеза мордовского народа. Отсюда, из приокских земель, шло расселение древней мордвы на восток и юго-восток. Первое письменное упоминание о мордовском народе встречается в VI в. у готского историка Иордана. В X в. о мордве (стране Мордия) сообщает византийский император Константин Багрянородный. В русских летописях мордовский народ впервые упомянут в «Повести временных лет». Эти письменные свидетельства и их этимология являются признанными в науке и в настоящее время мало кем оспариваются.

Разделение древнемордовских племен на эрзю и мокшу произошло в середине I тысячелетия. Можно предположить, что в качестве причин распада древнемордовской этнической общности выступил целый комплекс факторов. Немаловажную роль в этом сыграла, видимо, обширность территории, занимаемой древней мордвой [26, с. 5]. Мокша сформировалась в бассейне рек Мокши и Цны, эрзя – на левобережье Суры, проживала и на правобережье, чересполосно с чувашами, часть их в XVII-XVIII вв. очувашилась. Мордовские племена контактиро-

вали с восточнославянскими, иранскими, тюркскими племенами. История мордвы тесно соединена с русским народом. Мордовские земли уже в начале XI в. входили в состав некоторых древнерусских княжеств [12, с. 136].

Вхождение мордовского народа в состав Российского государства (присяга принята в 1551 г.) и его интегрирование в более развитые и сложные экономические и политические структуры не могло не повлечь за собой изменений мировоззренческого плана, оформление которых связано с христианизацией мордвы. В.А. Юрченков считает, что долгое время существовала негативная оценка этого процесса, между тем XVI-XVII вв. принесли в жизнь мордовского народа много нового. «Новшества, как положительные, так и отрицательные, вступили в конфликт с традицией. А традиции в средневековье всегда имели религиозную окраску. Без сомнения, языческое мировоззрение в среде мордовского народа переживало кризис и выходом из него была христианизация» [26, с. 11].

С христианизацией связано прежде всего распространение мировой культуры. В мордовском крае это также имело место, так как не случайно из мордвы в XVII в. выдвигается один из крупнейших российских философов Средневековья патриарх Никон (род. в 1605 г. в семье мордовского крестьянина в селе Вельдеминове под Нижним Новгородом). Христианизация привела к изменениям мировоззренческого плана, но она не искоренила язычества, что привело к формированию весьма своеобразных идеологических представлений. Христианский бог получил имя дохристианского верховного бога мордвы, а мордовские божества перемешались с православными святыми. Пережитки язычества сохранялись в быту мордвы вплоть до XX в. [там же, с. 12].

Капитализм, вторгшийся в жизнь народов России во второй половине XIX в., произвел подлинную революцию и в жизни мордовского народа. Более динамичного развития его история не знала. Ускорились процессы экономические, социальные, этнические, культурные [там же, с. 12]. В XX в. возродилась государственность мордовского народа (возникновение первых государственных образований у мордвы датируется рубежом I-II тысячелетий [см.: 26, с. 6]). Мордовия стала авто-

номной областью в 1930 г., в 1934 г. из Мордовской автономной области была преобразована в Мордовскую АССР, в 1990 г. провозглашена Мордовской Советской Социалистической Республикой. С 1994 г. она называется Республика Мордовия.

Бинарность мордовского этноса, наличие в его структуре этнических общностей вторичного порядка (эрзи и мокши) является важной особенностью мордвы. Отсюда двуступенчатость её этнического самосознания. «Взаимодействие тенденций интеграции в мордву (макроконсолидации), с одной стороны, мокшанской и эрзянской микроконсолидации – с другой, пронизывают почти всю этническую историю мордвы, начиная от раннего средневековья, вплоть до современности. Во-первых, мы видим устойчивость собственно мокшанского и эрзянского самосознания. Во-вторых, те же мокшане и эрзяне энергично претендуют на исключительный, монополярный приоритет именоваться мордвой, отлучая от этого друг друга» [13, с. 57]. В настоящее время и мокшане, и эрзяне всё более осознают и признают, что являются двумя составными единого мордовского народа, несмотря на различия в их языках и культурах.

Описывая физический тип мордвы, видный просветитель народов Поволжья, профессор Н.В. Никольский в работе «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» (Казань, 1912) отмечает: «Физический тип мордвы не отличается существенно от русского. По наблюдениям И.Н. Смирнова, мокша представляет большее разнообразие типов, чем эрзя; рядом с белокуроыми и сероглазыми, преобладающими у эрзи, у мокши встречаются и брюнеты с смуглым цветом кожи и с более тонкими чертами лица. Рост обоих подразделений мордвы приблизительно одинаковый, но мокшане, по видимому, отличаются большей массивностью сложения (особенно женщины)» [18, с. 328]. Монголоидная примесь у мордвы меньше, чем у других финноязычных народов Поволжья [13, с. 41].

Традиционным занятием мордвы являлось пашенное земледелие в сочетании с животноводством, были развиты охота, рыболовство, бортничество, обработка дерева. Основной тип поселений – деревни, жилищем служила срубная изба; незамкнутая

застройка усадеб, расположение избы в середине двора с ориентацией двери на восток являются сходными с чувашскими. Народная одежда мордвы состоит из рубахи, кафтана, шубы, разнообразных женских головных уборов, нагрудных и набедренных украшений. Отличительной чертой в ношении женской рубахи является пышный объём, который создаётся посредством напуска её спереди, а подол не опускается ниже колен. Эта особенность, как и многие украшения, также обычай толсто обёртывать ноги онучами и др. сближают костюм мордвы с одеянием верховых чувашей. У мордвы развиты художественные промыслы: ткачество, вышивка, шитьё бисером, резьба по дереву. В фольклоре наиболее древним жанром является эпос. Календарные праздники и обряды связаны с циклом сельскохозяйственного года [см.: 12, с. 136].

Н.В. Никольский отмечает: «По численности эрзя преобладает над мокшой; она, кроме Нижегородской и Симбирской губ., заходит в Тамбовскую и Пензенскую, а также составляет главную массу мордовского населения Заволжья. Сравнительно мордва живет лучше других народностей в тех же местностях; в Саратовской губ., например, задолженность её меньше, чем у чуваш, русских и татар. Во внешнем быту мордвы, в её жилищах, способах земледелия и т. д. сохранилось мало оригинального, хотя в старину мордовские селения и избы отличались от русских большею разбросанностью и постановкою избы посреди двора, или, если и на улицу, то окнами только в сторону двора. К специально мордовским промыслам принадлежит в некоторых местностях производство поташа, конопляного масла, домашних сукон (любимый цвет мордвы белый). К искусству мордва равнодушнее чуваш и черемис, у которых, напр., многие предметы украшаются резьбой; только мордовские женщины не менее заботятся об украшении своего костюма и старательно вышивают свои рубашки и головные уборы. Женщина проявляет здесь сравнительно с мужчиной большую широту потребностей. Она не меньше чувашки и черемиски работает над украшением своего костюма и проявляет в этой области некоторую долю оригинальности. Сравнение эрзянских и мокшанских вышивок с черемисскими и чувашскими показывает, что ориги-

нальность эту в большей степени обнаруживает эрзя, в меньшей – мокша» [18, с. 328].

«В свадебных обрядах и обычаях мордвы сохранились еще многие черты старины, отголоски старинного обычного и родового права. Переживанием родового быта является также культ предков, остатки которого можно видеть в подробностях погребальных обычаев, поминок. У мордвы сохранилось еще много поверий, которые, однако, по своей отрывочности и сбивчивости не позволяют восстановить точнее древнюю мордовскую теологию. Известно только, что мордва почитала много *пасов* (мокш. *павас*) богов, *ава* – духов, отцов, *кирди* – хранителей, которые представлялись антропоморфно и отчасти слились с русскими представлениями о домовых, водяных, леших и т.д. Предметами поклонения были также солнце, гром и молния, заря, ветер и т.д. Можно различить следы дуализма-антагонизма между *шкаал* (небом) и шайтаном, которым созданы, между прочим, *Аманжеи* (носители болезней). У мордвы сохранились еще местами моляны, остатки прежних языческих жертвоприношений, отчасти приуроченные к христианским праздникам» [18, с. 329].

Вплоть до начала XX в. важным институтом, где в той или иной степени сохранялись некоторые этнические особенности мордвы, была сельская община, регламентировавшая на основе обычного права многие стороны экономической, общественной и культурно-бытовой жизни мордовского крестьянства, в том числе и религиозного культа, связанные с хозяйственной деятельностью и другими сферами бытия членов общины. «Анализ роли общины как социальной клеточки национального бытия дает ключ к расшифровке многих потаенных, специфически ментальных качеств мордовского народа. Община представляет собой спонтанно возникшее, самородное социальное явление, отвечающее складу менталитета народа, который не готов к ответственной социальной жизни вне контроля коллектива. Экстремальность природно-климатических условий, чрезмерность фискального тяга, ложившегося тяжелым бременем на крестьянство, детерминировали поиски оптимальной социально-экономической организации, соответствующей ментальным качествам мордвы. На вызовы природы и истории мордовский

народ ответил образованием общины. Крестьяне крепко держались за общинный уклад, который позволял им не тревожиться о будущем. Весь строй и вся организация воспитания в общине молодых поколений происходит под авторитетом главы семейства» [6, с. 83].

Богатые и зажиточные дворохозяева, формально «выборные», составляли опору властей, доминируя над «рядовыми» общинниками [13, с. 48]. Более того, «мордва, – писал в 1870-е гг. известный этнограф В.Н. Майнов, – знает цену деньгам, а как народ предприимчивый, она ценность денег повысила до чрезвычайности. Повелось так здесь, как и везде, что деньги в займы дает тот, кто живет побогаче и успел скопить капитал; таких хозяев по мордовским селам встретить не редкость...» [14, эл. ресурс].

Характеризуя мордву, многие исследователи XV-XVI вв. указывают на особую роль охоты в её жизни. Приведем свидетельства этнографа XIX в. В. Рагозина: «В охоте, которую мордва любит, обнаруживают удивительное терпение и неутомимость: с одним куском черного хлеба мордвин целый день ходит по лесу или по берегам рек и озер, отыскивая дичь; он будет несколько часов стоять, притаившись в кустах, по пояс в воде, лишь бы дожидаться дичи и удачно выстрелить» [22, эл. ресурс].

Упрямство и упорство мордвы в нежелании совершать то или иное действие или поступок, в правильности которого они не уверены, наглядно иллюстрируются в фрагменте сочинения Д. Пери. В его сочинении «Состояние России при нынешнем царе» (М., 1871) говорится о нежелании мордвы принять православие. По утверждению автора, они «отказываются от принятия христианской веры, хотя им многократно предложены были значительные выгоды и преимущества, если они перекрестятся в русскую веру, несмотря на то, что им приходится ежедневно терпеть со стороны русских оскорбления и обиды за то, что они упорствуют в своем отказе» [цит. по: 25, с. 296]. Он же отмечал, что мордва обладает честностью, открытостью, прямой и смышленостью.

По мнению И.Г. Георги, своеобразной чертой характера мордвы является консерватизм, отсутствие гибкости в отношении новых явлений общественной, духовной и материальной

жизни, действие по заданным шаблонам. Он подчеркивал, что представители этого народа «честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны; последуют не менее перенятому от россиян, сколь и заимствованному от татар в разных делах и обычаях, но не в опрятности и отвращении от свинины, держащиеся языческой своей веры» [цит. по: 25, с. 296].

Я. Потоцкий упоминал об их пугливости: «[мордовки] чрезвычайно дики; как скоро мы к ним подходили немножко ближе, они тотчас убежали и прятались в домах» [там же]. О.Н. Шкердина утверждает, что эти примеры говорят о такой черте национального характера мордвы, как «замкнутость, поскольку появление новых людей с иной моделью поведения, в незнакомой одежде, говорящих и ведущих себя иначе, вызывало у представителей этноса неприятие и страх» [там же]. Однако здесь нужно вести речь, скорее всего, не о замкнутости мордвы, а о защитной, охранной реакции народа на постоянные притеснения и набеги на их поселения со стороны врагов, которая закрепилась на уровне этноменталитета в виде специфической черты. Осторожность, пугливость (точнее – спасение бегством) нельзя отождествлять с замкнутостью.

О характерных национальных особенностях мордвы много и с симпатией писал этнограф и статистик XIX в. П.И. Мельников-Печерский, хорошо владевший мордовским языком. По его мнению, «мордва – добрый народ, хотя с первого взгляда они и покажутся всякому странными по их молчаливости, неразвитости и полурусскому наречию. По характеру мордва весьма кротки, добродушны, гостеприимны и радушны, в хозяйственном отношении трудолюбивы, рачительны... Они вообще слывут за хороших работников и исправных домохозяев, не уступающих даже русским... Посмотрите, с каким достоинством и как свободно мордвин с вами говорит, как непринуждённо раскланивается, как легко протягивает руку, если вы достаточно с ним знакомы, не обращая внимания на разницу в общественном положении между ним и вами... Мордовки особенно щеголяют своими ногами, для чего и носят короткие рубахи и поневы. Условие красоты ног состоит в их толщине и крепкой походке. Мордовки для того наматывают вместо онуч по несколько аршин тонкого льняного, хорошо выбеленного

холста и стараются, чтобы он лежал как можно глаже. Мордовки отличаются бодрою походкой, они всегда держат голову прямо и высоко, никогда не опускают глаз в землю и ступают сильною ровною поступью» [цит. по: 24, с. 33-34].

Рассматривая положение мордвы в составе Российской империи, П.И. Мельников-Печерский отмечает: «Неоднократный опыт показал, что, как скоро возникает внутренняя смута, инородцы немедленно пристаю́т к ней и тем увеличивают государственную опасность. С крайней осторожностью стали смотреть в XVII столетии на мордву и всеми способами заботиться о наибольшем усилении русского населения между инородцами. В то же время запрещено было продавать им оружие и всякие военные принадлежности, не позволялось в мордовских деревнях заводить кузницы, и даже земледельческие орудия и другие металлические вещи, необходимые в домашнем быту, дозволялось покупать только в городе и притом в самом ограниченном количестве. По усмирению же бунта Разина меры предосторожности против мордвы были усилены: у неё отбирали оружие, запрещали иметь даже луки и стрелы, запретили звериную охоту» [цит. по: 24, с. 34].

Лестную характеристику мордве дал этнограф начала XX в. М. Бурдуков, отзывающийся о ней как о народе с очень живым умом, который позволяет почти всей без исключения мордве знать несколько языков (кроме родного, ещё русский и татарский). При этом исследователя удивляет, что такие обширные знания не являются для русских признаком высокой культуры мордовского народа: «Не странно ли? Интеллигентный человек, болтающий на нескольких языках, считается многосторонне образованным и развитым, а мордвин – нет» [4, с. 2].

Современный самарский этнограф Е.А. Ягафова верно указывает, что особенности этноменталитетов ярко раскрываются через взаимные психологические характеристики народов. Обратим внимание: в селе Тимяшево Самарской области мордва считает чувашей «мелочными», но трудолюбивыми, а себя – простыми, но склонными к выпивкам и дракам. Чувашеи также считают себя трудолюбивыми и простыми, а также, в отличие от мордвы, инициативными. Причём эти негативные стереотипы не препятствовали межэтническим бракам между мордвой и чувашами.

шами, исторически практиковавшимися в этом селе и способствовавшим ассимиляции чувашей [28, с. 23].

Конечно, здесь необходимо добавить, что в любой деревне по поводу характеристики кого-либо в равной мере можно услышать и «да», и «нет». Но по нашим наблюдениям, в Похвистневском районе Самарской области (на родине видных мордовских сказительниц и героя Сияжара) и в мордовском селе Малые Кармалы Ибресинского района Чувашской Республики (на родине выдающегося мордовского ученого и просветителя М.Е. Евсевьева) мордва и чуваша живут в большой дружбе, перенимая друг у друга лучшие черты характера и повседневного быта. К сожалению, локальные особенности этноментального богатства мордовской диаспоры учеными Мордовии изучены недостаточно.

В селе Наумкино (Республика Башкортостан), продолжает Е.А. Ягафова, несмотря на длительное проживание в одном селении и религиозное единство, межэтнические браки не практиковались, как, впрочем, и в других районах Приуралья. Отношения соседей иногда определялись взаимным скрытым недовольством, не приводившим, тем не менее, к серьёзным конфликтам (информаторы чаще вспоминают о стычках молодёжи), но на уровне стереотипов неприязненное отношение в некоторых селениях существует и поныне. Мордва отмечает «хитрость» и «скрытность» чувашей, а чуваша – «ленивость» мордвы. Мордва ценит собственную практичность, проявляющуюся, например, в стремлении уехать из села в город («мордва умнее, цивилизованнее, поэтому уезжает в город»). Этот же сюжет чуваша трактуют как нежелание мордвы трудиться на земле («мордва город больше любит, на трудодни невыгодно было работать, а чуваша всегда были трудолюбивые и скромные») [28, с. 25].

Наряду с негативными стереотипами существует и положительное мнение о соседях. Чуваша села Наумкино считают мордву более смелой, способной постоять за себя, признают её «певучесть». Мордва села Калмантай Саратовской области высоко ценит чувашей за организованность и умение вести хозяйство, чувашам импонирует общительность мордвы. Но в семейно-брачной сфере существует предпочтение партнёров своей национальности. О мордвине, женившемся на чувашке, говорят,

что «он не смог найти себе даже мордовку». Несмотря на это, чувашско-мордовские браки рассматриваются обеими группами как более предпочтительные по сравнению с браками с татарами [28, с. 26]. К сожалению, в XXI в. чувашско-мордовская древняя деревня Калмантай пришла в запустение. Остались считанные хозяйства чувашских семей.

В опросе населения Мордовии в 2003 г. «Этнические автостереотипы» [3, с. 170-175] было предложено назвать несколько черт характера представителей своей национальности, которые они оценивают положительно или отрицательно (положительные и отрицательные автостереотипы). Мордовский народ одобряют в своих соплеменниках такие качества, как «трудолюбие – 36%, доброта – 29%, гостеприимство – 17%, настойчивость – 17%, взаимопомощь (братство, солидарность, забота друг о друге) – 9%, честность – 8%, патриотизм – 7% и т.д.; осуждают упрямство – 29%, пьянство – 11%, лень – 6% и т.д.» [там же, с. 170]. Представления о характерных чертах своего народа, приписываемых этнической группой самой себе (этнические автостереотипы), включаются (наряду с самоопределением и владением родным языком) в понятие «этническое самосознание» и дают возможность выявить специфику менталитета народа.

Основательный, детальный анализ особенностей этноменталитета мордвы осуществлён в диссертационной работе **Т.А. Волгаевой «Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность (историко-культурологический аспект)»** (Саранск, 2007). По мнению исследовательницы, сущность менталитета мордовского этноса многогранна и представляет собой сложное сочетание ментальных качеств, сформировавшихся под воздействием естественного природно-географического фактора, историко-культурных условий, религиозно-мифологических воззрений. Эти качества находятся в неразрывной взаимосвязи и составляют ментальную структуру этничности мордвы [5, эл. ресурс].

На формирование менталитета мордовского народа, конечно, заметное влияние оказали природно-географические условия. Надо учитывать, что в разных уголках России условия жизни мокши и эрзи не одинаковы, и этим отчасти объясняются некоторое своеобразие в их характерах. «Богатая и щедрая приро-

да Мордовского края, довольство и давно развившееся сильное умение пользоваться дарами окружающей природы, уважение к лесу – без сомнения не что иное, как прямые следствия глубоко укоренившегося расположения к обитаемой мордвой стране. На основе этого у мордовского этноса появилась такая ярко выраженная ментальная черта, как безграничная любовь к родным местам (к высокому патриотизму призывали многочисленные пословицы: «В родном краю, как в раю», «Человек без родины, что птица без песни»). Природные особенности обусловили также трудолюбие [6, с. 72].

Суровый резко континентальный климат, своеобразная растительность и богатый животный мир лесостепной местности, обилие речных бассейнов на территории проживания мордвы выработали привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями, повлияли на формирование самоотверженности, выносливости, неприхотливости, стойкости. «Мордовский народ подсознательно чувствовал эти природные ограничения и поэтому выработал в своем менталитете привычку к самоограничению потребностей, умение стойко и безропотно переносить самые тяжелые материальные лишения» [там же, с. 73].

Эти качества даются людям от природы. Природа же требует многих сил. Регулярно случавшиеся неурожайные годы, частая безрезультатность огромного труда, не оправдывавшие себя надежды на благополучие и достаток погружали мордовского крестьянина в таинственный мир суеверий, примет и обрядов. Условия лесостепной природы способствовали формированию веры во множество сверхъестественных сил. Многообразие гор, лесов, рек, долин влияло на погодные процессы и на урожайность полей. В восприятии земледельца эта разница в природных явлениях дробила единую силу Верховного Бога на множество компонентов. В менталитете древних народов местечковые поклонения разным объектам природы (типа архаичных обрядов моления у воды, дерева, горы и т.д.) образовались в доисторические времена. Могущественная и непознанная природа отражалась в мировоззрении человека весьма рационально как непреодолимая сила, меняющая существование людей, семей, хозяйств. Наблюдаемые многообразные природные явления и их влияние на труды человека неизбежно рождали веру в

господство над миром и людьми Высшего существа, Вседержителя, Верховного Бога. В крестьянском менталитете это сохранилось с архаичных дохристианских верований со своеобразной трактовкой величия природы (Вирьава – Хозяйка леса, Масто-рава – Мать-земля, Ведьава – Хозяйка воды и т.д.). Все это полностью созвучно чувашской этнорелигии сардаш.

Постоянные военные угрозы, нашествия с юга и с севера, с востока и запада вынудили мордву воспитывать в каждом чувство ответственности за землю, семью и народ. Поэтому в менталитете и мокши, и эрзи высокий патриотизм укоренился с древнейших времен. Мордва долго жила в режиме военного напряжения. «Начиная с XII века состояние мира для мордовского народа было скорее исключением, а война – жестокой закономерностью» [6, с. 73].

Конечно, в формировании менталитета мордвы значительную роль сыграли исторический путь развития и социально-экономические условия бытия. Среди исторических событий, оказавших влияние на менталитет эрзи и мокши, наиболее важными представляются зарождение и становление первоначально единого этноса, дружеское взаимодействие с другими поволжскими народами, монголо-татарское иго, существование в составе Российского государства. «Часто многие авторы упрекают мордву в недружелюбии по отношению к русским. Это имело место быть, поскольку русский народ притеснял мордву и между ними шла затяжная война... Мордва пострадала одной из первых от нашествия монголо-татар, однако враждебность ее к русским осталась прежней» [там же, с. 79].

Растворяясь в русскоязычной среде, мордва не потеряла своих прежних представлений о государстве и власти, не утратила чувства привязанности к родине. Кабальные отношения, сложившиеся между царским самодержавием и нерусскими народами, на долгом пути исторических преобразований вынудили инородцев выработать свое видение равенства, свободы, права, обязанностей, определили народную шкалу ценностей личности вопреки царскому разделению на сословия. Общинная форма социально-экономического самоуправления культивировала общечеловеческие ценности, которые стали частью мордовского единого менталитета, – солидарность в критические

времена, ответственность друг за друга, за племя, род и народ, бескорыстие, честность, совестливость, скромность, уважительное отношение к старикам и детям.

«Коллективизм выработался у мордвы как культурная норма, требующая подчинения мыслей, воли и действий индивида требованиям социальной среды. Эта норма складывалась в условиях общинной жизни патриархального быта – следует отметить, что самоизоляция несла за собой веер негативных последствий... Исподволь формировался и генетически закреплялся преобладающий тип интроверта, проявляющего и изобретательность, и ум, и смекалку, и достаточно уютно чувствующего себя в корпоративной среде, но напрочь теряющего эти качества в иноэтническом окружении» [6, с. 84-85].

Человек зависел от общины, община заботилась о каждом человеке, любому своему члену (сиротам, инвалидам) обеспечивала прожиточный минимум, не позволяя умереть с голода. В этом процессе нравственного созидания народ пришел к важному правилу совместной жизни – к справедливости. Справедливость понималась и как социальное, и как политическое, и как хозяйственно-экономическое равенство всех по отношению к земле и природным богатствам.

Общинная жизнь выработала еще одну важную ментальную черту – дружбу между «своими». Эта общинная спаянность ныне имеет отчасти и теневую сторону – она мешает влиться эрзя и мокше в единую крепкую нацию под единым именем «мордва». «Общинный уклад жизни не преодолен и в XX в.: он был законсервирован в советский период и продолжает сохранять своё значение вплоть до настоящего времени» [там же, с. 82]. Время покажет, правы ли, например, сотрудники редакции современной эрзянской газеты «Масторава», упорно не признающие в своих материалах общность мордвы и не желающие считать мокшу «своими».

Общеизвестно, что обретение этнической культуры и формирование этнического менталитета прежде всего происходит в семье. «Создание новой семьи, появление нового крестьянского двора в общине считалось общественным делом и требовало признания брака со стороны общества. В заключении браков община принимала участие в виде материальной и нравственной

поддержки, а также непосредственного присутствия во время свадебных гуляний» [6, с. 146]. Община тщательно следила за ритуалами свадебного праздника; мнение родственников, ближайших соседей, селения в целом регулировало поведение поезжан. Об ответственности выбора супругов говорили и пословицы: «Ёньфтема рвя лангс рвяямс, лучи эрхкти ваямс» (На глупой жениться – лучше в болоте утопиться), «Кодамо пенькась, истямо отроскась» (Каково дерево, таковы и ветки)».

Заключение браков у мордвы, схожее с чувашскими традициями, являлось не столько делом молодых, сколько их родственников. Мордвин брал себе в дом прежде всего работницу и непременно способную к продолжению рода. «Прежде чем сосватать девушку, наводили исчерпывающую справку о ней, о ее родителях, ее родных, узнавали о репутации семьи» [6, с. 147]. Мордовские семьи обычно были многодетными и состояли из десяти и более человек. Под одной крышей проживали несколько поколений. Во главе дома стоял старший мужчина – *кудазор* (мокш.), *покштя* (эрз.). Многодетные семьи поощрялись и поддерживались общиной. «Дети из больших семей оказывались лучше приспособленными для социализации» [там же].

По устоявшимся воззрениям мордвы, подчинение мужу обязано исходить от жены из любви и уважения, которые, конечно, должны быть обоюдными чувствами. «Любопытные наблюдения приводит В.Н. Майнов: “Если жена не слушается мужа, то обвиняли в этом мужчину, мотивируя это тем, что он не сумел заставить уважать себя, свое слово”. Залогом благополучных семейных отношений было заключение браков по любви. В повседневной жизни отношения между супругами отличались большой сдержанностью» [цит. по: 6, с. 147].

В мордовских языках отсутствует слово «семья» в современном его значении. В обыденном употреблении этому понятию соответствует слово *куд* (мокш.), *кудо* (эрз.) – дом. Семья и дом – синонимы. Это нашло отражение в пословицах: «Каков хозяин – таков и дом (семья)» (мокш. *Кодама азорсь, стама и кудонь семьясь*), «Дом с детьми – счастливый дом» (эрз. *Эйкакиш марто кудось – уцяскав кудо*), «С хорошими детьми семья (дом) – счастливая семья (дом)» (мокш. *Цебярь идень мархта семьясь (кудсь) – павазу семья (куд)*) [15, эл. ресурс]. К девочкам и маль-

чикам в мордовской семье отношение было почти одинаковым, но в традиционных крестьянских семьях предпочтение отдавалось мальчикам: они считались продолжателями рода, семьи, наследниками дома, земли [6, с. 155].

Мордва высоко ценила и проявляла глубокое уважение к женщине-матери [там же, с. 151-152]. Это чувство имеет древнюю традицию и коренится в религиозных воззрениях мокши и эрзи. В мордовской мифологии главная роль отводится женским божествам. Они покровительствовали домашнему очагу и хозяйству, олицетворяли силы природы. В народной культуре во многих случаях жреческие функции находились в руках женщины. Ее роль ярко раскрывается в устно-поэтическом творчестве. Образно и значимо она выражена в пословицах: «Без матки рой не держится», «Материнское сердце лучше солнца греет», «Какова мать, такова и дочь», «Хорошая жена, что пчелиная матка», «Где плохая хозяйка, там и дом пустой», «Кто на какой женится, тот по ней и изменится». Глубокое уважение и любовь к матери чувствуется во всей мордовской поэзии, мы же остановимся на стихотворении поэта Александра Арапова, главного редактора эрзянского литературно-художественного журнала «Сятко» [1, с. 40]:

*Мама моя! Моя Родина в родинках – мама!
Добрая, будто широкая русская печь, –
Так же нелепа, как в детстве, – пряма и упряма,
И узнаваема, словно мордовская речь.
Вся-то родная – с морщинками, песней неспетой,
Тихой усталостью, плюшками и каймаком.
В старый халат, словно в прошлое, мама одета,
Вся на ладони и вся – за каким-то холмом.*

Существенную роль в формировании менталитета мордовского народа сыграли религиозно-мифологические воззрения, состоящие из древнего языческого компонента и позднего синкретического наслоения, сформировавшегося в результате культурного взаимодействия с христианством (православием), что привело в конечном итоге к двоеверию. Мордва стала поклоняться некоторым из христианских святых, которые вошли в мордовский пантеон. Постепенно оформилась мысль о демиурге, сменились представления о душе, смерти, загробном мире и т.д. О праздниках-озксах мордвы, о свадьбе и вообще о духовной

жизни своего народа подробно писал просветитель и этнограф М.Е. Евсевьев. Он отмечал, что семейные моления совершались старшими в доме, обычно хозяйкою дома, а на общественных молениях руководителями, как и у чувашей, мари, удмуртов, выбирались особо уважаемые старики и старухи. «Обычно выбирались одни и те же лица. Основным моментом было жертвоприношение божествам» [цит. по: 6, с. 90].

Исследователи единогласно отмечали почтительное отношение мокши и эрзи к памяти ушедших в иной мир родителей и родственников. Любые важные дела предпринимались лишь после обращения к духам предков, любое семейное и общественное дело начиналось с поклона предкам. С обращения к памяти родоначальников приступали и ныне приступают ко всякому молению. Символом рода признана родовая свеча – *атянь штатол* (свеча стариков). Пока горит штатол, продолжается род. «Родовой штатол являлся объединяющим началом, символом единства, продолжения рода, его долголетия. В ходе моления перед новым поколением проходила идея значимости следования заветам предков» [6, с. 103].

Этико-эстетическая система ценностей, определяющая нормы поведения, образ жизни, национальное сознание, отношение к культуре и окружающему миру – один из основных механизмов нормативной регуляции действий и поступков человека в конкретной социальной среде. Наиболее значимым считается соблюдение правил и обычаев предков, миролюбие, житие в ладу и согласии, скромность в проявлении признаков любви и симпатий, почитание родителей и старших членов семьи, добропорядочность, прагматичность, трудолюбие, доброта и гостеприимство, находчивость и т.д.

Трудолюбие как этноментальное качество мордовского народа учеными обсуждается отдельно и с большим вниманием. В литературе можно встретить противоположные друг другу точки зрения исследователей на отношение мордвы к труду. «К примеру, по словам путешественника в Селиксу (мокшамордовское село в Пензенской области. – Э.Н.) М. Попова лень губит народ. От этой постоянной лености они медлительны, нерешительны и работают всегда нехотя. Об этом же говорил еще в конце XVIII в. К. Милькович, называя негативными чер-

тами мордвы медлительность и нерешимость, так как “они имеют привычку о самой малости прежде, нежели приступают к делу, толковать не малое время...” [6, с. 160].

Как объединить эти совершенно различные замечания? Или наблюдатели находились в разное время в разных краях среди разного населения? Определение мордвы как народа любящего и умеющего работать и одновременно ленивого – не убедительны. Восприятие каждого исследователя следует привязать к конкретному месту и слою этноса и найти причины именно такой характеристики. Считать чьи-то наблюдения исключением из правил, другие – правилом и расценивать лень мордвы нежеланием делать какую-то работу тоже неправомерно. Т.А. Волгаева предлагает мордовскую лень объяснять «просто медлительностью и основательностью подхода к работе». Мордвин долго «раскачивается», пока начнёт работать: «Мордвина разве сдвинешь?» – говорят в народе. Видимо, все-таки придется признать «северный» характер и меланхоличный темперамент мордвина – эрзи и мокши.

По замечанию исследовательницы, в литературе также встречаются нелестные выражения в сторону мордвы о её нечистоплотности, неопрятности в быту и в одежде и большой тяге к спиртному [6, с. 164, 166]. Подобные характеристики не находят поддержки у большинства авторов, поэтому нет необходимости останавливаться на их подробном рассмотрении как всеобщего явления.

Важным источником, отражающим этническое мировосприятие, самосознание и психологию, как общеизвестно, является устно-поэтическое творчество народа. В различных жанрах фольклора прослеживаются установки и стереотипы, обязательное следование которым делает жизнедеятельность этноса нормативно стабильной. В фольклоре эрзи и мокши содержится важная информация о восприятии мордвина себя как личности и отражены основные ценности, культивируемые этносом. Это отлично прослеживается в жанрах эпоса, эпических, исторических, лиро-эпических и лирических песнях, социально-бытовой сказке и анекдоте, характерной особенностью которых является восприятие мордвой себя как боевых,

остроумных и находчивых людей, в то время как враги изображаются глупцами и недалекими людьми.

Боевые, воинские доблести и при этом миролюбивый, дружелюбный характер народа в полной мере высвечены в поэтическом эпосе «Сияжар» (составитель В.К. Радаев) и в 8-томном издании мордовского фольклора [23, с. 17]. В преданиях, легендах, балладах, сказаниях о героях (в первую очередь, о племенном вожде – царе Тюште) ярко отразилась ментальность мордовского народа – готовность жертвовать личным благополучием во имя спасения своего народа, выносливость, неприхотливость, стойкость, упорство, самоотверженность [там же, с. 14-16]. О миролюбивом характере мордовского народа можно судить по поступку царя Тюшти, который, спасая свой народ, уводит часть мордовского населения за море [5, эл. ресурс].

Еще смелее характеристика людей и народов представлена в сказках. В мордовских сказках враг преподносится резко отрицательно – диким зверем, барин рисуется глупым, смешным, ленивым, злым. В мордовских песнях и пословицах ярко отражены проявления чувства самоуважения, осознания этнического Я, любви и возвышения своего окружения и трудового человека, любви к родным местам («Наша земля лучшая из лучших») [см.: 5, эл. ресурс].

Пословица всегда служила в фольклоре мордвы выражением положительных идеалов народа, среди которых смелость, щедрость, бережливость, патриотизм, уважение к старшим и т.д. Для самой мордвы трудолюбие является одним из приоритетных качеств. «Мордовский народ – трудолюбивый народ», «День без труда – потерянный день» гласят мордовские пословицы. В народных афоризмах, поговорках и пословицах проявляется самобытность поэтики этноса, его национальный менталитет, мировидение («Сильного человека и гора боится», «Правдой будешь жить – всё добудешь», «Кто за правду горой – тот непобедимый герой», «Позор – тяжелее смерти», «Кражей утробу не насытишь», «Что приобретено, то и добыто»). Неумелость и лень высмеивались народом в сатирических песнях. «Не может Марья ниток прясть, Не может она и холст наткать, Нитки нарядет – толщиной с посох сельских стариков», – поется в одной из мордовских песен. Одной из ментальных черт, свой-

ственных мордовскому народу, является вера в существование сверхъестественных сил, получившая отражение в суеверных приметах. Поверья-назиданья и магия содержатся в обрядовой поэзии.

Жанр любовной лирики содержит информацию об интимных отношениях и выражении этого чувства в мордовской среде. Особенностью является то, что слово «любовь» нечасто можно встретить в песенном тексте. Речь идет скорее о светлых, застенчивых чувствах, о переживаниях в разлуке, терпимости и т.д. Народ справедливо полагал, что чувства радостны тогда, когда они скрыты от посторонних глаз и целомудренны. Влюбленные часто уходят подальше от чужих глаз, в поле (будто бы жать хлеб), на луг – пасти гусей, в лес – собирать грибы и т.п. Тем не менее, в некоторых исследованиях встречаются факты отрицательного влияния русских обычаев на мордву в сфере гендерных отношений. Например, священник Пензенской епархии Н. Барсов, сравнивая русский и мордовский народы, отмечал, что половая распущенность среди мордвы была менее распространена, чем среди русского простонародья. Наличие склонности лишаться невинности и рожать детей до вступления в брак он связывал с наличием «посиделок», существовавших ранее в исконно русской традиции и получивших распространение среди мордвы [см.: 10, с. 16].

В своём исследовании Т.А. Волгаева делает заключение, что этническое самосознание мордовского народа во многом ещё остается живой частью этнокультурного контекста, в меньшей степени связанной с системой нормативных установок Российского государства. Однако для современной мордвы в наибольшей степени характерен баланс республиканской и общероссийской идентичности, что указывает на готовность к межэтническому сотрудничеству [5, эл. ресурс].

В статье **И.В. Загородновой «Менталитет мордовского этноса в социально-философском и историко-культурном измерении (конец XX – начало XXI веков)»** (М., 2008) также делается акцент на том, что основу аксиологического и деятельностного аспектов феномена ментальности мордвы составляют фольклор мордовского народа и его история [9, с. 63-64]. В фольклоре запечатлены обычаи, формы бытового

поведения, тесно связанные с культурой этноса, сферой народной поэзии. В фольклоре воплощены актуальные идеи и умонастроения различных времен, связанные с историей мордвы. Фольклорных жанров, созданных мордовским народом не много. Но они составляют основу духовного богатства, которую пронес сквозь века один из древнейших финно-угорских народов.

Исследование фольклора в социокультурном срезе показывает, что отличительной чертой его жанров является установка на историчность и этническую определенность. Фольклор, помимо бытовой линии, притягивает внимание особым стремлением обратиться к природным силам, использовать их мощь, поэтому требует особого эмоционального осмысления и воспроизведения. Фольклор мордвы (также как и её менталитет) формировался под воздействием исторического пути России, под влиянием ее религиозных, хозяйственно-экономических идей, представлений о добре и зле, прекрасном и безобразном [9, с. 64-65].

Развитие культуры Мордовии в период преобразований XX в. неразрывно связано с глубокими изменениями, которые происходили в социально-экономической и культурной жизни России того времени. Социально-экономические реформы привели к полному смещению представлений о целях общественной системы. Активно насаждаемая сторонниками прозападной модернизации ориентация на успех сталкивалась с противоположной ценностной тенденцией – стремлением закрепить традиционные ценности православной жертвенности, духовности (нематериальности).

Процесс приобщения, копирования чуждого образа мышления, стиля жизни сопровождался недостаточным вниманием к собственной исторической традиции. Эти тенденции не приводили к солидаризации социальных групп, напротив, на индивидуальном уровне многие люди жили в состоянии одновременной ориентации и на одну, и другую ценностные направленности. Подобно экономическим и социальным основаниям, ценности культуры и, в частности, нравственные идеалы после разрушения единого поля ориентиров находились некоторое время в состоянии

углубляющегося кризиса, в котором силы, направленные на созидание, явно уступали лидирующее положение дестабилизирующим течениям и группировкам.

«Исследование базовых ценностей показало, что ведущими нормами молодежи выступали: индивидуализм, личный успех, благосостояние. Из обихода вышли такие категории, как патриотизм, долг, служение Отечеству и традиционные для мордовского этноса понятия – «совесть», «сострадание», «вина», «грех» и т. д. Всё это представляло сильную угрозу для будущего республики, страны. Совершившиеся изменения не затронули (не успели!) глубинной внутренней сущности, напротив, они воспроизводили субстанциональные черты, присущие психическому складу народа. Исторически с национальным менталитетом были связаны доблесть, толерантность, почтительность и другие качества. На особый ментальный склад мордовского народа повлияли национальные архетипы: архетип Матери и архетип ценностного восприятия пространства. С качествами менталитета мордвы связаны такие конкретные свойства, как отражение действительности в форме образного повествования» [9, с. 66].

В духовности мордовского народа на первом плане было язычество, следование принципам которого вошло в мировоззрение, обычаи мордвы [там же, с. 67]. Эта же черта проявилась и в искусстве, где множество сюжетов и образов навеяно особенным складом миропонимания мордовских писателей и художников. Отсюда и приоритет обрядности в мордовской духовной культуре. Но наряду с восстановлением ценностей национальной культуры логика развития мордовского этноса опирается и на исконно русские ценности [там же, с. 68].

Е.В. Мочалов, И.В. Емелькина (Загороднова) в статье **«Менталитет мордовского народа в системе российского менталитета»** (*Саранск, 2013*) продолжают развивать эту мысль, утверждая, что менталитет мордовского этноса опирается на характеристики российского менталитета; отсюда ценностно-иерархическое отношение последнего как культурной доминанты к менталитету мордовского этноса. «Мордовский край к началу XX в. уже не воспринимался как чисто нацио-

нальный регион, что стало результатом его постепенной русификации и притока русского населения. Факторами, значительно ускорившими процесс обрусения, были разобщенность мордвы и проживание ее в смешанных селениях. Этому же содействовали браки между представителями различных национальностей, общность религии, незавершенность процесса консолидации и слабые экономические и культурные связи между отдельными группами мордвы» [17, эл. ресурс].

Вопрос о степени обрусения мордвы неоднозначный, но в процессе долгого совместного проживания на одной территории у групп людей формируются общее мирозерцание, единый стиль и образ жизни. Чтобы говорить о влиянии русской культуры на мордовскую, следует рассматривать такие системные факторы, как семья, образование, экономическая, политическая и религиозная системы, социализация, система здоровья и отдыха. Практически нет разницы в том, как мордва и русские реализуют себя в них [там же]. В качестве единственного отличия здесь может быть указано овладение мордовским языком или использование его в системе социализации частью граждан. Авторы полагают, что в процессе общности исторической судьбы, территории, традиций и особенностей быта у представителей данных этносов выработалось сходство в восприятии событий, картины мира и системы значений внешней культуры.

Сущностными качествами мордовского народа являются доблесть (честность, правдолюбие), толерантность (доброжелательность, миролюбие), почтительность, ценностное отношение к символам и восприятие природы, антропоэтикоцентристская ориентация и синкретизм. Эти основные качества в их целостной совокупности представляют своеобразную «внутреннюю картину мира» менталитета мордовского этноса и находятся в глубокой диалектической взаимосвязи. Этническое самосознание мордовского народа концентрирует в себе представления об общности исторической судьбы с русским народом, в нём ярко проявляются межпоколенная связь и устойчивость этнической составляющей [там же].

Для восстановления своей былой численности и славы, от современной мордвы требуется полностью избавиться от

национального нигилизма, приостановить упадок мокшаэрзянских языков, нивелировать оторванность молодёжи от этнических традиций и повысить интерес к эффективному использованию национальных ресурсов древней и богатой мордовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов А.В. Взмах: стихи. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001.
2. Балашов В.А., Мартыянов В.Н. Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузев. – М.: Наука, 1985. – С. 108-140.
3. Богатова О.А. Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003.
4. Бурдуков М. Мордва. Этнографический очерк // Уфимские губернские ведомости. – 1905. – № 176. – С. 2.
5. Волгаева Т.А. Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность (историко-культурологический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007 // Человек и наука: интернет-сайт. – URL: <http://cheloveknauka.com/mentalitet-mordovskogo-etnosa-istoki-i-suschnost> (дата доступа: 16.08.2014).
6. Волгаева Т.А. Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность (историко-культурологический аспект): дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007.
7. Воронин И.Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.
8. Жиганов М.Ф. М.Е. Евсевьев – историк родного края. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990.
9. Загороднова И.В. Менталитет мордовского этноса в социально-философском и историко-культурном измерении (конец XX – начало XXI веков) // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2008. – № 4. – Выпуск в серии № 13. – С. 63-70.
10. Клипикова А.А. Мордовский и русский народы глазами православных священников // Центр и периферия. – 2010. – № 1. – С. 16.
11. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Издат. центр «Академия», 2002.
12. Матвеев Г.Б. Мордва // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3: М-С. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 136-137.

13. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос: проблемы и суждения // Мордовский народ: что нас волнует: сборник / сост. И.П. Долгаев, А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 40-60.
14. Мордва – народ предприимчивый // Товары Мордовии: интернет-сайт. Архив рубрики: менталитет. – 2014. – 10 июля. – URL: <http://tovarymordovii.ru/?cat=28> (дата доступа: 15.08.2014).
15. Мордовская семья // Товары Мордовии: интернет-сайт. Архив рубрики: менталитет. – 2014. – 9 июля. – URL: <http://tovarymordovii.ru/?cat=28> (дата доступа: 15.08.2014).
16. Мордовский народ: что нас волнует: сборник / сост. И.П. Долгаев, А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991.
17. Мочалов Е.В., Емелькина И.В. Менталитет мордовского народа в системе российского менталитета // Knigilib.net: интернет-сайт. – 2013. – URL: <http://knigilib.net/book/362-vestnik-nii-gumanitarnyx-nauk-1-25/20-mentalitet-mordovskogo-naroda-v-sisteme-rossijskogo-mentaliteta.html> (дата доступа: 16.08.2014).
18. Никольский Н.В. Мордва // Собр. соч. в 4 т. – Т. III. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – С. 324-335.
19. Просветители и педагоги мордовского края: сборник / сост. М.Т. Бибин, Е.Г. Осовский. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986.
20. Радов И. Нужна программа «Родословная»! // Финно-угорская газета. – 2010. – № 1 (23). – 26 января. – С. 5.
21. Сухарев А.И. Социальный облик Советской Мордовии: состояние, тенденции развития. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980.
22. Терпение и неутомимость – национальные черты характера? // Товары Мордовии: интернет-сайт. Архив рубрики: менталитет. 2014. – 23 июня. – URL: <http://tovarymordovii.ru/?cat=28> (дата доступа: 15.08.2014).
23. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. – Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964.
24. Фетисов С.Г. Я живу в Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983.
25. Шкердина О.Н. Межкультурное восприятие национального характера народов Среднего Поволжья в западноевропейской росике XVIII века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8-9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 294-300.

26. Юрченков В.А. Историческая память // Мордовский народ: что нас волнует: сборник / сост. И.П. Долгаев, А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 4-19.

27. Юрченкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. – Саранск: МГПИ, 2010.

28. Ягафова Е.А. Чуваши и мордва в Урало-Поволжье: межкультурное взаимодействие в XVIII-XX веках // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15-16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 18-32.

Глава 6

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ УДМУРТОВ*

Удмурты (самоназвание – «утморт, укморт»; устаревшее русское название – «вотяки»; чувашское и татарское название – «ар») – финно-угорский народ пермской подгруппы, численность которого в Российской Федерации составляет 552,3 тыс. чел., в Удмуртской Республике – 410,6 тыс. чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Компактно расселены в Пермском крае, республиках Татарстан и Башкортостан, а также в соседних с Удмуртией областях. Удмурты живут в Казахстане, Украине, Белоруссии, Узбекистане.

По территориально-этническим особенностям удмурты делятся на северных (значительное воздействие оказал Русский Север) и южных (со времён Волжской Булгарии находятся под влиянием тюркского мира, особенно татар). Отдельную этнографическую группу составляют бесермяне.

Удмурты говорят на удмуртском и русском языках. Удмуртский язык принадлежит к пермской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи, делится на северное и южное наречия.

Основная религия удмуртов – православие; в сельской местности сохраняются очаги дохристианской этнорелигии.

Удмурты – второй по численности (после мордвы) финно-угорский народ в России. В отличие от других финно-язычных народов Поволжья, состоящих из родственных, но сильно различающихся групп (отстоящих друг от друга настолько далеко, что взаимопонимание между ними затруднено, как например, мордва – мокша и эрзя, мари – горные, луговые и восточные), удмурты довольно монолитны и расселены сравнительно ком-

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomenalitet_udмуртов_e_v_nikitina/

пактно на востоке Восточно-Европейской равнины, в междуречье Камы и Вятки. Большинство живет в пределах Удмуртии.

Проблема происхождения этнонима «удмурт» до конца не выяснена. В нём прозрачна основа «мурт, морт» – индоиранское «человек, муж, мужчина». Первая часть «уд» объясняется по-разному. Возможно, «уд» восходит к марийскому «одо» – «всходы на лугах, зелёные побеги». Согласно другой версии, этноним «удмурт» нужно прямо связывать с названием реки Вятка: название «ватмурт» означало «человек с реки Вятка», в дальнейшем оно изменилось в «отмурт – утмурт – удмурт» [5, с. 13].

История удмуртского народа сложна, полна драматизма и невыясненных вопросов. По данным археологов, историков, этнографов, основой для формирования удмуртского народа послужили автохтонные племена Волго-Камья, создавшие ананьинскую археологическую культуру (VIII–III вв. до н.э.). В этническом отношении она представляла собой ещё не распавшуюся финно-пермскую общность. На рубеже нашей эры на основе ананьинской культуры сложился ряд прикамских культур, в том числе пьяноборская. Во второй половине I тыс. н.э. на базе пьяноборских вариантов (поломской, ананьинской) культур в результате процессов саморазвития и расселения, освоения новых территорий оформилась древнеудмуртская этноязыковая общность. Верхним рубежом археологии удмуртов является чепецкая культура (IX–XV вв.). Земледелие, охота, рыболовство, бортничество – основные виды деятельности древних удмуртов [11, с. 7].

Среди удмуртов встречается много рыжеволосых. Считается, что по этому отличительному признаку они стоят на первом месте в России. Более того, удмурты – один из самых (вместе с ирландцами) златоволосых этносов в мире [5, с. 22]. Удмурты не богатырского телосложения, однако крепки и выносливы. Описывая физический тип вотяка, видный просветитель народов Поволжья начала XX в. профессор Н.В. Никольский в своих «Этнографических альбомах» отмечает: «Вотяки среднего роста, довольно хилого телосложения; они тихи, вялы и неповоротливы. Волосы и глаза обыкновенно

светлые, чаще рыжие. Нос небольшой, скулы выдающиеся, щёки впалые, цвет кожи желтовато-красный, лицо обыкновенно в веснушках, разрез глаз узкий, короткий лоб, несколько опрокинутый назад, рот большой, губы от частого употребления грубого табака покрыты слюной, зубы крепкие и белые, подбородок острый, борода маленькая, редкая, большей частью рыжеватая. Вырождения нет» [16, с. 174].

Первые сведения об удмуртах относятся к Средневековью. Их можно найти в русских летописях (с XIV в.), арабских (с XII в.) и западноевропейских (с XVI в.) источниках. Они ещё далеко не полно выявлены и проанализированы. В XVIII в. знаменитые ученые Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер, П.-С. Паллас, И.Г. Гмелин, И.Г. Георги, И.Ф. Эрдман и др. были приглашены в Россию и, путешествуя по Поволжью и Приуралью, оставили ценные сведения об удмуртах. В центре общественного внимания удмурты оказались во время скандально знаменитого Мултанского дела (1892-1896), о судебном рассмотрении которого печаталось огромное количество статей, заметок, корреспонденций об удмуртах; отклики на Мултанский процесс были в прессе Лондона и Парижа [см.: 5, с. 34].

Процесс присоединения удмуртов к Русскому государству завершился к 1558 г. Вхождение удмуртского народа в состав Русского государства имело в исторической перспективе огромное значение для социально-экономического развития, все группы удмуртов оказались в рамках единого государства – появились условия для сложения удмуртской народности. Благотворное воздействие оказала культура русского народа: стали распространяться более прогрессивные формы и методы хозяйствования, появились зачатки грамотности. В 1775 г. была издана «Удмуртская грамматика». Однако статус инородцев, которым были наделены в Российской империи удмурты вместе с остальными нерусскими народами, во многом усугублял их тяжелое социально-экономическое положение и неблагоприятно сказывался на их этнокультурном развитии. Вместе с другими народами края удмурты не раз поднимались против национального и крепостнического гнета. Большую роль в истории удмуртов сыграла Крестьянская война 1773-1775 гг., возглавляемая

Емельяном Пугачевым. В армии повстанцев удмурты сражались рядом с русскими, татарами, башкирами, чувашами [5, с. 33].

Преобразования, начавшиеся в России после социалистической революции 1917 г., затронули все сферы политической, хозяйственной и этнической жизни удмуртов. В 1920 г. впервые за свою историю удмуртский народ получил государственность: был подписан Декрет об учреждении автономии удмуртского народа. В 1934 г. Удмуртская автономная область получила статус автономной республики. В 1991 г. Удмуртская АССР стала Удмуртской Республикой (Удмурт Элькун, Удмуртия).

По мнению В.В. Напольских, девиз удмуртской ментальности можно выразить словами «Живу в согласии» [цит. по: 18, с. 9]. Действительно, характеризуя этноменталитет удмуртов, в первую очередь упоминают их миролюбие, доброжелательность, гостеприимство, далее «склонность более к веселию, нежели к печали» (А.Н. Радищев), песенность, деликатность, стеснительность до робости, сдержанность в проявлении чувств, доходящую до скрытности и замкнутости, бережливость до скупости, терпеливость до самопожертвования, настойчивость до упрямства, кровнородственную зависимость от природного и социального окружения (утрата природного и родственного контекста, отчуждение от малой родины, осуждение общественным мнением воспринимались и осознавались удмуртами как жизненный крах), исключительное трудолюбие [цит. по: 5, с. 22]. Большие исторические перемены, интенсивное взаимодействие со многими этносами наделяли удмуртов новыми внешними и внутренними чертами. «Дореволюционные авторы, например, характеризуя удмуртский этнос, выделяют ряд негативных качеств, среди них скрытность, замкнутость, обидчивость, мстительность <...>. Однако все эти качества не могут быть присущи этносу изначально и не могут быть направлены на весь мир одновременно, но сформировались в результате исторического развития по отношению к определённым участникам мира» [18, с. 4].

Современные психологи и этнографы отмечают, что в системе социальных ценностей удмурты всегда отводили важное место оптимальным отношениям со своими близкими и дальними родственниками, соседями, вообще с добрыми людьми. «В

семейном быту они необыкновенно уживчивы и ради семейного благополучия приносят в жертву свои личные интересы, терпят известное подчинение, лишают себя в некотором роде самостоятельности. Именно от этого, считают они, во многом зависят общая атмосфера жизни, успех в хозяйственной и прочей совместной деятельности. По этой причине у них никогда не было в чести нищенство и попрошайничество. Удмурты чрезвычайно дорожат своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Очень многое, по их мнению, зависит от того, “что говорят другие”, “что сказали”, “что подумают”. <...> У них высокая культура межличностных отношений. Издревле самым тяжким преступлением считалось инициирование вражды и ссор. Вместе с тем по этой причине часто складывается впечатление, что удмурты излишне застенчивы, нерешительны, мнительны, безынициативны» [12, с. 154-155]. «Удмурты по своим национально-психологическим особенностям похожи на представителей татарской национальности, но они менее эмоциональны, отличаются большей замкнутостью» [14, с. 23]. Для точности характеристики следует добавить, что удмурты по мировоззрению и отношению к общественной жизни более близки к чувашам и марийцам, чем к татарам.

Доктор культурологии **И.М. Вельм** в диссертационном исследовании «**Этнический менталитет: истоки и сущность (на примере удмуртского этноса)**» (Москва, 2004) устанавливает корреляционную зависимость самобытности этнического менталитета удмуртского этноса от трех главных факторов: природно-климатических условий, особенностей социальной жизни, специфики религиозно-духовной жизни. Он утверждает, что комплекс этих постоянно действующих детерминант воспроизводит специфические черты этнического менталитета удмуртского народа на протяжении всей его социокультурной истории. В работе проводится идея многоаспектности сущности этноменталитета удмуртов, в соответствии с которой выделяются его следующие сущностные качества: 1) стремление к традиционным ценностям, 2) уход в себя, 3) проявление этнонигилизма, 4) толерантность, 5) общинность на уровне психологии «мы – они». Указанные качества составляют своеобразную внутреннюю «картину мира» удмуртского этнического мента-

литета, причем все они находятся в глубокой диалектической взаимосвязи, образуя единую ментальную структуру этничности [2, с. 11].

Таким образом, природная среда обитания является одной из основных доминант формирования этноса, его культуры и менталитета. Подтверждение этому тезису находим также в книге **А.Н. Петрова «Удмуртский этнос: проблемы ментальности» (Ижевск, 2002)** «Распространение в основном елового, тёмного по своей природе, леса индивидуализировало деятельность человека в лесу, так как контакты между людьми в нём были крайне ограничены. Во время занятий охотой, бортничеством удмурт должен был максимально учитывать особенности тех или иных природных явлений, их приметы. В связи с этим его внутренний мир требует сближения с природным началом, особого единения и гармонии с лесом.

В документах отмечается особое отношение удмуртов к лесу: “Вотyak счастлив лишь тогда, когда он в лесу, с ружьём, собакой и трубкой во рту”» [18, с. 37]. Зависимость удмуртов от лесного окружения (необходимость действовать в лесу соответственно устоявшемуся природному ритму, выжидать нужные моменты, подготавливать необходимые условия для получения постоянного результата) послужила фоном для развития таких черт характера, как неторопливость, доходящую до медлительности, методичность в выполнении работ, сдержанность в проявлении чувств. Деятельность в лесу повлияла на формирование предрасположенности удмуртов к пассивному флегматичному типу темперамента. Один из исследователей удмуртов XIX в. И.Н. Смирнов пишет: «В психическом складе Вотяка две черты представляют собой несомненный результат влияния окружающей обстановки – сдержанность в проявлении впечатлений, которая ведёт за собой молчаливость, и безграничная способность терпеть – “покорность судьбе до конца”. Молчат угрюмые леса, окружающие со всех сторон Вотяка, молчит и он, заражаясь состоянием среды» [23, с. 85-86].

В течение XIX в. количество лесов в Удмуртии сокращается почти вдвое и увеличивается площадь пахотных угодий. Черты характера удмуртов, сформированные в условиях леса, становятся формообразующими при занятиях земледелием [18, с. 38].

Непостоянство погодных условий, низкое плодородие почв требовали максимального внимания и заботы крестьян к земле. Высокая насыщенность трудовой деятельности становилась условием существования человека в данной природной среде и формировала такие черты характера удмуртского этноса, как трудолюбие, терпеливость и упорство. Необходимость кооперации усилий родственных коллективов при земледелии обусловила среди прочих склонность удмуртов к общественной, общинной жизни и оказала влияние на формирование предрасположенности к корпоративному поведению и осознанию себя в единстве со своим социальным окружением.

Воспитание трудолюбия становилось главной задачей удмуртского общества. Детей с малых лет приучали к работе, что являлось действенным средством их воспитания. Мальчики 12 лет считались уже взрослыми работоспособными людьми. В работах дореволюционных исследователей удмуртский этнос характеризовался как один из самых трудолюбивых. Н.П. Рычков (1770) пишет: «Я могу смело сказать, что нет в Российском государстве ни одного народа, могущего сравниться с ними в трудолюбии» [цит. по: 18, с. 52].

Удмурты были психологически настроены на повседневный монотонный труд. В связи с этим показательна установка удмуртов «терпеть надо», которая, по всей видимости, является определяющей в жизнедеятельности этноса. В этом проявляется своеобразие отношения к труду и трудолюбия удмуртов. Любой человек всегда должен быть при деле, иначе хозяйство могло стать экономически недееспособным. Удмуртская женщина брала с собой даже грудного ребёнка на жатву, для ношения младенца была приспособлена и широко использовалась самотканая заплочная люлька (*ныпъет*) [18, с. 53].

Во взаимоотношениях с более сильными соседями (русскими, татарами) удмурты оказывались часто стороной, подвергающейся обидам и несправедливостям. Это обстоятельство, вероятно, среди прочих способствовало формированию комплекса национальной неполноценности, национального нигилизма, когда «я – удмурт» произносится с немалой долей извинения. Удмурты, стремясь защитить от разрушения свою этническую культуру, ограничивали опыт общения с внешним миром через

уход в себя, в свой социальный микромир, что оказало влияние на развитие таких черт характера и психологического склада личности, как робость, безынициативность, боязнь конфликтов, замкнутость [18, с. 41]. Свою беспомощность перед русскими и татарами удмурты выражают оригинальной пословицей: «Татарин – волк, русский – медведь, удмурт – рябчик» [цит. по: 18, с. 63]. Обстоятельство гнета породило ощущение бессилия, своей второсортности в государственном устройстве. При этом удмурты все свои злоключения связывали с судьбой. «Мы вотяки, нам ладно» или «Мы вотяки, нас Бог не любит», – говорили удмурты.

Удмурты в составе Русского государства оказались, как и многие другие нерусские народности, на положении «сорных инородцев», что ставило их на более низкую ступень, чем русские, и часто определяло отношение к удмуртам как к нецивилизованному, отсталому народу. Например, Г.Ф. Миллер (1791) писал об удмуртах: «Одни вотяки так дики и грубы, что они ни с каким народом дружеского обхождения иметь не хотят» [цит. по: 18, с. 41]. Ограничению контактов способствовало и преобладание натурального хозяйства и, как следствие, неразвитость торгово-экономических отношений.

Экологические и исторические особенности положения удмуртов свидетельствуют о том, что в этом крае вплоть до XIX в. существовала относительная оторванность развития общин от внешнего мира и в то же время социальная целостность внутри общин. Главной проблемой жизни в обществе являлось не урегулирование противоречий между людьми, основанных на экономическом и политическом неравенстве, но взаимодействие, направленное на борьбу с силами природы. Это содействовало объединению удмуртских семей и общин прежде всего в религиозно-этической сфере через совместную обрядовую жизнь. Об этом свидетельствуют общесельские моления, проводимые группой родственных деревень.

Отсутствие политического объединения во многом объясняется слабой социальной дифференциацией в удмуртских общинах, неразвитостью традиций лидерства (к примеру, неприятие богатырей-батыров в легендах и сказаниях, так как они своими неординарными качествами мешают миру и согласию

в обществе), хозяйственно-экономической разрозненностью жизни общин, во многом ставшей результатом раздельного расселения воршудных (воршуд – «родовая» или семейная святыня) групп удмуртов. Малонаселённость территорий, относительная замкнутость и оторванность жизни общин, исторически сложившиеся обстоятельства приводили к формированию стереотипа неприятия чужаков. «До самого последнего времени (90-е гг. XIX в.) они [удмурты] избегали сближаться с русскими. Если русские селились в деревне, они обыкновенно снимались всем посёлком, оставляли русским своё место, а сами переходили на другое», – замечает В.Н. Харузина (1898) [цит. по: 18, с. 43-44].

И.Н. Смирнов особо подчёркивает, что гармония отношений у удмуртов была распространена только среди родственников [23, с. 258-259]. Г.Е. Верещагин пишет, что в частной жизни удмурты тихи, терпеливы, ссор между ними не бывает, злом за зло друг другу не платят, в обществе у них мир и согласие, в семье – уживчивость. Кроме того, интересно замечание П.М. Богаевского о том, что, несмотря на упрямство, скрытность и подозрительность удмуртов, в кругу семьи они постоянно веселы, откровенны и довольны, а указанные выше качества проявляют лишь по отношению к посторонним [цит. по: 18, с. 66-67]. Значимость семейно-родственных и общинных отношений предопределила зависимость людей от коллектива, которая проявлялась в ограничении каждым человеком своих индивидуальных потребностей, что формировало в удмуртском обществе идеал «маленького», «усреднённого» человека. Этот человек постоянно стремился соотнести свои действия с мнением общества. По отношению к внешнему миру проявляются уже совершенно другие качества, что связано с охранительной функцией общины от внешнего влияния. Например, только убедившись в добрых чувствах прибывших к ним, удмурты оказывали гостеприимство. Удмурт в миру скрытен, подозрителен также и из-за незнания чужого языка и боязни обмана.

По мнению А.Н. Петрова, «длительное соприкосновение с более крупным этносом, колонизация края и насильственная христианизация населения привели к тому, что удмурты для самосохранения вынуждены были мимикрировать, стать незамет-

ными (“серой мышью”, как их называли русские), терпеливыми, даже привыкнуть к унижению в миру, если вообще это возможно, но сохранить свои лучшие качества – миролюбие, уживчивость, гостеприимство – в семье и общине» [18, с. 67]. В удмуртском языке даже есть фразеологизм *лушкем кей* (букв. «тихая/скрытная моль»), обозначающий скрытного, хитрого и замкнутого человека, но при этом всё-таки успешного. Так говорят о том, кто тих и смирён только с виду [9, с. 81]. Удмурт скрытный, замкнутый и самокритичный на людях, в действительности же он гордится древностью своей культуры и чистотой религиозных нравов и обычаев.

Т.Н. Русских считает, что удмуртский менталитет носит двойственный характер (удмурт может быть скромным, стеснительным, малоразговорчивым, с одной стороны, и общительным, шутником, балагуром – с другой), поскольку его коммуникативное поведение разворачивается в двух модальностях (поведение среди «чужих» и поведение среди «своих»). Для поведения в кругу знакомых людей, в привычной обстановке характерно обилие эмоциональных жестов, искренне выражающих настроение собеседников. «Что касается коммуникации с мало-знакомыми людьми в непривычной обстановке, она прямо противоположна первой ситуации. Тут использование жестов минимально, их искренность снижена до минимума. Удмурт словно надевает на себя маску, скрывающую истинное лицо, и собеседник до конца не может понять, воспринимают, одобряют его мнение или нет» [22, эл. ресурс].

Интересно, что у современных удмуртов (особенно сельских) сохраняется особое отношение к слову (доброе слово может окрылить, а злое – нанести ущерб, сглазить, нарушить все планы), повышенная чувствительность к чужому мнению, оценке со стороны других людей, которая становится основой формирования собственной самооценки, проявляющейся нередко в самокритике. Удмурты обычно не стремятся любым способом произвести впечатление на своего собеседника, не любят быть в центре внимания. Втянуть в спор удмурта не так легко, потому что по его представлениям лучше промолчать, нежели высказать своё противоречивое мнение, чтобы сохранить согласие. Ментальность удмуртского этноса прослежива-

ется также в наличии «закрытых» жестов (например, скрещённые руки, ноги и т.д.).

От природы миролюбивые и учтивые из-за негативного опыта связей с внешним миром удмурты стали недоверчивыми даже к очевидному, невосприимчивыми ко всему новому, что приносит время. Эти качества закрепились на ментальном уровне и привели к тому, что удмурты вообще с трудом могут переориентироваться в изменяющихся отношениях [18, с. 97]. Даже в настоящее время, несмотря на то, что этнические и профессиональные традиции Удмуртии достаточно открыты для исследователей с камерой и журналистов, «некоторые группы удмуртов продолжают соблюдать табу на съёмки фото- и кинокамерой отдельных семейно-родовых молений, культовых построек, домашних животных и грудных детей» [21, с. 71]. Желание закрыться от постороннего наблюдателя для удмурта оправдано, поскольку присутствие камеры нарушает семейность обряда, действие становится публичным, что противоречит этнической традиции.

Ментальные установки удмуртов можно выделить на основе изучения специфики функционирования семьи и общины. Почти все исследователи второй половины XIX в. отмечают у удмуртов наличие больших семей, где количество членов превышало 10-20 человек. Преимущества многолюдных семей при развивавшихся капиталистических отношениях были очевидны. На это обращали внимание «Вятские губернские ведомости» в 1892 г.: «Вотьяк прекрасно понимает, что дробление рабочей силы, раздел земельных наделов и инвентаря сильно ослабляют пружину хозяйственно-экономического механизма» [цит. по: 18, с. 69].

Немалое влияние оказывала политика насильственной христианизации и русификации удмуртских земель. Давление, оказываемое на родной язык, традиции и обряды, вызывало у удмуртов стремление сохранить целостность этнической жизни через большую семью и общину. Большая семья, наряду с общиной, выполняла функцию объединения близких родственников коллективов в материальной и духовной сфере, тем самым способствовала экономическому выживанию удмуртов, сохраняла традиционную культуру этноса. Однако, несмотря

на усиление позиций большой семьи, малая семья сосуществовала рядом с ней.

Крайняя привязанность к семье является одной из наиболее ярких черт удмурта. В.Н. Харузина пишет (1898): «В домашней жизни он (удмурт) кроток и тих; с женой живёт в согласии, во всех делах советуется с ней, с детьми ласков. Войдёшь, например, в зимний вечер в вотяцкую избу... – всё тихо, всё мирно; не слышно ни перебранок, ни даже громкого разговора» [цит. по: 18, с. 71]. Такие мирные отношения удмурты стремились распространить и в общественной жизни. Разделившиеся семьи сохраняли единство в хозяйственной и обрядовой сферах. При выделении семьи переносится и часть очага, находящегося в *куале* – семейном святилище удмурт. Таким образом из большой семьи в новую малую семью переносится частичка *воршуда* – родового божества счастья; кроме того, этот ритуал показывает стремление к сохранению единения родственников.

Семьи родственников оказывают друг другу экономическую помощь *веме* – при работах, требующих мобилизации большого количества работников в малый временной период (постройка дома или печи, молотьба хлеба и т. д.). Хозяином семьи (*кузё*) выбирался самый опытный член семьи, который должен был обладать оптимальным запасом знаний и умений по ведению хозяйства, пользоваться авторитетом в семье и общине. Им в большинстве случаев становился дед, отец или старший сын. В случае смерти мужа хозяином семьи по согласованию с общиной могла стать и женщина. Положение *кузё* в семье оказывается двойственной, а его власть ослабленной. С одной стороны, хозяину оказывается всяческое почтение и уважение, его боятся послушаться, но с другой – по любому важному вопросу он должен советоваться с членами семьи и всё делать с взаимного согласия. У удмуртов говорят: «Если хозяин хорош, то и семья хороша».

Статус женщины в удмуртской семье зависит от её места в системе производства и отношения родственников к хозяину семьи (невестка, сноха, жена *кузё*). Невесту выбирали родители – на 5-6 лет старше жениха, чтобы она к моменту выхода замуж была уже умелой хозяйкой. Со временем статус женщины в семье возрастает: она включается в хозяйственную жизнь и рабо-

ты в доме и по хозяйству лежали на плечах женщины, они становятся хранительницей домашнего очага, получая привилегии в семье. Все ухаживали за скотом (кроме лошади – за лошадьми, к которым относились с большим уважением, ухаживали мужчины), пряли, ткали, шили одежду, воспитывали детей, содержали огород. Удмуртские женщины славились непревзойдённым искусством узорного ткачества и тонким художественным вкусом. «Они хранили древние способы окраски пряжи, владели различной техникой ткачества – бранной, закладной, многоремизной. Ткали даже на 32 ремизках, а это высшая математика ткачества!» – справедливо замечает В.Е. Владыкин [4, с. 8].

Удмуртские пословицы гласят: «Жизнь с жены начинается», «Всё хозяйство на жене держится», «Жену бьёшь – сам себя бьёшь». Женщина в удмуртской семье – равноправный работник. Авторитет женщины в удмуртском обществе повышается с рождением ребёнка, так как дети считаются главной ценностью семьи [18, с. 77]. По представлениям удмуртов, хорошая жена – залог счастья и благополучия семьи. Жрецом выбирали только женатого мужчину, глава семьи не мог провести обряда жертвоприношения без своей жены. Женщина в общине часто становилась равноправной с мужчиной в празднично-обрядовой сфере жизни. Она распоряжалась кумышкой (удмуртский национальный алкогольный напиток домашнего производства, водка), которая имела особое значение в ритуальной жизни удмуртов и была обязательным атрибутом любого жертвоприношения или праздника, так как изготавливалась из хлеба – главной ценности удмуртской семьи. Однако в личных отношениях женщина оказывалась зависимой от мужа (только муж имел право на развод), была отстранена от участия в жизни общины и не допускалась на *кенеш* – общинные сходы.

Выбор супруги в удмуртской семье подчинён необходимости воспитания здоровых детей. Красивыми считаются полные дородные девушки с чистым лицом, способные к деторождению и физической работе. Иметь детей в удмуртской семье было престижно, поэтому рожали много, предпочтение мальчиков девочкам, как у русских, не встречалось. Детей-сирот часто и с радостью усыновляли. Качества, которые требовались от ре-

бёнка, – это трудолюбие и сноровка, поскольку он с детства втянут в хозяйственную жизнь семьи. Ласковое или грозное слово родителей служит главным инструментом воспитания. Представления о счастливой жизни детей связаны прежде всего с родительским домом, с отцом и матерью. Условия существования удмуртской семьи сформировали сдержанно-ласковое отношение родителей к детям. В удмуртской семье не принято говорить принародно о своих чувствах, любви.

Уместно сказать, что в настоящее время при организации учебно-воспитательной работы педагоги учитывают эмоционально-психологическое состояние удмуртских детей (они обычно тихие, стеснительные, пугливые, медлительные). Нередко уже в детском возрасте усиливаются негативные тенденции удмуртской ментальности: дети начинают бояться что-то сделать не так, замыкаются в своих микрогруппах, уходят в свой внутренний мир, у них не рождается желание быть лидерами. В этом кроется одна из причин того, что удмурты очень слабо представлены в системе органов власти и управления Удмуртской Республики [18, с. 5].

В 1990-х гг. проблема подготовки национальных кадров в Удмуртии была одной из самых обсуждаемых в прессе республики [см.: 20] и причислялась к ряду вопросов, которые удмуртский народ должен решать сам. Катастрофический дефицит национальных кадров испытывался во всех сферах народного хозяйства. «Пока нет ни одного директора, главного инженера крупного завода из лиц коренной национальности, хотя в других областях и республиках страны они работают таковыми и весьма успешно. В руководящих партийных и советских органах города Ижевска их единицы. <...> Главной причиной этого явления представляется то, что мал выбор, нет системы их воспитания» [там же, с. 15].

Крайняя зависимость удмуртской семьи от общинных отношений в хозяйственной и обрядовой жизни оказывала влияние на формирование этноменталитета удмурт. Внутри общины каждый человек должен был подчиняться традициям и установлениям сельского мира, которые полностью регулировали хозяйственно-экономическое состояние семьи, обеспечивали духовную защищённость перед силами природы [18, с. 95-96]. Все

необходимые институты регулирования жизнедеятельности находились под управлением общинных органов власти, главным из которых был сход домохозяев *кенеш*. Отдельный человек растворялся в обществе односельчан, терял своё лицо. В удмуртском языке до сих пор не выработано понятие «личность», а слова «адями» и «мурт» (человек) являются заимствованными. Главным принципом жизни человека в общине становились слова «Будь как люди/народ! Будь как все!» (*Йоскадь лу!*).

Чувствительность, ранимость, уязвимость становятся важными чертами менталитета удмуртов. Душевные переживания удмурт скрывает внутри себя, поскольку старается не переносить свои тревоги и обиды во внешний мир, на отношения с людьми, чтобы не нарушить согласие в обществе. В связи с этим фактом А.Н. Петров рассматривает вопрос о трагически большом количестве суицидов среди удмуртов: «Поэтому удмурт лучше покончит жизнь самоубийством, нежели выскажет свою злобу обидчику. Подобное отношение к миру, преломляясь через систему религиозных и мифологических представлений, вылилось в такое поверье удмуртов, по которому, если человек покончил жизнь самоубийством на дворе обидчика, то душа умершего затем мстит обидчику» [18, с. 103]. Это явление очень похоже на чувашский «типшар» – мщение обидчику (защита своего имени и чести) ценой своей жизни (суицид у ворот дома обидчика).

Удмурт, мучимый постоянной оценкой самого себя, стремится найти отклик в душах родственников, близких людей, чтобы на него обратили внимание, поняли его. В удмуртской семье, основная ценность которой согласие, так и происходит. В результате для удмуртов характерно за внешним покаянием, низкой внешней самооценкой, самоуничижением высокая внутренняя самооценка, доходящая до самолюбия. При условии гармоничности семейных отношений эти качества не имеют выхода во внешний мир [там же, с. 106].

Яркой иллюстрацией к этому положению является следующая цитата: «Видимо, у нас, финно-угорских народов, есть какая-то общая генетическая программа. Поражает эта удивительно уязвимая хрупкость души. Мы всегда ориентируемся на похвалу. В этом смысле мы художники. С.Л. Рубинштейн говорил:

"Художнику нужна похвала, похвала и еще раз похвала". В этом смысле мы действительно очень талантливые художники. Когда нас хвалят, мы становимся лучше. Если нас критикуют, мы становимся хуже. В душе происходит надлом, от которого очень больно. Китайцы говорят: критика подобна голубю, она возвращается обратно. Нас не надо критиковать – мы не "китайцы". Нас, вообще-то, как и других, лучше не надо критиковать, лучше хвалить. И мы обязательно станем лучше. Кто-то с критикой может как-то сосуществовать, кто-то может ужиться, удмурт – нет» [10, с. 92]. Описанное М.Г. Ивановой переживание преувеличенного чувства неполноценности вместе с ранимым самолюбием позволяет говорить о характерности для удмуртов типичного дефензивного (лат. «defenso» – оборонять) конфликта личности.

Этнорелигиозные представления удмуртов состоят из древнего языческого слоя и позднего синкретического наслоения, сформировавшегося в результате культурного взаимодействия с исламом и христианством. Удмурты, хотя официально и были православными, до начала XX в. в семейной и общинной жизни продолжали выполнять языческие обряды. Сохранение большой роли язычества среди удмуртов связано с насильственным характером политики христианизации инородцев. На неприятии христианства отражалась и семейно-общинная система регулирования отношений морального характера. Удмурты принятие православия осознавали как «переход в русские» [18, с. 108], но поскольку мировоззрение и поведение русских были чуждыми для традиционного удмуртского сознания, то стремились ограничить влияние культуры русских и их религии.

Этнорелигия (язычество) удмуртов характеризуется значительной сложностью и развитостью, поскольку регламентировала и обеспечивала функционирование системы «человек – общество – природа». Вся среда обитания человека заполнялась богами, одухотворялась. Количество богов, божеств, духов в удмуртском пантеоне доходит до 40. Большее значение, чем домашние божества, имели божества окружающего мира – *Нюлэсмурт* (леший), *Вумурт* (водяной), *Лудмурт* (полевик, луговик), *Толперу* (дух ветра). Помимо добрых духов, есть злые божества, названия которых заимствованы у тюркских

народов. Главный из них *Кереметь* (злой дух, сатана) – противник *Инмара*, главного доброго бога. Инмар (имя происходит от слов «небо» и «воздух») занимает первое место среди триады верховных удмуртских богов (Инмар – Кылдысин – Куазь).

Аналогично марийским и чувашским молитвам, в удмуртских молитвах-прошениях (*курись-кон*) наблюдается связь обращений к божествам с реальной жизнью, практической деятельностью. В.Е. Владыкин пишет: «Человек сознательно даже в мечтах был вынужден себя ограничивать. Свое видение идеального устройства мира создавал в воображении экономно и даже по-крестьянски скуповато, все только необходимое, строго функциональное: «бог – власть – природа – погода – хлеб – охота – удача – скот – достаток – семья – здоровье – счастье – добрая слава – боги» [3, с. 311].

П.М. Богаевский, например, отмечает, что вотяк никогда не благодарит, почти никогда не раскаивается в своих грехах, но все его мольбы сводятся к просьбе о даровании ему всевозможных благ [цит. по: 18, с. 66]. Понятие о материальном богатстве у удмуртов связывается с количеством скота и скирд хлеба в отличие от русских, у которых богатство определялось количеством денег [18, с. 50]. Хлеб обладает магическим свойством, он защищает от порчи, сглаза, злых духов. Удмурт не выходит из дому, не отведав хлеба. Хлеб боятся потерять, ибо тогда семья не будет иметь достатка. Любое действие человека оценивается, исходя из его умения производить хлеб.

Практически каждый член общины был вовлечён в ритуалы жертвоприношений и молений. Единение членов общины подчёркивалось через совместную трапезу при жертвоприношениях, употребление кумышки, игры и развлечения молодёжи. Процесс жертвоприношения имел, кроме ритуальной функции, ещё и функцию общения, коммуникации между семьями. Особенность функционирования удмуртской этнорелигиозной системы заключается в том, что наличие большого количества божеств и духов природы, прагматичные взаимоотношения с ними приводят удмуртского крестьянина в тревожное, духовно неустойчивое состояние вне семьи и общины, и лишь под покровительством воршуда (божества счастья семьи), в почитании

умерших предков и единстве с родственниками он находит психологическую защиту и обретает духовно-душевный комфорт [18, с. 118]. Этнорелигия, обряды и ритуалы, мировоззрение удмуртов и особенно – бесермян близки к чувашским. Это в немалой степени отражено в удмуртской литературе и в специальных очерках удмуртского поэта и исследователя В.М. Ванюшева [см.: 1].

Духовные идеалы и способы восприятия мира этноса наиболее ярко представлены в фольклоре. Важную роль в удмуртском фольклоре играют легенды о батырах и основателях поселений. В них прослеживаются некоторые особенности менталитета удмуртов. Например, в преданиях герои часто решают споры между собой мирно либо путём спортивных состязаний (пинают кочки, стреляют из лука), в военных же столкновениях герой-батыр, хотя и выделяется своими военными качествами, в большинстве случаев погибает в борьбе с силами внешнего мира. Батыры были не совместимы с земными, человеческими условиями существования народа. По взглядам удмуртов, человек не должен иметь выдающихся качеств, чтобы не нарушать согласия в отношениях с родственниками, он должен уметь идти на компромиссы, что не всегда было свойственно батырам. Сила удмуртского героя заключается в его духовном богатстве, а не боевых качествах [18, с. 119].

Духовное богатство удмуртского народа, душевные переживания удмуртов заключены в их песнях. Песни для удмурта, по словам выдающегося удмуртского поэта и прозаика, исследователя удмуртского фольклора и культуры Кузубая Герда, являются способом выражения душевного настроения [7, с. 132-133]. Через песню удмурт сливается с обществом, происходит процесс духовного единения людей:

*Давай будем петь вдвоём:
Созвучны ли будут наши слова?
Почему не будут созвучны наши слова? –
Ведь с тобой мы вместе выросли!*

По наблюдениям исследователей, удмуртские песни в большинстве грустны, печальны, минорны, в них находит своё выражение замкнутая тяжёлая жизнь крестьянина-земледельца,

и именно через песни люди духовно объединялись и находили в них успокоение [там же, с. 147]:

Эти скучные песни

Кто может понять?

Кроме чёрного леса, кроме полей,

Неужели люди поймут?

Эти горюющие сердца

Кто может успокоить?

Кроме песен, кроме вина,

Неужели люди могут успокоить?

В XX в. «в ходе интеграции культур замкнутость удмуртской семьи и общины начинает преодолеваться, – заключает А.Н. Петров. – В связи с этим направленность удмуртской ментальности на гармонию отношений распространяется и на мир, расположенный вне семейно-родственных связей. Рефлексия тоже переносится на область отношений с внешним миром и становится своеобразной психологической защитой индивида, недоверие и скрытность в какой-то мере переориентируются на личное переживание человеком связей с внешним миром. Человек, ещё тесно связанный с семейно-родственными отношениями, основанными на гармонии, через рефлекссию примеривается к окружающей действительности. Ему важно оценить, как его принимают и оценивают, чтобы осмыслить свою целостность с миром» [18, с. 131].

В ментальности современных удмуртов происходит сочетание двух направленностей: с одной стороны, стремление к гармонии и согласию с миром и обществом, ведущее к зависимости от своего этносоциального окружения; с другой – желание осмыслить своё положение, свои действия в системе межличностных отношений, что постоянно возвращает человека в область внутренних переживаний и самооценок. Душа удмурта становится ареной непрекращающейся борьбы, сомнений, конфликтов со своим Я, что нередко приводит к трагическим деформациям личности. «В современных кризисных условиях это проявляется в таких негативных явлениях, как алкоголизм, суицид, к сожалению, весьма характерных для всего удмуртского этноса. В то же время современная Удмуртия считается одним из самых уравновешенных и спокойных в системе межэтнических отношений регионов России» [там же, с. 132].

В статье В.Ю. Хотинец **«Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов»** [24, с. 100-101] приведены результаты многочисленных комплексных кросскультурных исследований, которые показывают насколько традиционная ментальность проявляется в поведении современных удмуртов. Общий стиль поведения удмуртов характеризует их как конформных (68% выраженности качества), ответственных (65%), покорных (58%). В работе они трудолюбивы (67%), исполнительны (64%), осторожны (62%), отличаются высокой способностью к самоконтролю, высокой нормативностью поведения (умеренные – 69%, сдержанные – 67%, терпеливые – 66%, серьезные – 64%, скромные – 57%) [24, с. 106].

Можно заметить, что для представителей удмуртского народа характерны устойчивые этнотипические психологические особенности с коллективистской направленностью, адаптивностью проявлений межличностного взаимодействия. Активные психологические качества, востребованные современным обществом, у удмуртов по сравнению с русскими выражены в меньшей степени. Сравнивая культурные ценности удмуртов и русских, В.Ю. Хотинец указывает, что для удмуртов характерно приспособление себя к чувствам окружающих, интуитивное понимание ситуации, отсутствие навязывания собственной точки зрения; важным является эмоционально-оценочное отношение к субъектам коммуникации. Для русских, ориентированных на активное взаимодействие со средой, важны убеждение собеседника в необходимости коммуникации, осмысление и переосмысление информации, более актуальными становятся рациональность и рассудочность в коммуникативном процессе для достижения поставленных целей. В межличностном взаимодействии удмурты стремятся учитывать потребности других для достижения групповой гармонии, русские же склонны отстаивать свои позиции и собственное мнение.

«Словно маленькие дети удмурты предпочитают не смотреть в глаза собеседника, ожидающего однозначного ответа на свой вопрос, игнорируют “неудобные” вопросы, ссылаясь на то, что просто не поняли или не услышали и т. д. Особо подчеркнём, что это ни в коем случае не говорит о том, что удмурты

слабохарактерный народ, не имеющий своего мнения. Это их реакция на ускоренный ритм, который насаждался на протяжении всего исторического пути развития этноса.

Удмурты испытали притеснения со стороны татар, русские насаждали в их среду свою веру, порядки, культуру, язык и т.д. Им не давали быть собой. Однако этнос не потерял своё лицо, и сегодня, как и все народы России, учится жить в стремительно изменяющемся мире, адаптируется к изменениям социальной среды, не изменяя своей самобытности. Его постепенность, традиционализм, консерватизм, определённый конформизм, нежелание рисковать, осторожное отношение к непроверенным новшествам как этноса преимущественно «аграрного» не есть только недостаток, за этими чертами скрываются их основательность, природная терпеливость и терпимость» [22, эл. ресурс].

Современная глобализация безжалостно стирает отличительные черты культуры и быта малочисленных народов, губит их родные языки. Это неизбежная плата за технические новшества и комфортные условия жизни. «И всё же удмурты стоят на земле, крепко пустив корни. Есть ещё немало мест, где живут обычаи предков, где искренне верят в силу древних богов и чтят легенду о “Быдзым Крезь” – Великих Гусях, где без труда распознают в шорохе ветра “Инву Утчан Гур” – Мелодию Небесной Росы...» [4, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванюшев В.М. Нити времён: очерки о родном крае. – Ижевск: Удмуртия, 1973.
2. Вельм И.М. Этнический менталитет: истоки и сущность (на примере удмуртского этноса): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2004 // Nauka-shop.com: интернет-сайт. – URL: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/54502/> (дата доступа: 22.07.2014).
3. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994.
4. Владыкин В.Е. Мелодия Небесной Росы // Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия. – М.: Памятники отечества, 1995. – С. 4-9.

5. Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1991.
6. Воронцов В.С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным этносоциологических опросов): дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2003 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskoe-samosoznanie-uchashcheysya-molodezhi-udmurtii-po-dannym-etnosotsiologi-cheskikh-0#ixzz3ALYve8BU> (дата доступа: 22.07.2014).
7. Герд К.П. Удмурт в своих песнях // О ней я песнь пою... / сост. Ф.К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 126-163.
8. Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX-XIX вв. – Ижевск: Удмуртия, 1994.
9. Душенкова Т.Р. Лушкем кей, или скрытность в удмуртском характере // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8-9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 80-84.
10. Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. – Ижевск, 1994.
11. История удмуртской литературы и культуры: программа для гуманитарных факультетов университета / сост. А.С. Измайлова-Зуева. – Ижевск: Удмуртский университет, 2000.
12. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Издат. центр «Академия», 2002.
13. Матвеев Г.Б. Удмурты // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Т. 4: Си-Я. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – С. 299.
14. Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). – М.: Диалог культур, 2006.
15. Назмутдинова И.К. Пол и гендер в удмуртской семье: этикет и этика // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8-9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 209-215.
16. Никольский Н.В. Вотяки-удмурты // Собр. соч.: в 4 т. – Т. IV. Этнографические альбомы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 173-198.
17. Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия. – М.: Памятники отечества, 1995.
18. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. – Ижевск: Удмуртия, 2002 // Национальная электронная библиотека Удмуртской Республики. – URL: <http://elibrary.unatlib.org.ru/>

pdfpreview/bitstream/handle/123456789/5563/udm_book_0581.pdf?sequence=1 (дата доступа: 20.06.2014).

19. Поздеев И.Л. Проблемы этнической социализации (на примере удмуртского этноса): дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2005 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/problemy-etnicheskoj-sotsializatsii-na-primere-udmurtsko-go-etnosa#ixzz3ALX3eb8N> (дата доступа: 22.07.2014).

20. Понимать друг друга: о проблемах межнациональных отношений в Удмуртской АССР / сост. К.А. Пономарев, Т.С. Томшич. – Ижевск: Удмуртия, 1990.

21. Попова Е.В. Этническая традиция на экране: диалог культур или культура диалога // Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности народов Поволжья: тезисы докладов науч.-практ. конф. (г. Самара, 17-18 октября 2002 г.) / отв. ред. Р.М. Фокина. – Самара: Изд-во СГПУ, 2002. – С. 69-72.

22. Русских Т.Н. Виды коммуникаций в поведенческих практиках современных удмуртов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2012 // Бесплатная библиотека Netess: авторефераты кандидатских, докторских диссертаций. – URL: <http://netess.ru/3istoriya/24826-1-vidi-kommunikaciy-poveden-cheskih-praktikah-sovre-mennih-udmurtoy.php> (дата доступа: 22.07.2014).

23. Смирнов И.Н. Вотяки // ИОАИЭ. – Т. VIII. – Вып. 2. – Казань, 1890.

24. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социс. – 2011. – № 2. – С. 99-108.

Глава 7

ЭТНОМЕНТАЛИТЕТ МАРИЙЦЕВ*

Марийцы (самоназвание – «мари, марий»); устаревшее русское название «черемисы» от чувашского слова «сармӑс» – «воинственный») – финно-угорский народ волжско-финской подгруппы, численность которого в Российской Федерации составляет 547,6 тыс. чел., в Республике Марий Эл – 290,8 тыс. чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Более половины марийцев проживает вне территории Марий Эл. Компактно расселены в Башкортостане, Кировской, Свердловской и Нижегородской областях, Татарстане, Удмуртии и других регионах.

Марийцы делятся на три основные субэтнические группы: горные марийцы населяют Правобережье Волги, луговые марийцы – Ветлужско-Вятское междуречье, восточные марийцы живут в основном на территории Башкортостана.

Марийские языки (лугово-восточный и горномарийский литературные языки) относятся к волжской группе финно-угорских языков.

Верующие марийцы – православные и приверженцы этнорелигии («марийской веры»), которая является сочетанием политеизма и монотеизма. Восточные марийцы в основном придерживаются традиционных верований и проводят ежегодные общенациональные моления.

Марийцы – немногочисленный лесной народ Поволжья, сумевший сохранить до наших дней уникальность своей этнорелигии и этнокультуры. Древний марийский этнос сформировался в I тыс. н.э. в Волго-Вятском междуречье из финно-угорских племён. В становлении и развитии этого народа большое значение

* Статья размещена на сайте «Электронная база данных "Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур"» по адресу: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina2/

имели тесные этнокультурные связи с волжскими булгарами, затем чувашами и татарами. После вхождения в состав Русского государства (1551–1552) интенсивными стали также связи с русскими. Анонимный автор «Сказания о царстве Казанском» времён Ивана Грозного, известный под именем Казанского летописца, называет марийцев «землепашцами-трудниками», т.е. любящими труд [6, с. 8].

Этноним «черемис» представляет собой сложный, многозначный социокультурный и историко-психологический феномен. Мари сами себя никогда не называют «черемисами» и считают, по мнению некоторых ученых, такое обращение оскорбительным [33, эл. ресурс]. Тем не менее это название стало одним из компонентов их самосознания. В исторической литературе мари впервые упоминаются в 961 г. в письме хазарского кагана Иосифа под именем «цармис» в числе народов, плативших ему дань. В языках соседних народов на сегодняшний день сохранились созвучные названия: чувашском – сярмыс, татарском – чирмыш, русском – черемис. О черемисах писал Нестор в «Повести временных лет».

В лингвистической литературе нет единой точки зрения по поводу происхождения этого этнонима. Среди переводов слова «черемис» финно-угорскими авторами, обнаруживающими в нем уральские корни, наиболее распространенными являются: а) «человек из племени чере (чар, сар)»; б) «воинственный, лесной человек» [там же]. В переводе с чувашского слово «=армёс» означает «воинственный», «военный» («=ар» – армия), носит однозначно положительный, уважительный оттенок, что также закреплено в немалочисленных примерах чувашского фольклора (Атёл урлё леш енге +армёс =\рет =арпала?? – На той стороне Волги Сярмыс ходит в армии...)

Марийцы, действительно, воинственный, непокорный лесной народ. Леса и сейчас занимают половину площади Марийского края. Лес всегда кормил, оберегал, прикрывал и занимал особое место в материальной и духовной культуре марийцев. Вместе с реальными и мифическими обитателями дремучий лес был глубоко почитаем марийцами. Лес считался мощным живым организмом, символом благополучия людей – он защищал от лютых врагов и природных стихий. Именно эта осо-

бенность природной среды оказала воздействие на уклад жизни, духовную культуру и психический склад марийского этноса. С.А. Нурминский ещё в XIX в. отметил: «Лес – волшебный мир черемисина, около леса вертится всё его мировоззрение» [цит. по: 32, с. 257]. «Марийцев издревле окружал лес, и в своей практической деятельности они были тесно связаны с лесом, его обитателями. <...> В древности из растительного мира у марийцев особым уважением и почитанием пользовались дуб и берёза. Подобное отношение к деревьям известно не только марийцам, но и многим финно-угорским народам» [26, с. 35-36].

Проживающие в Волжско-Ветлужско-Вятском междуречье, Прикамье и Приуралье марийцы по своей национальной психологии и культуре во многом похожи на чувашей. Многочисленные культурно-бытовые аналогии с чувашами проявляются почти во всех сферах материальной и духовной культуры, что подтверждает не только культурно-хозяйственные, но и давние этнические связи двух народов; в первую очередь это относится к горным марийцам и южным группам луговых [цит. по: 27, с. 145]. В многонациональном коллективе своим поведением марийцы почти ничем не отличаются от чувашей и русских; возможно, чуть более сдержанны. В.Г. Крысько отмечает, что они помимо того, что трудолюбивы, ещё расчётливы и экономны, а также дисциплинированы и исполнительны [15, с. 155]. «Антропологический тип черемисина: чёрные глянцевитые волосы, желтоватая кожа, чёрные, в отдельных случаях, миндалевидные, косо поставленные глаза; вдавленный посередине нос» [22, с. 103].

История марийского народа уходит корнями в глубину веков, полна сложных перипетий и трагических моментов [см: 25, с. 5-6]. Начнём с того, что согласно своим религиозно-мифологическим представлениям древние марийцы неплотно селились по берегам рек и озер, вследствие чего связи между отдельными племенами почти отсутствовали. В результате этого единая древнемарийская народность разделилась на две группы – горных и луговых марийцев с отличительными чертами в языке, культуре, быте, сохранившимися до наших дней. Марийцы считались хорошими охотниками и рыбаками, от-

личными стрелками из лука. Они поддерживали оживленные торговые связи со своими соседями – булгарами, суварями, славянами, мордвой, удмуртами. С нашествием монголо-татар и образованием Золотой Орды марийцы вместе с другими народами Среднего Поволжья попали под иго золотоордынских ханов. Платили дань куницами, мёдом и деньгами, а также несли военную службу в войске хана.

С распадом Золотой Орды приволжские марийцы попали в зависимость к Казанскому ханству, а северо-западные, поветлужские, – вошли в состав северо-восточных русских княжеств. В середине XVI в. марийцы выступили как против татар, так и против отрядов Ивана Грозного, а с падением Казани их земли вошли в состав Русского государства. Присоединение своего края к Руси марийский народ со временем оценил как величайшее историческое событие, открывшее ему пути для политического, экономического и культурного прогресса.

В XVIII в. на основе русского алфавита была создана марийская азбука, появились письменные произведения на марийском языке. В 1775 г. в Петербурге вышла первая «Марийская грамматика». Однако с развитием капиталистических отношений в Российской империи усилился национальный гнёт, положение «инородцев», в том числе мари, ухудшилось. Многие марийские семьи в эти годы покинули родные края, переселились на Урал и в башкирские степи.

Протест против царского самодержавия часто переходил в открытую борьбу. Марийский народ активно принимал участие в крестьянских войнах под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева, из-за чего марийцам в целях предотвращения антигосударственных выступлений официально было запрещено заниматься кузнечным делом, их вытеснили с берегов таких крупных рек, как Волга, Вятка, Ветлуга, им не разрешали жить в городах. «Постоянные бунты черемис повели к тому, – отмечается в одном из дореволюционных изданий, – что они могли являться в казанские города в небольшом числе, без оружия, мешкать или ночевать в городе, заводить отношения с русскими, пить, есть с ними запрещалось» [31, с. 25].

В произведениях русских буржуазных и монархических авторов существовала традиция изображать марийский народ рабски покорным, лишённым самостоятельных творческих сил. Например, некий А.А. Потехин в конце XIX в. писал: «Вообще, из всего видно, что черемисы народ вялый, тихий и покорный; одним словом, созданный чтобы жить и умереть охотником и землепашцем и не призванный к никакой иной более широкой деятельности...» [24, с. 151-173]. Собираатель песен ветлужских мари Петр Зорин пришел к выводу, что тихая грусть, которой проникнуты мотивы всех марийских песен, есть грусть народа исчезающего, народа, история которого близится к своей последней границе [4, с. 6].

Рассказ «Живой камень» Н.Д. Телешева утверждал жизненную несостоятельность подобных клеветнических высказываний и раскрывал характернейшие черты марийского народа: свободолюбие, приверженность к социальной независимости и справедливости [6, с. 38]. Достоверное этнографическое описание быта и обычаев народа мари дал А.И. Герцен в статье «Вотяки и черемисы» (*Вятские губернские ведомости. 1838*): «Нрав черемис уже отличен от нрава вотяков, что они не имеют их робости, — отмечает писатель, — напротив, в них есть что-то упорное... Черемисы гораздо более вотяков привязаны к своим обычаям...»; «Одежда довольно похожа на вотскую, но гораздо красивее... Зимою женщины носят сверх рубахи еще верхнее платье, также все вышитое шелками, особенно красив их головной убор конической формы — шиконаючь. К своему поясу привешивают множество кисточек» [цит. по: 6, с. 27].

Казанский доктор медицины М.Ф. Кандаратский в конце XIX в. написал широко известную марийской общественности работу под названием «Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии», в которой на основе конкретного изучения условий жизни и состояния здоровья марийцев нарисовал печальную картину прошлого, настоящего и ещё более печальное будущее марийского народа. Речь в книге шла о физическом вырождении народа в условиях царской России, о его духовной деградации, связанной с крайне низким материальным уровнем жизни. Правда, свои выводы в отношении всего народа автор сделал на основе обследования лишь части мари,

проживающих в основном в южных регионах, расположенных ближе к Казани. И, конечно, нельзя согласиться с его оценками интеллектуальных способностей, психического склада народа, сделанными с позиций представителя высшего общества [30, с. 25-26]. Взгляды Кандаратского на язык и культуру мари – взгляды человека, лишь наездами бывавшего в марийских деревнях. Но он с душевной болью обращал внимание общественности на бедственное положение людей, находившихся на грани трагедии, и предлагал свои пути спасения народа. Он полагал, что только переселение на плодородные земли и русификация могут дать «спасение для этого симпатичного, по его смирению, племени» [13, с. 1].

Социалистическая революция 1917 г. принесла марийскому народу, как и всем другим инородцам Российской империи, свободу и самостоятельность. В 1920 г. был принят декрет об образовании Марийской автономной области, которая в 1936 г. преобразована в автономную советскую социалистическую республику в составе РСФСР.

В стихотворении «Салам, Москва» талантливый молодой поэт Михаил Якимов [17, с. 134] пишет:

*Здравствуй, Пушкин! Поэту сердечный салам
От марийского парня из глухой лесосеки!
Я пришёл той тропой, о которой ты сам
Говорил, что она не заглохнет вовеки!*

В этих смелых и гордых словах – судьба не только «марийского парня из глухой лесосеки» и многих марийских писателей, но судьба всего марийского народа. В советское время стало возможным возрождение тех этноментальных качеств, которые были присущи мужественным и свободолюбивым марийцам до присоединения к Русскому государству. Марийцы всегда считали за честь быть воинами, защитниками своей страны [7, с. 35]. Описывая картину А.С. Пушкина «Марийские послы у Ивана Грозного» (1957), Г.И. Прокушев обращает внимание именно на эти национальные особенности характера марийского посла Тукая – мужество и волю к свободе, а также «Тукай наделён решительностью, умом, выдержкой» [25, с. 19].

В известной горномарийской песне о необходимости дружбы мари с Русью, приписываемой легендарному марийскому богатырю Акпарсу, записанной в 1935 г. марийским писателем и композитором К. Беляевым, имеются слова, представляющие собой образец высокой самооценки народа:

*Мой народ мари –
Крепок головой и смел умом,
Мой народ мари –
Широк плечом и мозуч силой,
Мой дом родной –
Стоит окном на север,
Возвращусь я обратно –
Поставлю его окном на юг,
Пускай видит мой народ,
Как сияет ему солнце;
Пускай светит ему*

Счастье, словно солнце светлое [цит. по: 7, с. 23].

Художественная одаренность марийского народа нашла выражение в фольклоре, песнях и танцах, в прикладном искусстве. Любовь к музыке, интерес к старинным музыкальным инструментам (пузырям, барабанам, флейтам, гуслиям) сохранились до наших дней. Резьба по дереву (резные наличники, карнизы, предметы домашнего обихода), росписи саней, прялок, сундуков, ковшей, предметы из лыка и бересты, из ивовых прутьев, наборная сбруя, цветная глиняная и деревянная игрушка, шитьё бисером и монетами, вышивка свидетельствуют о фантазии, наблюдательности, тонком вкусе народа. Первое место среди ремёсел, конечно же, занимала обработка дерева, которое являлось для марийца самым доступным материалом и требовало преимущественно ручной работы. О распространённости этого вида промысла свидетельствует тот факт, что в Козьмодемьянском районном этнографическом музее под открытым небом представлено более 1,5 тысячи наименований экспонатов, изготовленных вручную из дерева [30, с. 72].

Особое место в марийском художественном творчестве занимала вышивка (*тур*) – подлинное искусство марийских мастериц. «В ней в единый неповторимый ансамбль, создавая истинное чудо, сливались гармония композиции, поэзия узоров, музыка красок, полифония тонов и нежность пальцев, порхание души, зыбкость надежд, стеснительность чувств,

трепетность мечты маришки» [там же, с. 72]. В старинных вышивках применялся геометрический орнамент из ромбов и розеток, орнамент из сложных переплетений растительных элементов, в который включались фигурки птиц и животных. Предпочтение отдавалось звучной цветовой гамме: красный цвет брался для фона (в традиционном представлении маришцев красный цвет символически связывался с жизнеутверждающими мотивами и ассоциировался с цветом солнца, дающего жизнь всему живому на земле), чёрный или тёмно-синий – для обведения контуров, тёмно-зелёный и жёлтый – для расцветки узора.

Узоры национальной вышивки представляли мифологические и космогонические представления маришцев. Они служили оберегами или ритуальными символами. «Вышитые рубашки обладали магическими силами. Искусству вышивания маришские женщины старались как можно раньше обучить своих дочерей. Девушки до замужества должны были готовить приданое и подарки для родственников жениха. Невладение искусством вышивания осуждалось и считалось самым большим недостатком девушки» [32, с. 235].

Несмотря на то, что народ мари не имел своей письменности до конца XVIII в. (нет ни анналов, ни летописей его многовековой истории), народная память сохранила архаическое мировоззрение, мироощущение этого древнейшего народа в мифах, легендах, сказаниях, насыщенных символами и образами, шаманством, методами традиционного целительства, в глубоком почитании священных мест и молитвенного слова. Культура народа мари родилась из культа, истоки ее сакральны, и в органический свой период она была связана с религиозной жизнью. В традиционной культуре мари символически выражена высота его духовной жизни, культовые знаки бытия. Магия понималась как психологическая защита от опасности, как постижение внутренних законов мира и человека, а миф придавал исторический авторитет системе управления и ценностям.

В попытке выявить основы маришского этноменталитета С.С. Новиков (председатель правления Маришского общественного движения Республики Башкортостан) делает любо-

пытные замечания: «Чем же отличался древний мариец от представителей других народов? Он чувствовал себя частью Космоса (Бога, Природы). Под Богом он понимал весь окружающий Мир. Он считал, что Космос (Бог) является живым организмом, а такие части Космоса (Бога), как растения, горы, реки, воздух, лес, огонь, вода и т.д., – имеющими душу. <...> Мариец не мог взять дрова, ягоды, рыбу, зверя и т. д., не попросив разрешения у Светлого Великого Бога и не извинившись перед деревом, ягодами, рыбой и т. п. Мариец, являясь частью единого организма, не мог жить в отрыве от других частей этого организма. По этой причине он почти искусственно поддерживал низкую плотность населения, не брал лишнего от Природы (Космоса, Бога), был скромным, застенчивым, лишь в исключительных случаях прибегающим к помощи других людей, а также он не знал воровства» [23, эл. ресурс].

«Обожествление» частей Космоса (элементов окружающей среды), уважение к ним, в том числе к другим людям, делали ненужными такие институты власти, как милиция, прокуратура, адвокатура, армия, а также класс бюрократии. «Марийцы были скромными, тихими, честными, легковверными и исполнительными, вели многоотраслевое натуральное хозяйство, поэтому аппарат управления и подавления был излишним» [там же]. По мнению С.С. Новикова, если исчезнут фундаментальные черты марийской нации, а именно способность постоянно думать, говорить и действовать в унисон с Космосом (Богом), в том числе с Природой, ограничивать свои потребности, быть скромным, уважать окружающее, отталкиваться друг от друга с целью снижения гнета (давления) на Природу, то вместе с ними может исчезнуть и сама нация.

В дореволюционное время языческие верования марийцев не просто имели религиозный характер, но и становились стержнем национального самосознания, обеспечивая самосохранение этнической общности, поэтому искоренить их не представлялось возможным. Хотя большинство марийцев формально было обращено в христианство в ходе миссионерской кампании в середине XVIII в., некоторым удалось избежать крещения, подавшись в бега на восток через Каму, поближе к степи, где влияние Русского государства было менее

сильным. Именно здесь сохранялись анклавы марийской этно-религии. Язычество у марийского народа просуществовало до настоящего времени в скрытой или открытой форме. Открыто языческое вероисповедание практиковалось в основном в местах компактного проживания марийцев. Последние исследования К.Г. Юлдарова показывают, что и «повсеместно крещенные горные марийцы также сохранили свои дохристианские культовые места (священные деревья, священные родники и т. д.)» [цит. по: 32, с. 52].

Приверженность марийцев к своей традиционной вере – уникальное явление современности. Марийцев даже называют «последними язычниками Европы» [2, эл. ресурс]. Важнейшей чертой ментальности марийцев (приверженцев традиционных верований) является анимизм. В мировоззрении марийцев имелось понятие о верховном божестве (*Кугу юмо*), но при этом они поклонялись разнообразным духам, каждый из которых покровительствовал определённой стороне человеческой жизни. В религиозном менталитете марийцев важнейшими среди этих духов считались керемети, которым они приносили жертвы в священных рощах (*кусото*), расположенных рядом с деревней [10, с. 111].

Конкретные религиозные обряды на всеобщих марийских молениях совершает старейшина (*карт*), наделенный мудростью и опытом. Карты избираются всей общиной, за определенные сборы с населения (скот, хлеб, мед, пиво, деньги и т.д.) они проводят специальные церемонии в священных рощах, расположенных возле каждой деревни. Иногда в эти ритуалы были вовлечены многие жители деревни, нередко совершались частные пожертвования, как правило, с участием одного человека или семьи [10, с. 112]. Всенародные «моления миром» (*туня кумалтыш*) проводились редко, в случае начала войны или природного бедствия. Во время таких молений могли решаться важные политические вопросы. «Моление миром», собиравшее всех картов-жрецов и десятки тысяч паломников, проводилось и ныне проводится на могиле легендарного князя Чумбылата – героя, почитаемого как защитника народа. Считается, что регулярное проведение мировых молений служит гарантией благополучной жизни народа [32, с. 231].

Осуществить реконструкцию мифологической картины мира древнего населения Марий Эл позволяет анализ археологических и этнографических культовых памятников с привлечением исторических и фольклорных источников. На предметах археологических памятников марийского края и в марийской обрядовой вышивке образы-изображения медведя, утки, лося (оленя) и коня составляют сложные по композиции сюжеты, передающие мировоззренческие модели, понимание и представление о природе и мире народа мари. В фольклоре финно-угров также четко фиксируются зооморфные образы, с которыми связывается происхождение вселенной, Земли и жизни на ней. «Появившись в глубокой древности, в эпоху камня, у племен, вероятно, еще неразделенной финно-угорской общности эти образы просуществовали до настоящего времени и закрепились в марийской обрядовой вышивке, а также сохранились в финно-угорской мифологии» [3, с. 89-91].

Главной отличительной чертой менталитета анимистов, по мнению П. Верта, является толерантность, проявлявшаяся в терпимости к представителям иных конфессий, и приверженность своей вере. Марийские крестьяне признавали равенство религий. В качестве аргумента ими приводился следующий довод: «В лесу есть белые берёзы, высокие сосны и ели, есть тоже и малая мозжуха. Бог всех их терпит и не велит мозжухе быть сосной. Так вот и мы меж собой, как лес. Мы останемся мозжухой» [цит. по: 7, с. 50]. Марийцы считали, что их благополучие и даже их жизнь зависели от искренности ритуала. Марийцы считали себя «чистыми марийцами», даже если принимали православие во избежание неприятностей с властями [10, с. 113]. Для них обращение (отступничество) происходило тогда, когда человек не совершал «родных» ритуалов и, следовательно, отвергал свою общину.

Этнорелигия («язычество»), поддерживающее этническое самосознание, в определённой степени повышало сопротивляемость марийцев ассимиляции с другими народами. Данная черта заметно выделяла марийцев среди других финно-угорских народов. «Марийцы среди других родственных финно-угорских народов, живущих в нашей стране, в гораздо большей мере сохраняют свой национальный облик. Марийцы

в большей мере, чем другие народы, сохранили языческую, национальную в своей основе религию. Оседлый образ жизни (63,4% мари в республике являются сельскими жителями) дал возможность сберечь основные национальные традиции, обычаи. Всё это позволило марийскому народу стать сегодня своеобразным притягательным центром финно-угорских народов. Столица республики стала центром Международного фонда развития культуры финно-угорских народов» [30, с. 22].

Ядром этнической культуры и этнического менталитета, бесспорно, является родной язык, но у марийцев, по сути, нет марийского языка. Марийский язык – это только абстрактное название, потому что есть два равноправных марийских языка. Языковая система в Марий Эл такова, что русский язык является федеральным официальным языком, горномарийский и лугово-восточный являются региональными (или местными) официальными языками. Речь идёт о функционировании именно двух марийских литературных языков, а не об одном марийском литературном языке (лугомарийском) и его диалекте (горномарийском). Несмотря на то, что «иногда в средствах массовой информации, а также в устах отдельных индивидуумов встречаются требования непризнания автономности одного из языков или предопределения одного из языка как диалекта» [11, с. 37], «простой народ, говорящий, пишущий и обучающийся на двух литературных языках, лугомарийском и горномарийском, воспринимает это (существование двух марийских языков) как естественное состояние; поистине народ мудрее своих учёных» [5, с. 29-30].

Существование двух марийских языков – фактор, делающий марийский народ особенно привлекательным для исследователей его менталитета. Народ мари один и един и у него единый этноменталитет – независимо от того, на одном или двух близкородственных языках говорят его представители. Близкая по этногенезу к мари мордва, к примеру, также говорит на двух языках – мокшанском и эрзянском, но этот фактор стал препятствием на пути к слиянию эрзя и мокши в единую мордовскую нацию).

Устное народное творчество марийцев богато по содержанию и разнообразно по видам и жанрам. В легендах и предани-

ях нашли отражение различные моменты этнической истории, особенности этноменталитета, воспеваются образы народных героев и богатырей. Марийские сказки в аллегорической форме повествуют о социальной жизни народа, восхваляют трудолюбие, честность и скромность, высмеивают лень, бахвальство и жадность [27, с. 163]. Устное народное творчество воспринималось марийским народом как завет одного поколения другому, в нём он видел историю, летопись народной жизни. В одной из марийских народных песен говорится [цит. по: 6, с. 55]:

*Если спую,
То песня останется,
Если пройду по земле,
То след мой останется.
С песней живите, –
Песня моя остаётся!
Следом идите, –
Мой след остаётся!*

(Перевод С. Поделкова)

Главными действующими лицами почти всех наиболее древних марийских легенд, преданий и сказок являются девушки и женщины, смелые воительницы и умелые мастерицы. Среди марийских божеств большое место занимают богини-матери, покровительницы определённых природных стихийных сил: Мать-земля (*Мланде-ава*), Мать-солнце (*Кече-ава*), Мать-ветров (*Мардеж-ава*). Для обозначения старших братьев, дядей и тёток по материнской линии у марийцев существует особая терминология (*чучу, чучуньо*) [7, с. 10]. В марийских пословицах, в которых подчеркивается огромная роль матери в жизни ребенка, используются образы неба и солнца. Сравнение матери с небом и солнцем можно объяснить тем, что «в устной народной поэзии кава «небо» (солнце, луна, звезды, небосвод) рисуется как сила, дающая изначальную жизнь человеку» [цит. по: 34, с. 651].

Марийский народ по своему складу души – поэт, любит песни и сказания [6, с. 63]. Песни (*муро*) являются самым распространённым и самобытным видом марийского фольклора. Выделяются трудовые, бытовые, гостевые, свадебные, сиротские, рекрутские, поминальные, песни, песни-раздумья. Основной марийской музыки является пентатоника. К строю народ-

ной песни приспособлены и музыкальные инструменты. По мнению этномузыковеда О.М. Герасимова, пузырь (*шувыр*) – один из древнейших музыкальных инструментов мари, заслуживающий самого пристального к нему внимания не только как оригинальный, реликтовый инструмент мари. Шувыр – это эстетическое лицо древнего мари. Ни один инструмент не мог соперничать с шувыром по разнообразию исполняемой на нем музыки – это звукоподражательные напевы, посвященные большей частью образам птиц (кудахтанию курицы, пению надречного кулика, воркованию дикого голубя), изобразительные (например, мелодия, имитирующая скачку на коне – то легкий бег, то галоп и др.) [8, с. 17].

Семейно-бытовой уклад, обычаи и традиции марийцев регулировались их древней религией. Марийские семьи были многоуровневыми и многодетными. Характерны патриархальные традиции с главенством старшего мужчины, подчинение жены мужу, младших – старшим, детей – родителям. Исследователь правового быта марийцев Т.Е. Евсевьев отмечал, что «согласно нормам обычного права марийского народа, все договоры от лица семьи также заключал домохозяин. Члены семьи не могли продавать дворовое имущество без его согласия, кроме яиц, молока, ягод и рукоделий» [цит. по: 9, с. 132].

Значительная роль в большой семье принадлежала старшей женщине, в ведении которой находились организация домашнего хозяйства, распределение работ между снохами и дочерьми. В случае смерти мужа положение её возрастало и она выполняла функции главы семьи [27, с. 160]. Со стороны родителей отсутствовала чрезмерная опека, дети помогали друг другу и взрослым, они с малых лет готовили пищу и строили игрушки. Редко использовались лекарства. Естественный отбор помогал выживать особенно активным детям, стремящимся приблизиться к Космосу (Богу). В семье сохранялось уважение к старшим. В процессе воспитания детей не было споров между старшими [см.: 23, эл. ресурс]. Марийцы мечтали создать идеальную семью, потому что человек становится сильным и крепким через родство: «Пусть в семье будет девять сыновей и семь дочерей. С девятью сыновьями взяв девять снох, семь дочерей выдав семи просителям и с 16 деревнями пород-

нившись, дай изобилие всех благ» [32, с. 137]. Через своих сыновей и дочерей крестьянин расширял свое семейное родство – в детях продолжение жизни.

Обратим внимание на записи выдающегося чувашского ученого и общественного деятеля начала XX в. Н.В. Никольского, сделанные им в «Этнографических альбомах», запечатлевших в фотографиях культуру и быт народов Волго-Уралья. Под фотографией черемисина-старика подписано: «Полевых работ он не исполняет. Сидит дома, плетёт лапти, наблюдает за детворой, рассказывает им про старину, про храбрость черемис в борьбе за самостоятельность» [22, с. 108]. «В церковь он не ходит, как и все ему подобные. Он был в храме два раза – во время рождения и крещения, в третий раз – будет покойником; умрёт, не исповедовавшись и не причастившись св. таинств» [там же, с. 109].

Образ старика как главы семейства воплощает в себе идеал личностной природы марийца; с этим образом связывается представление об идеальном начале, свободе, гармонии с природой, высоте человеческих чувств. Об этом пишут Т.Н. Беляева и Р.А. Кудрявцева, разбирая поэтику марийской драматургии начала XXI в.: «Он (старик. – Э. Н.) показан как идеальный выразитель национального менталитета марийского народа, его мироощущения и языческой религии. Марийцы издревле поклонялись многим богам и обожествляли некоторые природные явления, поэтому старались жить в гармонии с природой, самими собой, семьей. Старик в драме выступает посредником между человеком и космосом (богами), между людьми, между живыми и мертвыми. Это – высоконравственная личность с развитым волевым началом, активный сторонник сохранения национальных традиций, этических норм. Доказательством служит вся прожитая стариком жизнь. В его семье, в отношениях с женой царят согласие и полное взаимопонимание» [1, с. 14].

Небезынтересны следующие записи Н.В. Никольского. Про старую черемиску: «Старуха прядёт. Около неё черемисский мальчик и девочка. Она много им расскажет сказок; задаст загадок; научит, как верить по-настоящему. Старушка с христианством мало знакома, потому что неграмотна; поэтому

и детей будет учить правилам языческой религии» [22, с. 149]. Про девушку-черемиску: «Оборки лаптей связаны симметрично. За этим она должна следить. Всякое упущение по костюму будет ставиться её в вину» [там же, с. 110]; «Низ верхнего белья вышит нарядно. На это потрачено около недели. <...> Особенно много ушло ниток красного цвета. В этом костюме черемиска будет чувствовать себя хорошо и в церкви, и на свадьбе, и на базаре» [там же, с. 111].

Про черемисок: «По характеру истые финки. Лица у них угрюмые. Разговор касается больше домашних дел, сельскохозяйственных занятий. Работают черемиски все, выполняют что и мужчины, кроме пашни. Черемиска в виду своей работоспособности не выпускается из родительского дома (в замужество) ранее 20-30 лет» [22, с. 114]; «Костюмы их представляют заимствования от чувашек и русских» [там же, с. 125]. Про черемисского мальчика: «С 10-11 лет черемисин учится пахать. Соха древнего устройства. Ходить за нею трудно. На первых порах мальчик выбивается из сил от непомерной работы. Одолевший эту трудность будет считать себя героем; станет гордиться перед товарищами» [там же, с. 143]. Про черемисскую семью: «Живёт семья в согласии. Муж относится к жене с любовью. Воспитательница детей – мать семьи. Не зная христианства, она прививает детям черемисское язычество. Незнание ею русского языка отдаляет её и от церкви, и от школы» [там же, с. 130].

Благополучие семьи и общины имело для марийцев священный смысл [10, с. 113]. До революции марийцы жили соседскими общинами. Их деревни отличались малодворностью и отсутствием какого-либо плана в размещении построек. Обычно родственные семьи селились рядом, образуя гнездо. Возводили обычно две срубные жилые постройки: одна из них (без окон, пола и потолка, с открытым очагом посередине) служила летней кухней (*кудо*), с ней была связана религиозная жизнь семьи; вторая (*порт*) соответствовала русской избе. В конце XIX в. возобладала уличная планировка сел; порядок расположения жилищных и хозяйственных строений во дворе стал таким же, как у русских соседей [14].

К особенностям марийской общины можно отнести её незамкнутость: она была открыта для принятия новых членов, поэтому в крае было много этнически смешанных (в частности, марийско-русских) общин [27, с. 152]. В марийском сознании семья предстает как семейный дом, который в свою очередь ассоциируется с гнездом птицы, а дети – с птенцами. В некоторых пословицах присутствует также фитоморфная метафора: семья – это дерево, а дети – его ветки или плоды [34, с. 650]. Более того, «семья ассоциируется не только с домом как постройкой, с избой (например, дом без мужчины – это сирота, и женщина при этом опора трех углов дома, а не четырех, как при муже), но и с оградой, за которой человек чувствует себя надежно и в безопасности. А муж и жена – это два столба для забора, упадет один из них – упадет весь забор, т. е. жизнь семьи окажется под угрозой» [34, с. 651].

Важнейшим элементом марийской народной жизни, объединяющим людей в рамках своей культуры и способствующим сохранению и передаче этнических поведенческих стереотипов, стала баня. От рождения до смерти баня используется в лечебных и гигиенических целях. По представлениям марийцев, перед общественными и ответственными хозяйственными делами всегда следует помыться, очиститься физически и духовно. Баня считается семейным святилищем марийцев. Посещение бани перед молениями, семейными, общественными, индивидуальными обрядами всегда имело важное значение. Без мытья в бане член общества не допускался к семейным и общественным ритуалам. Марийцы верили, что после очищения телесно и духовно обретали силу и удачливость [32, с. 166].

Среди марийцев уделялось большое внимание выращиванию хлеба. Хлеб для них не просто основной продукт питания, но и средоточие религиозно-мифологических представлений, реализующихся в повседневной жизни людей. «Как у чувашей, так и у марийцев к хлебу воспитывалось бережное, почтительное отношение. Непочатый каравай хлеба был символом благополучия и счастья, без него не обходился ни один праздник или обряд» [28, с. 137]. Марийская поговорка «Выше хлеба не станешь» (*Кинде деч кугу от лий*) [26, с. 40] свидетельствует о беспредельном уважении этого древнего земледельческого

народа к хлебу – «самому драгоценному из того, что выращено человеком».

В марийских сказках про Тестяного богатыря (*Нончык-патыр*) и героя Алыма, который набирается сил, прикасаясь к ржаным, овсяным и ячменным стогам, прослеживается мысль, что хлеб – основа жизни, «он даёт такую силу, против которой не устоит никакая другая сила, человек благодаря хлебу побеждает тёмные силы природы, побеждает противников в людском облике», «в своих песнях и сказках мариец утверждал, что человек силён своим трудом, силён результатом своего труда – хлебом» [7, с. 17-18]. Более того, «значимость хлеба не только в его небесном предопределении как главного продукта питания, но и в выражении критерия нравственного. У марицев существовал обычай дотрагиваться нечаянно обронённым на пол куском хлеба к темени, говоря “вуйышкем возо” (букв. *упал мне на голову*). <...> место хлеба в оценочной шкале соответствует верхнему миру» [12, с. 117].

Марийцы практичны, рациональны, расчётливы. Для них «характерен был утилитарный, чисто практический подход к богам», «свои отношения с богами верующий мариец строил на материальном расчёте, обращаясь к богам, стремился извлечь из этого какую-нибудь пользу или избежать беды», «бог, не приносивший пользы, в глазах верующего марийца начинал терять доверие» [7, с. 41]. «То, что было верующим марийцем обещано богу, выполнялось им не всегда охотно. При этом, по его мнению, лучше было бы, без вреда для себя, вообще не исполнить обещание, данное богу, или оттянуть его на неопределённый срок» [там же]. Практическая направленность марийского этноменталитета отражается даже в пословицах: «Сеет, жнёт, молотит – а всё языком», «Плюнет народ – станет озеро», «Слова умного человека не пропадут даром», «Кушающий не знает горя, знает его пекущий», «Барину покажи спину», «Человек высоко глядит».

Об утилитарно-материалистических элементах в мировоззрении марийцев в своих заметках, относящихся к 1633-1639 гг., пишет Олеарий: «Они (марийцы) не верят воскресению мертвых, и затем в будущую жизнь, и думают что с смертью человека, как и с смертью скота, все кончено. В Казани, в доме мо-

его хозяина жил один черемис, человек 45 лет. Услышав, что в разговоре моем с хозяином о религии, я, между прочим, упомянул о воскресении мертвых, черемис этот расхохотался, всплеснул руками и сказал: «Кто раз умер, тот и для черта остается мертвым. Мертвые так же воскресают, как и мои лошади, корова, околевшие несколько лет тому назад». И дальше: «Когда я и мой хозяин говорили помянутому выше черемису, что несправедливо чествовать и обожать скотину или другое какое творение, как бога, то он отвечал нам: «А что хорошего в русских богах, которых они вешают на стенах? Это дерево и краски, которым он вовсе не желал бы поклоняться и думает поэтому, что лучше и разумнее поклоняться Солнцу и тому, что имеет жизнь» [цит. по: 7, с. 28].

Важные этноментальные черты марийцев раскрываются в книге Л.С. Тойдыбековой «Марийская мифология. Этнографический справочник» (Йошкар-Ола, 2007). Исследовательница подчёркивает, что в традиционном мировоззрении марийцев сложилось убеждение, что гонка за материальными ценностями разрушительна для души. «Человек, который готов отдать ближнему всё, что у него имеется, всегда дружит с природой и из нее черпает свою энергию, умеет радоваться, отдавая, и наслаждаться окружающим миром» [32, с. 92]. Мариец в представляемом им мире мечтает жить в гармонии с природной и социальной средой, чтобы сохранить этот мир и лишь бы избежать конфликтов, войн. На каждом молении обращается к своим божествам с мудрой просьбой: человек приходит на эту землю с надеждой жить «подобно солнцу светя, как месяц поднявшись, искрясь как звезда, свободным как птица, как ласточка щебеча, как шелк жизнь растягивая, подобно роще играя, подобно горам радуясь» [там же, с. 135].

Между землей и человеком сложились отношения, основанные на принципе обмена. Земля дает урожай, а люди по этому неписаному договору приносили земле жертвы, ухаживали за ней и сами уходили в нее по завершении своей жизни. Крестьянин-земледелец просит у богов получить богатый хлеб не только для себя, но и щедро делить его с голодными и просящими. По природе добрый мариец не хочет господствовать, а щедро делится с полученным урожаем со всеми. Крестьянин-

мариец в своих просьбах к божествам согласен «уплатить разные налоги», а «оставшимся хочет поделиться с родственниками и с семьюдесятью семью друзьями». От идеальных отношений с близкими и дальними родственниками, однодеревенцами, от семидесяти семи друзей зависит социальное благополучие, атмосфера жизни, успех или неудача в хозяйственных делах. В сельской местности умершего провожали всей деревней. Считается, что чем больше людей участвует в проводах умершего, тем легче ему будет на том свете [там же, с. 116].

Марийцы никогда не захватывали чужие территории, веками жили компактно на своих землях, поэтому особо хранили обычаи, связанные с родным домом. Гнездо – символ родного дома, а из любви к родному гнезду вырастает любовь к родине [32, с. 194-195]. В своем жилище человек должен вести себя достойно: бережно хранить семейные традиции, обряды и обычаи, язык предков, соблюдать порядок и культуру поведения.

Нельзя в доме ругаться непристойными словами и вести неприличный образ жизни. В доме марийца важнейшими заповедями считались доброта и честность. Быть человеком, значит, быть прежде всего добрым. В национальном облике марийцев проявляется стремление к сохранению доброго и честного имени в самых сложных и трудных обстоятельствах. Для марийцев национальная честь сливалась воедино с добрыми именами родителей, с честью семьи и рода. Символ Деревни (ял) – это родина, родной народ. Сужение мира, вселенной до родной деревни – это не ограничение, а конкретность его проявлений к родному краю. Вселенная без родины не имеет ни смысла, ни значения. Молитвенные слова марийцев связаны с реальной жизнью, практической деятельностью и «поражают своей реалистичностью до детальных разработок». Он в своих мечтах о «совершенном мире» вовсе не витает в облаках, не строит нечто несбыточное, иллюзорное, его представления сугубо конкретны, предметны, вполне реально достижимы [там же, с. 137].

Русские считали марийцев людьми, владеющими тайными знаниями как в хозяйственной деятельности (в земледелии, охоте, рыболовстве), так и в духовной жизни. Во многих де-

ревнях институт жрецов сохранился по сей день. В 1991 г. в переломный момент для активного пробуждения национального самосознания была легализована деятельность всех уцелевших картов, жрецы вышли из подполья, чтобы открыто служить своему народу. В настоящее время в республике около шестидесяти жрецов-картов, они хорошо помнят обряды, моления, молитвы. Благодаря жрецам, около 360 священных рощ взяты под государственную защиту. В 1993 г. состоялось собрание святейшего совета всемарийского духовного религиозного центра [там же, с. 101].

Особое влияние на формирование этноменталитета марийцев оказали так называемые табу-запреты (*Ок йоро, Ойоро*), которые предостерегают человека от опасности. Слова Ойоро – неписанные законы почитания, выработанные на основе определенных правил-запретов. Нарушение этих слов-запретов неминуемо влечёт жестокую кару (болезнь, смерть) со стороны сверхъестественных сил. Запреты Ойоро передаются из поколения в поколение, дополняются и обновляются с требованием времени. Поскольку в марийской религиозной системе небо, человек и земля представляют неразрывное единство, то общепринятые нормы поведения людей по отношению к объектам и явлениям природы вырабатывались на основе почитания законов Космоса. Прежде всего марийцу запрещалось уничтожать птиц, пчел, бабочек, деревья, растения, муравейники, так как природа будет плакать, заболит и погибнет; запрещалось рубить деревья на песчаных местах, горах, так как земля могла заболеть.

Помимо экологических запретов существуют нравственно-этические, медицинские и санитарно-гигиенические, экономические запреты, запреты, связанные с борьбой за самосохранение и техникой безопасности, запреты, связанные со святыми рощами – молитвенными местами; запреты, связанные с похоронами, с благоприятными днями для начала больших дел [цит. по: 32, с. 178-179]. Для мари грехом (*сулык*) является убийство, кража, колдовство-порча, ложь, обман, непочитание старших, доносительство, непочитание бога, нарушение обычаев, табу, обрядов, работа в праздники. Марийцы считали су-

лыком мочиться в воду, рубить священное дерево, плевать в огонь.

В значимом для понимания марийского этноменталитета диссертационном исследовании Г.Е. Шкалиной «**Традиционная культура и современное самосознание народа мари**» (Йошкар-Ола, 2003) утверждается, что «основы ментальности народа мари находятся в представлениях о бесконфликтном саморазвёртывании мира в процессе его творения из первома-терии; этим отличается его мифология от индоевропейской» [33, эл. ресурс], а также «современное обращение к традиционной культуре народа мари открывает новые перспективы не только для него самого, но и для России, для мирового сообщества». Во-первых, это выработка ценностных ориентаций, отвечающих утверждению экологического сознания, экологии духа, необходимых современному человеку вне зависимости от места его проживания. Во-вторых, готовая модель гармоничного жизнеустройства в природе. Традиционное общество мари и сегодня во многом отличается сбалансированным, органичным культурно-хозяйственным укладом жизни. В-третьих, гуманитарная социальная практика. Традиция как содержание социоестественной ментальности служит базовой ценностью, предопределяющей сбалансированную устойчивость культурной модели. «Такая модель не несёт в себе конфронтации, агрессии, изоляционизма, а открыта для всех народов, культур, вероисповеданий» [там же]. «Любовь, радость, признание, доверие, терпимость, дружелюбие, искренность, простота, честность, преданность, самоотверженность, сострадание, великодушие, щедрость, милосердие» для мари являются «чувствами созидательного характера», и именно эти чувства являются признаками истинной марийской этнокультуры.

В заключение можно отметить, что представители марийского этноса в иноэтнической среде сохраняют культурно-дружеские связи друг с другом, продолжают общаться на родном языке, имеют дома традиционные костюмы, которые с удовольствием демонстрируют во время праздников и фестивалей. «Несмотря на то, что традиционную семантику материальных предметов понимают лишь представители старшего поколения (45-60 лет), культурной ассимиляции марийцев чу-

вашими и русскими не происходит – соседствующие этносы выделяют марийцев по этническому признаку» [16, с. 56].

Как призыв к землякам-современникам звучат слова доктора философских наук, профессора Марийского государственного университета В.С. Соловьёва: «У нас не было межнациональных конфликтов, получивших широкое общественное звучание. Для основной массы населения республики характерны дружба, взаимопонимание, сотрудничество. Это – наша величайшая ценность, и этим надо уметь дорожить, это нужно уметь хранить. Надо ценить то, что марийцы, давшие название нашей республике, не претендуют на особое положение в ней, не выпячивают свои национальные интересы, умеют поступаться какими-то заботами ради общего благополучия» [30, с. 55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Т.Н., Кудрявцева Р.А. Поэтика марийской драматургии начала XXI в. // Финно-угорский мир. – 2014. – № 1. – С. 13-16.
2. Бой Анн-Дорит. Последние язычники Европы: в центре России, на левом берегу Волги, между Казанью и Нижним Новгородом, народ мари хранит свою культуру и религию, основанную на вере в силу природы // ГЕО: интернет-сайт. – 2010. – № 145. – Апрель. – URL: <http://www.geo.ru/puteshestviya/poslednie-yazychniki-evropy> (дата доступа: 20.07.2014).
3. Большов С.В., Большова Н.А., Данилов О.В. Древние культовые памятники Марий Эл (по археологическим, этнографическим, фольклорным и историческим источникам). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008.
4. Брыляков А.В., Халапсин В.Б. Преображённая земля (о Марийском крае). – М.: Советская Россия, 1963.
5. Васикова Л.П. Проблема государственности языков в свете Концепции государственной национальной политики // Национальные отношения и государственная национальная политика в республике Марий Эл: материалы науч.-практ. конф. (г. Йошкар-Ола, 25-26 апреля 1997 г.) / науч. ред. Г.Н. Крайнов. – Йошкар-Ола: Прав-во Республики Марий Эл, 1997. – С. 35-39.
6. Васин К.К. Страницы дружбы. Историко-литературные очерки. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959.

7. Васин К.К., Коробов С.А., Рейнфельдт Б.К. Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966.

8. Герасимов О.М. Народная музыка народа мари: традиции и современность. – Йошкар-Ола, 1999.

9. Егоров Д.В. Особенности договорных отношений у чувашей и марийцев во второй половине XIX – начале XX веков // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15-16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 125-136.

10. Залялетдинова Р.М. Анимизм у восточных марийцев в XIX – начале XX века в исследованиях П. Верта // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8-9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 110-114.

11. Зорина З.Г. «Великие традиции» и язык // Национальные отношения и государственная национальная политика в республике Марий Эл: материалы науч.-практ. конф. (г. Йошкар-Ола, 25-26 апреля 1997 г.) / науч. ред. Г.Н. Крайнов. – Йошкар-Ола: Прав-во Республики Марий Эл, 1997. – С. 35-39.

12. Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари: феноменология традиционного мировосприятия. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003.

13. Кандаратский М.Ф. Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии (эпидемия зоба и кретинизма). – Казань, 1889.

14. Козлова К.И., Пронь Л.Г. Марийцы // Уральская историческая энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Институт истории и археологии Уро РАН; Академкнига, 2000.

15. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Издат. центр «Академия», 2002.

16. Лобанова Т.В. Марийский этнос в Самарском крае: существование в иноэтнической среде (по материалам этнографических экспедиций 2001-2001 гг.) // Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности народов Поволжья: тезисы докладов науч.-практ. конф. (г. Самара, 17-18 октября 2002 г.) / отв. ред. Р.М. Фокина. – Самара: Изд-во СГПУ, 2002. – С. 55-56.

17. Марийские поэты: сборник стихотворений. – Йошкар-Ола: Маркнигиздат, 1956.

18. Марийский язык в интернете // Гражданин: молодёжный интернет-журнал города Йошкар-Ола. – URL: <http://www.mgrazhdanin.ru/online/6841-mariyskiy-yazyk-v-internete.html> (дата доступа: 30.06.2014).

19. Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002.

20. Матвеев Г.Б. Марийцы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3: М-С. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 45.

21. Никольский Н.В. Черемисы (марийцы) (По историко-этнографическому очерку о черемисах И.Н. Смирнова) // Собр. соч.: в 4 т. – Т. III. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – С. 348-358.

22. Никольский Н.В. Черемисы-марийцы // Собр. соч.: в 4 т. – Т. IV. Этнографические альбомы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 101-172.

23. Новиков С.С. Общенациональная идея и консолидация марийцев // Финно-угорская газета «KUDO+KODU» («Дом+Очаг»): интернет-сайт. – URL: <http://www.kudokodu.ru/archive/youth/modrb/glava1.htm> (дата доступа: 20.07.2014).

24. Потехин А.А. С Ветлуги. Очерк // Потехин А.А. Сочинения. – Т. 1. – СПб., 1873.

25. Прокушев Г.И. Художники Марийской АССР. – Л.: Художник РСФСР, 1982.

26. Сабитов С.С. К вопросу о происхождении некоторых мотивов в марийских волшебных сказках // Вопросы марийского фольклора и искусства. – Вып. 3. – Йошкар-Ола: МНИИ, 1982. – С. 34-42.

27. Сепеев Г.А. Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1985. – С. 141-174.

28. Сергеева Е.В. Сравнительная характеристика культуры питания чувашей и марийцев: традиция и современность // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15-16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 137-143.

29. Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889.

30. Соловьёв В.С. Многонациональность – наше богатство. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991.

31. Спасский Н. Очерки по родоноведению. Казанская губерния. – Казань, 1912.

32. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007.

33. Шкалина Г.Е. Традиционная культура и современное самосознание народа мари: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Йошкар-Ола, 2003 // Dissercat: электронная библиотека диссертаций. – URL: <http://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-kultura-i-sovremennoe-samosoznanie-naroda-mari> (дата доступа: 20.06.2014).

34. Яковлева С.Л., Казыро Г.Н. Сравнительный анализ метафорических моделей концепта «семья» в марийской и финской паремологии // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5. – С. 649-652.

Глава 8

ВЛИЯНИЕ ЭТНОМЕНТАЛИТЕТОВ НА ПРОЦЕСС УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Сложность происходящих в России с конца XX в. социально-политических трансформаций на фоне девальвации общечеловеческих ценностей (долга, ответственности, добросовестности, трудолюбия, служения Родине) и крайне противоречивые события на Украине и в Европе после возвращения Крыма в Россию пробуждают особый интерес к проблемам формирования гражданского общества, вопросам воспитания гражданственности, патриотизма и политической культуры населения в полиэтническом государстве.

М.Н. Губогло отмечает: «Вокруг вопросов, связанных с этнической и гражданской идентичностью, возник особый эпицентр напряжённой дискуссии среди политиков и экспертов по проблемам межнациональных отношений и формирования гражданства; прежде всего, этот интерес обусловлен политизацией этничности и этнизацией политики» [4, с. 91]. В конфессионально и культурологически разнородной Российской Федерации проблемы полиэтничности, межнациональных отношений и межэтнической адаптации являются «камнем преткновения» в процессе формирования единой гражданственности и гражданского общества. Выявление соотношения этнического и гражданского в самосознании человека и общества позволяет определить степень социальной адаптации и возможность интеграции народов в единое национальное государство.

Гражданственность представляется как внутренний стержень человека, как главный фактор устойчивого развития личности и общества, этноса и страны, как основа адекватного отношения к народу и государству. В настоящее время официальными институтами российской власти целенаправленно разрабатываются тактика и стратегия формирования гражданственности нации и гражданского общества в целом с учётом этно-

культурных особенностей народов, входящих в Российскую Федерацию.

Преобразования в обществе и государстве, успешное проведение Олимпийских игр в Сочи, мирное возвращение Крыма в состав России, защита русского населения диаспоры, бесспорно, способствовали положительным сдвигам в настроении масс и стали знаковыми в организации гражданского общества и укрепления демократии. Тем не менее опасность того, что укрепление государственности в многонациональной стране пойдет вразрез с нормами гражданского общества (привычным путем принижения значимости народов и человека, как было в Российской империи с делением населения на русских и иностранцев и в СССР – на «великую нацию» и «малые народы»), сохраняется.

В российском обществе к началу XXI в. усилились представления о градации национальностей. На фоне национально-гражданской разобщенности формой выражения неудовлетворённости социально-экономическим и политическим положением населения стали претензии к этническим и религиозным «чужакам», особенно по отношению к переселенцам с юго-востока и Кавказа. «К татарину-мусульманину, приехавшему в Москву из Казани, отношение лучше, чем к мусульманину-дагестанцу, приехавшему из Махачкалы, при том что юридический статус их одинаков и ничем не отличается от статуса выходцев из Санкт-Петербурга» [19, с. 54]. Ссылка на психологическую ксенофобию не объясняет всего происходящего в подобных случаях. «В современной России угрозу социально-политической стабильности представляют не межнациональные конфликты, а нарастающая социально-политическая напряженность как прямое следствие распространения ксенофобий и усиливающейся дискриминации меньшинств», – объясняет О.А. Лиценбергер [14, с. 233].

У постсоветских новоявленных россиян до сих пор в полной мере не сформировалась гражданственность как осознание своих равных прав и обязанностей по отношению к единому государству. В 1990-х гг. она была подавлена взрывом этнических множества народов, исторически населяющих территорию Российской Федерации, и неодинаковым политическим и

экономическим решением этой проблемы в разных регионах страны – от предоставления дифференцированного суверенитета национальным республикам до «чеченской войны». Советский интернационализм распался на десятки вариантов этноцентризма, заставляющего этнического человека воспринимать и оценивать окружающий мир сквозь призму традиций и ценностей только родного народа, не замечая права на своеобразие и самоопределение за другими этносами. Следовательно, успех в укреплении общероссийской гражданственности напрямую связан с выявлением и использованием позитивного потенциала этничностей всех российских народов и прекращением деструктивных настроений на этноментальном уровне.

Реальная история такова, что для России в критические моменты важны были именно «малые народы», грудью встававшие на защиту Отечества. Казалось бы, за многие века совместной борьбы и труда Россия давно должна была бы полностью «обрусеть», но она по-прежнему остается государством, включающим в себя разные общества с многообразными социально-экономическими условиями и культурами, для которых характерны свои системы ценностных ориентаций и гражданственности, различные сочетания индивидуализма и коллективизма, неодинаковые формы сотрудничества и выживания.

В отличие от многих западных стран в России общегосударственная гражданственность составляется на базе региональной (этнической) гражданственности татар, башкир, чуваш, удмуртов, марийцев, калмыков, якутов, чеченцев и других народов. И именно в полиэтничности российского населения некоторыми отечественными исследователями видится серьезное препятствие на пути к гражданскому обществу. М.Н. Гендугова пишет: «Становление гражданского общества – это длительный процесс формирования гражданских институтов и гражданского самосознания индивидов при обязательном условии формирования гражданственности и демократического гражданского поведения. Но при этом гражданское общество в России не должно иметь межнациональных границ, а гражданственность – национальной (в узком понимании «местечковой» национальности) привязанности» [2, эл. ресурс].

Утверждение, что демократия в России должна быть связана с преодолением этничности в пользу гражданской нации, поскольку это позволит устранить этнические преимущества или этнические преграды, – ошибочное. Такая постановка проблемы обостряет вопрос о ценности национальных культур, традиций, языков. К примеру, О.Н. Полухин, отмечая очевидность того, что историко-культурное наследие российского государства и его традиции являются «скрепляющей силой всего здания государственности, общественности, гражданственности» [21, с. 116], тем не менее предлагает обратить внимание на противоречивость проводимой центральной властью региональной политики по отношению к территориальным образованиям. «Вплоть до начала XXI в. она [центральная власть] недостаточно учитывала тот факт, что местное сообщество – целостное образование, включающее в себя не только экономические параметры, материально-финансовую базу, но и духовно-культурные и исторические традиции, которые только в совокупности составляют гражданское сообщество и самоуправление» [21, с. 18].

Российский общегосударственный патриотизм и гражданственность принципиально должны иметь не надэтнический, а полиэтнический характер. Как утверждает А.М. Князев [10, с. 173], гражданственность личности предполагает не только правовую принадлежность к государству, но и некую «глубинную нравственность», под которой понимается следование личностью общим правилам и императивам, зачастую не предполагающим правовых обязательств и юридической ответственности за неисполнение. Моральная заинтересованность, «глубинная нравственность» и есть сфера этноментальности – то, что формируется в человеке подспудно культурой, традициями, историей, языком, бытом, школой его родного народа. Поэтому, трактуя и анализируя состояние гражданского сознания конкретно новых россиян, следует различать два аспекта: 1) общенациональное сознание единой гражданской российской нации, 2) политическая культура этнических общностей, входящих в состав многонационального народа России. Для философского осмысления проблемы взаимодействия этно-

ментальности и государственности огромный материал преподнес Крым 2014 года.

Формирование единой гражданской нации – одно из модернизационных государственных направлений Российской Федерации, и рациональная национальная политика является важнейшей его составляющей. В статье «Россия: национальный вопрос» (*Независимая газета*. 2012. 23 января) В.В. Путин четко определил основные направления работы российского правительства в сфере межнациональных отношений. Разбирая две популярные в настоящее время концепции решения национального вопроса – «плавильный котел» (США) и «мультикультурализм» (Западная Европа, Канада, Австралия), он утверждает, что для современной России не подходит ни одна из них. «Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чахнет – и не способен «переварить» все возрастающий масштабный миграционный поток. Мультикультурализм, отрицающий интеграцию через ассимиляцию, потерпел поражение. «За провалом мультикультурного проекта стоит кризис самой модели национального государства – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности».

При всей внешней схожести ситуация в России принципиально иная. Россия – «историческое государство». Президент признает, что историческая Россия не моноэтническое государство и не американский «плавильный котел». Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство – государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровнях. «У нас есть исторический опыт, которого нет ни у кого. У нас есть мощная опора в менталитете, в культуре, в идентичности, которой нет у других».

Такая позиция созвучна взглядам российских этнополитологов. По мнению Э.А. Паина, «в России нет и никогда не было политики мультикультурализма» [цит. по: 16, эл. ресурс]. Проблемы Запада с мультикультурализмом – это следствие отхода от идеи гражданской нации, в то время как российские проблемы межкультурных отношений – это проблемы страны,

в которой формирование гражданской нации только начинается. Россия – традиционное полиэтничное государство по типу «мозаичного общества», состоящего из многих этнокультурных общин, но не объединенных в единый гражданский организм. Мультикультурализм – это постнациональная политика, представляющая собой попытку решения проблемы вливания иммигрантов в мононациональное государство. Российская Федерация – не иммигрантское общество, не многокультурная нация, а «многонациональное государство». Это качество Российской Федерация унаследовала от Советского Союза: СССР являлся союзом национальных республик, РСФСР объединяла национальные автономии. «Если в России где-то и может проводиться политика мультикультурализма (в принципе постнациональная) – то только в национальных республиках. И, в общем-то, это могло бы быть неплохой инициативой со стороны федерального центра, так как положение русского населения в этих республиках (или, например, татарского в Башкортостане) требует дополнительной защиты» [17, эл. ресурс].

Ключевое положение выступления В.В. Путина по национальному вопросу мы бы обозначили как диалектический синтез мозаичности (модель соседского сосуществования этносов под одной государственной властью) и мультикультурализма (интеграционная модель «общества без доминирующей культуры») в построении российской государственности. «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности».

На наш взгляд, на данном этапе это лучшее решение вопроса о характере соотношения этничности и гражданственности сотни российских народов, поскольку совершенно нежелательно и опасно даже пробовать «переформатировать» Российскую Федерацию в мононациональное (русское) государство,

предполагающее ликвидацию национальных автономий и предоставление всем этническим меньшинствам защищённого статуса на всей территории страны. Дискриминация, даже проводимая с позитивными целями, в любом случае остается дискриминацией, которую коренные народы России никогда не признают нормальной при определении их политического, экономического и культурного статуса в едином государстве.

Перспективным выглядит предложенный главой государства вариант самоопределения российского народа: «полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». Единственно, есть некоторые сомнения по поводу наличия «русского культурного ядра»: информацию, поступающую к аудитории через интернет и СМИ, трудно считать истинно русской по содержанию, она формально русская благодаря языку как средству передачи знаков. Поэтому, несмотря на то, что Русь исторически и территориально была и остается интегрирующим субъектом в Российской Федерации, современная Россия – пока лишь русскоязычный конгломерат народов. Повысить уровень гражданской солидарности и взаимного доверия россиян возможно только при усилении государственной роли русской духовности и речи, но при равном уважении культуры и народной мудрости всех других этносов. Становление новой «российской нации» видится именно при таком сочетании якобы несочетаемого: сообщество равно свободных этносов под одной властью, без ассимиляции, с единым идеологическим и гражданско-правовым стержнем внутри общего полиэтнического государства. Народный поэт Чувашии Петр Хузангай в программном стихотворении «Я живу в России» (1950) замечательно обозначил эту тенденцию в сознании нерусских российских народов:

*Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои не лен,
И сердцем я чуваш и речью.
Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы!
Навек я с детства любил
Россию – родину свободы!*

В новой федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» заявлено, что «Российская Федерация является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения, обладая при этом этнической (русской) и религиозной (православной) доминантами. В России проживают представители 193 народов (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры. Культурное и языковое многообразие российских народов защищено государством. В России используется 277 языков и диалектов, в системе государственного образования используется 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения (2010 год). В этих условиях серьезным вызовом и системной задачей является управление этнокультурным многообразием» [22]. Сложность этноуправления заключается в том, что у народов и языков Российской Федерации будут разные судьбы, поскольку они входят в полиэтническую российскую нацию с разным потенциалом и разными перспективами.

Современное российское государство сочетает в себе федеративную организацию с элементами конфедерации. Говоря о специфике российского федерализма, А.Г. Здравомыслов отмечает, что именно национально-этнические аспекты политической реальности осложняют федеративные отношения в нашей стране. По его словам, «нынешний этап развития российского федерализма связан с действующей Конституцией, которая, с одной стороны, провозглашает Российскую Федерацию в качестве федерального государства, а с другой стороны, содержит в себе определенные отступления от этого принципа» [6, с. 63-64]. В первую очередь речь идет о неоднозначном статусе этнических регионов. Регионы, представленные национальными республиками, в соответствии с Конституцией являются суверенными государствами, имеющими свои конституции, свое законодательство, свою государственную атрибутику, свою территорию. Иными словами, национальная республика – это государство в государстве.

В Конституции Чувашской Республики [11, с. 5], принятой Государственным Советом ЧР 30 ноября 2000 г., в пункте 1 статьи 1 главы 1 «Основы конституционного строя Чувашской Республики» сказано: «Чувашская Республика – Чувашия есть республика (государство) в составе Российской Федерации». В пункте 1 статьи 6 отмечено, что «Чувашская Республика несет ответственность за сохранение и развитие культуры чувашского народа и содействует развитию культуры всех народов, проживающих в республике». Таким образом, чувашский народ, получивший свою государственность, объявлялся нацией, т.е. исторически высшим типом этнической общности, для которой характерны единство территории, экономической жизни, культуры и национального самосознания.

Наличие государственности, общего языка и культуры, собственной территории – неперенный признак нации. Коренные народы национальных республик обоснованно именуется титульными нациями. Нациями, члены которых имеют собственные представления о гражданственности. Национальные республики, являющиеся суверенными государствами, вправе требовать от своих граждан осознания своих прав и обязанностей по отношению к этническому государству, чувства привязанности к своей этнической территории, признания самоуправления и государственности региона. В рамках своего этнического государства человек должен обладать региональной (этнической) гражданственностью, которая требует от него развитого чувства долга и ответственности перед малой родиной, законопослушания и активной деятельности в пределах своего региона, готовности защищать общие интересы и права своей национально-этнической общности (родного народа).

Однако Законом Чувашской Республики от 24 мая 2012 г. № 37 пункт 1 статьи 1 Конституции Чувашской Республики изложен в новой редакции: «Чувашская Республика – Чувашия есть республика в составе Российской Федерации». Из основного закона республики таинственным образом вырезали главное статусное слово «государство». Теперь Чувашия – просто республика. Какие последствия будет иметь для чувашского народа это политическое решение догадаться нетрудно. Ответственность и оппозиционная часть депутатского корпуса воз-

мущены «беспределом в Госсовете» и пытаются протестовать [15, с. 1-2]. Возможно, «подлинной целью федеративной реформы, инициированной В.В. Путиным, было изменение властной конфигурации, ослабление глав регионов как средоточия власти» [27, с. 84]. Однако наступление власти на малочисленные этносы и их государственность настораживает и заставляет тревожиться за судьбу теперь уже чувашской народности и будущее других российских коренных народов.

«Укрепление единства российской нации» через формирование общегосударственной гражданственности россиян является одной из главных задач для власти. «В условиях интенсивных интегративных процессов сохранения различий (социальных, профессиональных, национально-этнических, экономических, региональных и т.д.) гражданственность получает новое обоснование, которое находит свое оформление в разнообразных институтах гражданского общества. Единство в разнообразии может обеспечить именно гражданственность как интегративный компонент взаимодействия общества с другими составляющими гражданского общества» [9, с. 51]. Гражданственность, определяющая нормы и принципы социально-правового взаимодействия государства с институтами гражданского общества и с отдельными гражданами, объединяет государство, общество и человека. Основные функции гражданственности проявляются в зависимости от специфики социальной, национальной и духовной среды, влияющей на социализацию человека.

По наблюдениям И.Ю. Новичковой, в системе гражданского бытия и гражданских отношений в настоящее время возрастает роль нравственных, экологических, конфессиональных, этнических, гендерных, возрастных начал гражданской активности [18]. В ряде регионов мира особой гражданской активностью начинают отличаться женщины, представители пожилого возраста, служители религиозных культов. В постсоветской России наблюдается усиление этнической составляющей в структуре гражданственности, что связано с вливанием исторически сложившейся полиэтничности государства в «новый контекст постиндустриальной реальности». В России активно ведутся этносоциологические исследования как на региональ-

ном (И.И. Бойко, В.Г. Харитонов в Чувашии, Г.И. Макарова, Я.З. Гарипов в Татарстане, Э.Я. Яковлева, В.В. Михайлова в Якутии и др.), так и на федеральном (М.Н. Губогло, Л.М. Дробужева) уровнях, в которых акцент делается на выявлении взаимосвязи между гражданской идентичностью современных россиян и степенью актуализации их этничности.

На основе анализа результатов социологических обследований 2011 и 2013 гг. в Чувашской Республике И.И. Бойко и В.Г. Харитонов делают вывод, что региональная идентичность (гордость за Чувашию) опережает общегражданскую (гордость за Россию), причём не только у чувашей, но и у русских, хотя у первых в более значительной степени [1, с. 16-17]. Однако для более половины респондентов как в целом, так и отдельно у чувашей и русских произошло объединение общегражданской и региональной идентичностей. Это свидетельствует о том, что проблема соотношения «российскости» (общероссийской гражданственности) и «чувашскости» (этничности) крайне сложна и противоречива. Но без антагонизма, поскольку центральной линией в умонастроениях населения Чувашии является сосредоточение внимания на позитивной совместимости общенационально-гражданской и этнической идентичностей. Главный вывод чувашских социологов – гражданская нация не противоречит существованию этнических наций. Формирование российского народа должно осуществляться через поддержку и укрепление региональных и этнических сообществ россиян. Россияне – это историческая и социально-политическая общность, закрепляющая «единство в многообразии».

Между тем, американско-французская теория гражданской нации, с опорой на которую начато строительство гражданской нации в России, предполагает очень жёсткие ассимиляторские практики и отмирание этничностей. Гражданская нация будет противоречить существованию этнических наций России, какковыми считают себя татары (татарская нация), чувашаи (чувашская нация), башкиры (башкирская нация), чеченцы (чеченская нация) и др. Искусственно создаваемая государством политическая нация, нивелирующая сложившиеся статусы и интересы этнических общностей, – весьма зыбкий путь нацие-

строительства. Зная историю народов Поволжья и Приуралья, заранее можно предположить, что тезис «татар, башкир и чувашей как наций в Российской Федерации нет» вызовет сопротивление со стороны активистов этнонационального движения в этих регионах. Татарин осознаёт себя членом татарской нации и в Татарстане, будучи гражданином России, и за рубежом, имея иностранное гражданство. Для него подмена понятий при соотнесении осознания своей принадлежности к татарской нации с гражданственностью представителя «российской нации» очевидна.

Термин «российская нация» менее удачный для обозначения полиэтничного населения России по сравнению с понятием «многонациональный народ Российской Федерации», закреплённым в Конституции Российской Федерации, поскольку речь идёт о совместном проживании в рамках одного государства разных народностей и наций. Более справедливым могло бы быть понятие «российская меганация» как большой союз всех этносов России, как российская конгломерация, т.е. соединение отдельных народов в одно целое, при котором они сохраняют свои черты и свойства.

Но в рассматриваемой федеральной целевой программе уже закреплено понятие российской нации, которое следует трактовать как «полиэтническая нация». В интернет-словаре политических терминов «POLIT-slovar.ru» полиэтническая нация определяется таким образом: «Полиэтническая нация – нация, состоящая из различных народностей, имеющих свою культуру, традиции, обычаи, язык и другие ценности. Одной из первых полиэтнических наций можно рассмотреть жителей древнего Рима. В последующем СССР, Чехословакия, Югославия и другие. Сплочённости полиэтнической нации способствует единая национальная идея, к которой стремятся все народности, входящие в состав полиэтнической нации. В настоящее время в Российской Федерации также сложилась полиэтническая нация: население Российской Федерации состоит из неоднородных субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей, автономных округов и областей, городов федерального значения). При этом особенностью этнополитической структуры современной России является опре-

делённое этническое и национально-культурное «лицо» каждого субъекта Федерации (русское – в областях, краях, городах федерального значения, национально-титульное – в республиках, автономных округах и областях) при полиэтническом (смешанном) составе населения субъектов Российской Федерации» [20, эл. ресурс].

Фраза «В настоящее время в Российской Федерации также сложилась полиэтническая нация» звучит обнадеживающе, однако тревожные результаты некоторых (хотя и критикуемых за недостаточную объективность) социологических исследований в сфере межэтнических отношений [см.: 3, эл. ресурс] заставляют в этом сомневаться.

По данным рейтинга межэтнической напряжённости в регионах России «Гроздья гнева» (осень 2013 – весна 2014 гг.), самое большое количество межэтнических конфликтов (неоднократные случаи массовых насильственных действий) было зафиксировано в Дагестане, Москве, Санкт-Петербурге, Ставропольском крае, Татарстане. Во вторую по количеству конфликтов группу (неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики) из Поволжья попали Нижегородская, Самарская и Саратовская области.

Чувашия включена в группу регионов с низкой напряжённостью («Преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные, не связанные друг с другом случаи этнически мотивированных насильственных действий») вместе с такими регионами, как Карелия, Удмуртия, Ярославская область, Рязанская область, Мордовия и другие. В качестве позитивного примера названа Калужская область, где, несмотря на высокий приток мигрантов, не наблюдается обострения межэтнических отношений. К регионам с неэффективной национальной политикой отнесены Краснодарский и Ставропольский края, Москва. Среди регионов с успешной национальной политикой – Пермский край, Саратовская, Оренбургская области, Мордовия и Чувашия.

Несмотря на то, что Чечня попала в группу регионов, где наблюдается «отсутствие зафиксированных конфликтных дей-

ствий либо несколько онлайн-действий; отсутствие доказанного насилия по этническому признаку», тезис относительно благополучия ситуации в Чечне спорен. Очевидно, в этом регионе эффективность национальной политики и межэтническая стабильность вызваны авторитарным стилем управления и вытеснением в результате известных событий нечеченского населения из республики и превращением её в моноэтнический субъект [3, эл. ресурс].

По мнению авторского коллектива проекта «Гроздья гнева» (Сергея Старовойтова, Ивана Жукова, Александра Балацкого и др.), российское общество остается расколотым в социальном, идеологическом, культурном и национальном отношении; в 2013 г. проблема межэтнических отношений вышла на первый план. «Массовые волнения в Пугачеве, Бирюлево и других городах показали, что одной только пропагандой дружбы народов невозможно преодолеть межнациональную рознь. На смену проблеме сепаратизма пришла новая угроза – рост ксенофобии и связанных с нею экстремистских идеологий. В настоящее время рост межэтнической напряженности констатируется всеми опрошенными экспертами, и очевидно, что необходимо обстоятельное изучение данного феномена и долгая работа по снятию напряженности и предотвращению конфликтов» [3, эл. ресурс].

Более того, молодых граждан Российской Федерации по факту можно считать только «россиянами наполовину». По данным аналитического доклада «Самоидентификация студенческой молодежи», который был выполнен Институтом этнологии и антропологии РАН специально для членов президентского совета по межэтническим отношениям и оглашен на заседании совета 3 апреля 2014 г. [23, эл. ресурс], лишь половина из опрошенных в 2013 г. 5237 российских студентов различных специальностей, проживающих в Поволжском (ПФО), Северокавказском (СКФО) и Южном федеральных округах (ЮФО), а также в Москве, на вопрос, кто такие «мы», ответили: «Мы – граждане России» (49%). Это третий по популярности вариант ответа.

Намного опережают идентификации «мы – это моя семья» (78%) и «мы – это мои друзья» (68%). Определяет свою общ-

ность через малую родину, национальность и религию значительно меньшая доля студентов – 36, 31 и 22% соответственно. Как отмечает один из авторов доклада В.Ю. Зорин, «даже 49% называющих себя в первую очередь гражданами России – относительно высокая цифра, поскольку среди старшего поколения такая гражданская самоидентификация не столь сильна в силу ностальгии по СССР. Если учитывать другие варианты ответов, апеллирующих к гражданской солидарности, то разделяющих общероссийскую гражданскую идентичность среди молодежи будет до двух третей. Столько же своей Родиной считают всю Россию (43% в качестве таковой признают регион, еще 38% – родной город)» [23, эл. ресурс].

Для молодых россиян быть русским – значит родиться в России и быть воспитанным в традициях русской культуры (так ответили 38% респондентов). Русскость через этническое происхождение определяют только 23% опрошенных. Этническое происхождение начинает беспокоить российскую молодежь, только когда речь заходит о мигрантах. В то же время на Северном Кавказе у молодых россиян не вполне сложилась общероссийская гражданская идентичность: они разделяют своих и чужих по этническим и религиозным признакам, а региональный патриотизм оттесняет на второй план общенациональный. Северокавказская молодежь – преимущественно верующие мусульмане (до 70% опрошенных причислили себя к этой религии), они значительно чаще, чем в других регионах России, идентифицирует себя с единоверцами.

Доля ответов «мы – граждане России», «мы – это люди одной национальности» и «мы – это люди одной веры» была практически одинаковой (чуть ниже 40%). При этом лишь незначительное меньшинство жителей Северного Кавказа идентифицируют себя с носителями русской культуры – всего 4% (в соседнем ЮФО – 19%). В СКФО чувство региональной идентичности преобладает над общероссийским патриотизмом. Родиной назвали свой регион 56% респондентов из этого федерального округа, Россию – только 51%. В соседнем ЮФО значимость региона ниже (43%), а страны – выше (67%). Для северокавказской молодежи важнее, чем для их ровесников из других частей России, своя этническая принадлежность. Этни-

ческое происхождение имеет для них большое значение даже на повседневном уровне (55% заявили, что часто задумываются о своей национальности) [23, эл. ресурс]. В общем, соцопросы обнаруживают пробелы в осуществлении единой национальной политики.

Р.В. Игнатовская также считает, что неверно наделять гражданственность универсальными характеристиками, лишая ее национального содержания, этнических и социокультурных ограничений, ориентируя на всеобщность и всечеловечность [8, эл. ресурс]. Гражданин не тот, кто обладает высокой степенью независимости и свободы мнения в отношении других людей и ведёт активную социальную жизнь в конкретном социуме. Граждански зрелая личность характеризуется готовностью к достижению социально значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с имеющимися в обществе социокультурными, экономическими и политическими возможностями и с соблюдением при этом существующих морально-правовых норм и национальных традиций. Воспитание гражданственности – это прежде всего формирование сознания личности, а точнее, национального самосознания.

Представления о подлинной гражданственности и ее содержательных компонентах формируются веками. В разных культурах российских народов сложились собственные смысловые модели гражданственности. Но в критические для страны и государства моменты всеобщие цели цементируют в монолит частные этногражданские особенности. Так было в Отечественную войну 1812 г., так было в 1941-1945 гг. Выражая индивидуальный и социальный интерес, а также ментальные установки человека, гражданственность предстает как проявление личностного сознания ответственности и долга по отношению к родине и государству, преломленного через этническую культуру и традиции.

В исследовании гражданственности молодёжи в современной России М.Н. Гендуговой [2, эл. ресурс] делается заключение, что особенности формирования гражданственности в разных обществах зависят от типа ментальности народа. На основе социологических опросов ею выявлено, что молодежь Российской Федерации позитивно воспринимает идею «сильного

государства» и идею уникальности российской нации. При этом молодые люди осознают постепенное размывание традиционной культурной идентичности, вследствие чего склонны к отторжению ряда современных социокультурных образцов глобального мира, не соответствующих их российской ментальности. В то же время на практике долгое «зомбирование» российской молодежи через интернет, СМИ, школу и англо-американскую наднациональную шоу-культуру уже принесло свои плоды – некоторая часть российских юношей и девушек выступает против своего Отечества в церквях, на площадях и в интернет-пространстве, не желая знать и слышать о гражданственности.

Выявление специфики взаимодействия этничности и гражданственности как социокультурных феноменов требует рассмотрения вопроса, какой потенциал гражданственности имеется в этничности и какие качества этничности могут способствовать или препятствовать формированию единой общегосударственной гражданственности в условиях полиэтничной среды, в частности, в многонациональной России. Этнокультурное многообразие вынуждает пристально изучать особенности этноменталитетов и использовать эти данные при проведении адекватной национальной политики в различных регионах нашей страны, к которой проживает 193 народа. Новообразованному Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН, руководитель И.В. Баринов) придётся учитывать, что неодинаковые механизмы формирования гражданственности россиян разной этнической принадлежности обуславливают многоплановость работы и разнообразие проводимых государством программ и проектов.

При построении единой общероссийской гражданственности в разных регионах страны следует принимать во внимание особые этноментальные качества «титульных наций». Например, на территории Чувашии, Татарстана и Башкортостана характер мероприятий, проводимых в рамках национальной политики, не может быть абсолютно одинаковым.

Повторим еще раз, что башкиры – очень свободолюбивый и воинственный народ в Урало-Поволжье. Давить политическим, экономическим, культурным рычагами на свободу баш-

кира – заведомо тупиковый путь, но приемлемо дружественное обращение к Башкортостану за помощью и поддержкой. Не исключено, что этой особенностью башкирского этноменталитета воспользовался первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин во время предвыборной кампании в 1996 году. После визита Президента Российской Федерации в Башкортостан в преддверии выборов, когда были достигнуты договорённости по многим острым вопросам, республиканская власть во главе с М.Г. Рахимовым обеспечила Ельцину 51,01% голосов на выборах во втором туре.

Татарский менталитет – это «коммерческий» менталитет, менталитет торгового, работающего народа, для которого жизненным кредо является следование принципу «Чем я хуже других?». С татаринцом надо договариваться, торговаться, «брать убеждением в полезности и выгоды, а не силой», иной вариант будет проигрышным.

Чуваши – неимоверно терпеливые и выносливые, преданные традициям люди. Надо учитывать, что по убеждениям это боевой народ, испокон веков славилось особое отношение чувашей к защите родины, к воинской службе. Отбиваясь от монголо-татар волжские болгары и сувары (предки чувашей) многократно демонстрировали исключительный героизм. «В 1229 г. болгары отбили вторую волну наступления, в 1232 г. – третью волну... В сентябре 1236 г. 200-тысячная армия хана Бату начала громить города и селения Волжской Болгарии. Войска, состоявшие из болгаро-чувашей, марийцев, удмуртов, в течение 12 месяцев оказывали героическое сопротивление завоевателям» [5, с. 113]. Верность присяге – выдающаяся черта чувашского менталитета, сохранившаяся со времен полководца Модэ до наших дней и заслуживающая пристального внимания при формировании подразделений современной российской армии. Можем утверждать, что этот древний народ сверхтолерантно (как свидетельствует история) относится к действующей власти, но нельзя скидывать со счетов и то, что при запредельных нарушениях справедливости этот тихий народ не раз поднимался и в защиту себя, и в защиту Московского царства.

Таким образом, сущность формирования единой гражданской ответственности в полиэтничном обществе двойственна и выража-

ется, с одной стороны, в социально-исторической необходимости сосуществовать разным народам в одном государстве и, с другой стороны, в жизненно важном для каждого этноса процессе культурно-политической самореализации. По сути, это диалектическое взаимодействие двух тенденций: ограничивающая народы общественная необходимость и стремящаяся её преодолеть этничность как феномен активно-творческого проявления национальной культуры. Противостояние или тяготение к гармонии этих тенденций составляет основу диалектического противоречия, движущую силу формирования гражданственности в полиэтничном обществе.

Успех в воспитании нормальных граждан полиэтничного государства (согласно федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)»), речь идёт о гражданах, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, с высоким уровнем толерантного отношения к представителям другой национальности, поддерживающих равноправное этнокультурное развитие народов России и языковое многообразие, способствующих укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений) зависит от достижения сбалансированности государственных и частных интересов, оптимального соотношения культуры межэтнических отношений и гражданского достоинства в общественном и индивидуальном сознании современных россиян.

В настоящее время гражданственность, патриотизм и культуру межэтнических отношений следует рассматривать как основные нравственные качества личности. «Истинный патриотизм по своей природе гуманистичен и включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям, к их самостоятельности и независимости и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений» [13, эл. ресурс]. Бессмысленно искать угрозу гражданскому национальному строительству в полиэтничности государства, как это делается в Прибалтике, Грузии, Украине и некоторых других постсоветских государствах. Полиэтничность общества ошибочно воспринимается как главный источник межэтнических трений и конфликтов. Наоборот, полиэтничность – это

преимущество для государства, открывающее перед властью набор множества вариантов решения политических, экономических, социальных, культурных проблем.

Этнические общности, объединенные территорией, жизненным укладом и исторической судьбой, обладают необходимыми объективными и субъективными предпосылками для всестороннего сотрудничества, взаимопомощи и взаимопонимания. В отечественных учебниках по этнопсихологии неслучайно приводятся наиболее общие национально-психологические особенности представителей народов, проживающих на одной территории. Мы уже упоминали, что в качестве характерных для татарского, башкирского, чувашского, мордовского, удмуртского, марийского этносов называются такие качества, как неприхотливость и непритязательность в быту, повседневной и профессиональной деятельности, исполнительность и настойчивость во всех видах труда, активно выраженный коллективизм и толерантность [12, с. 150]. Это вовсе не противоречит действительности.

Во-первых, стандарты поведения в полиэтнической среде – это результат постоянного взаимодействия представителей различных народов, поэтому они со временем приобретают общий характер. «При общении с другими личность всесторонне закаляется, убеждается в нужности или ненужности, полезности и бесполезности своих тех или иных действий, привычек, установок и т.п. Выработка устойчивых норм поведения в полиэтнической среде происходит под влиянием реальных общественных отношений, практической деятельности, конкретного опыта общения» [26, эл. ресурс].

Социальное поведение человека типизировано, оно подчиняется нормам, выработанным обществом. Поведенческие стандарты в полиэтнической среде трансформируются, унифицируясь под влиянием огромного потока информации по истории и культуре народов, веками проживающих бок о бок. Иначе неконтролируемый рост этнических моделей поведения и общения может привести к распаду общества. В полиэтнических регионах этнополитическая ситуация спокойная, потому что исторически обусловленное совместное проживание этно-

сов с разными менталитетами и культурными традициями воспринимается как норма.

Во-вторых, географический фактор, включающий общность территории, природные ресурсы, экономическое положение, природные и производственные комплексы и их компоненты и т.д., бесспорно, является одним из важнейших элементов, влияющим на формирование схожего менталитета этнических групп. Природные условия территории влияют на жизнь народов, отражаясь в некоторых общих особенностях их хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Объективно складывавшиеся для всех народов Поволжья на протяжении столетий условия существования (суровость климата, бедность земли, всхолмленность и овражистость рельефа и т.д.) не давали оснований для довольства и богатой жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли специфику их менталитета (терпеливость, работоспособность, коллективизм).

В-третьих, на образ жизни и ментальность народов действует фактор социально-политический. Чуваши, марийцы, мордва, удмурты и другие инородцы неприспособлены, исполнительны, послушны, толерантны потому, что за восемь веков колониального рабства и официального чернословия у нерусских народов в русском государстве сформировался менталитет инородца, почти единый для всей имперской России.

В большинстве случаев националистические настроения и межэтническое напряжение в обществе обостряются не из-за полиэтничности общества, а при отсутствии или недостаточной эффективности политико-государственных институтов, обеспечивающих разностороннее и равноправное развитие входящих в государство этносов. «Главным образом "виновником" конфликтов в полиэтничной среде (да и не только в ней), как свидетельствует история человечества, выступали экономические, политические, социальные интересы и противоречия, а не национальные стереотипы и образы врага. Если бы национальные стереотипы и "образы врага" являлись причиной конфликтов, то человечество не существовало бы дав-

но» – утверждает Б.Д. Смагамбетова [26, эл. ресурс]. Наша страна в этом смысле не исключение.

С точки зрения природы национального самосознания и национальных интересов, в стабильно развивающемся социуме среда межнационального взаимодействия и сотрудничества должна быть благоприятной [7, с. 332]. Отрицательное противопоставление другим национальным общностям складывается в кризисных ситуациях, когда социальная несправедливость и собственные экономические трудности соотносятся с жизнедеятельностью других народов, в представителях которых видятся конкуренты на едином пространстве существования.

В условиях явного ухудшения экономического положения большей части трудового населения страны, когда процветание «верхов» и прозябание «низов» становится запредельным, сложно говорить о беспрепятственном формировании общегосударственной гражданственности в современной России. Естественно, простой человек делает выбор не в сторону насильно навязываемых «квазигражданских» ценностей и «квазигражданственности», а предпочитает этнические традиции, поскольку этническая принадлежность не зависит от его социального положения или материального благополучия и в самые трудные времена спасает от личностной и социальной деградации и гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии / науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013.
2. Гендугова М.Н. Формирование гражданственности молодежи в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2011 // Сайт «Научная библиотека диссертаций и авторефератов DissersCat». URL: <http://www.disserscat.com/content/formirovanie-grazhdanstvennosti-molodezhi-v-sovremennoi-rossii#ixzz2xurZMo3n> (дата доступа: 25.03.2014 г.).
3. Гроздь гнева: рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России (осень 2013 – весна 2014 гг.). Совместный проект Центра изучения национальных конфликтов и федеральной экспертной сети

- «Клуб Регионов»: интернет-сайт. – URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html#map> (дата доступа: 14.06.2014).
4. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003.
 5. Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история / сост. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014.
 6. Здравомыслов А.Г. Интерпретация государственности в российской политике // Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт: матер. междунар. симпозиума (Москва, 23-24 мая 1997 г.). – М.: РНИСиНП, 1997.
 7. Иванов В.Н. Социально-территориальные и национальные общности // Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008.
 8. Игнатовская Р.В. Гражданственность как ценностное качество личности // Сайт «Научная библиотека Украины». – URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/2269-gromadjanskist-jak-tsinnisna-jakist-osobistosti.html> (дата доступа: 20.02.2014).
 9. Климович В.Н. Гражданственность как ключевой элемент гражданского общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – № 3. – С. 48-54.
 10. Князев А.М. Воспитание гражданственности. – Ч.1. Воспитание человека и гражданина как философско-педагогическая проблема. – М., 2007.
 11. Конституция Чувашской Республики. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011.
 12. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: ИЦ «Академия», 2002.
 13. Лисак С.В. Формирование гражданственности как интегрального качества личности // Информационный сайт «SuperInf.ru». – URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3350 (дата доступа: 20.02.2014).
 14. Лиценбергер О.А. Восприятие властью этнокультурного и религиозного самовыражения // Вестник Российской нации. – 2011. – № 4-5. – С. 232-241.
 15. Максимов Н. Оппозиция воюет с беспределом в Госсовете // Справедливая Россия-Чувашия. – 2013. – № 6. – С. 1-2.
 16. Наранович С. «Как можно укрепить то, чего нет?» Ученые и политики не нашли в России мультикультурализма // Русская планета. – 2013. – 13 ноября. – URL: <http://rusplt.ru/policy/multikulturalizm.html> (дата доступа: 20.02.2014).

17. Неменский О. Соблазн мультикультурализма. Вопросы национализма // АПН (Агентство политических новостей). – 2012. – 29 августа. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article27077.htm> (дата доступа: 20.03.2014).
18. Новичкова И.Ю. Феномен гражданской ответственности в условиях трансформаций российского общества: дис. ... д-ра социолог. наук. – М., 2005.
19. Паин Э. Нелюбовь к ближнему // Профиль. – 2013. – № 14. – С. 54.
20. Полиэтническая нация // POLIT-slovar.ru: словарь политических терминов. – URL: <http://www.polit-slovar.ru/dictionary/1083/> (дата доступа: 20.06.2014).
21. Полухин О.Н. Гражданственность как предмет политологического анализа: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005.
22. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 (г. Москва) «О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)"» // Интернет-портал «Российской газеты» RG.RU. Документы. – 2013. – 2 сентября. – URL: <http://www.rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html> (дата доступа: 20.03.2014).
23. Рустамова Ф. Путину доложили, кого молодежь считает русскими // РБК – весь мир: интернет-сайт. – 2014. – 4 июля. – URL: <http://top.rbc.ru/politics/04/07/2014/934678.shtml> (дата доступа: 05.07.2014).
24. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ИЦ «Академия», 2003.
25. Семёнов Д.Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям. – Т. V. Великорусский край. – СПб., 1869.
26. Смагамбетова Б.Д. Стандарты поведения и полиэтническая среда // Вестник КазГУ. Серия экономическая. – 1998. – № 7. – URL: <http://lib.kazsu.kz/Vestnik/Econom/year98/N7/20.htm> (дата доступа: 05.07.2014).
27. Утенков Г.Н. Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. – 2011. – № 1. – С. 81-84.
28. Никитина Э.В. Этничность и гражданственность в системе социокультурных качеств личности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: <http://www.science-education.ru/116-12746> (дата доступа: 15.04.2014).

Глава 9

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В современном обществе, пронизанном глобальными компьютерными сетями и телекоммуникационными технологиями, важным экономическим ресурсом и фактором социального развития становится информация. На наших глазах мир из вещно-событийного превращается в информационно-виртуальный; виртуальная реальность признаётся одной из основных форм бытия. В связи с этим бесспорно актуальными для научного и философского дискурса становятся проблемы, связанные с сохранением и трансляцией информационных ресурсов, усложнением и углублением коммуникационных сетей, последствиями и перспективами виртуализации действительности, редукцией духовности и культуры к социальным и информационным технологиям.

Информационная революция второй половины XX в. затронула многие аспекты человеческой жизни, в том числе изменила характер этнических процессов, происходящих в обществе. В отечественной социально-философской литературе 1990-х гг. получила распространение концепция Е. Масуды, согласно которой информация не имеет национальных границ, поэтому глобальное информационное пространство утвердит дух глобализма в сознании людей [см.: 5, с. 35]. Для полиэтничного Российского государства, населённого десятками коренных народов, обладающих уникальными национальными языками и культурами, подобные лозунги не предвещали бесконфликтного будущего. Заявления о том, что этничность не должна выступать основой государственности и первоочередной задачей для всех стран является воспитание «граждан мира», способных выйти из узких рамок этноцентризма, представителями интел-

* Статья опубликована в журнале «Информационное общество», 2014, № 5-6, с. 77-83.

лигенции национальных республик Российской Федерации были восприняты весьма тревожно.

Однако прогнозы об уменьшении влияния этнических ментальностей на развитие политической и экономической ситуации в мире и России не оправдались. В последние годы все чаще речь заходит об «этническом возрождении» и «этническом парадоксе современности», поднимаются вопросы усиления роли национализма и националистических установок в массовом сознании, положительном влиянии информационной революции на этническую культуру [12]. Благодаря интернету расширились технические и творческие возможности этнически ориентированных СМИ – газет, журналов, теле- и радиоканалов, призванных распространять в обществе традиционные ценности, представления и идеалы в соотношении с мировыми ценностями.

Действительно, этнические процессы в глобальном информационном пространстве носят противоречивый характер. С одной стороны, интенсивные межэтнические контакты – как непосредственные (студенческие обмены, туризм, трудовая миграция, перемещение эмигрантов и беженцев), так и опосредованные современными средствами массовой коммуникации (спутниковое телевидение, интернет, мобильные медиа) – становятся серьезным вызовом для этнических культур. Стандартизация жизни и единое пространство развития техники, индустрии, транспорта, торговли, средств коммуникации благоприятны для цивилизации и государственного правления, но не для культуры, развитие которой требует разнообразия языков и этносов. Урбанизация и культивирование через интернет и СМИ потребительского образа жизни меняют не только традиционные бытовые условия, но и модели общения и поведения, семейные отношения, способы воспитания и обучения подрастающего поколения, что ведет к деградации родного языка и этнического менталитета.

Пропагандируемая постмодернистами и созвучная эпохе интернета борьба с этно-фалло-фоно-логоцентризмом, которая ведёт к «смерти человека», по сути, отрицает бытие традиционного природно-исторического человека, в том числе духовный и предметный мир, в котором он живет. В.А. Кутырев от-

мечает, что все мы пока «этно», и борьба с этноцентризмом – это борьба с антропоцентризмом [9, с. 33-35]. Этничность является реальной формой бытия человечества, выражающей одновременно его культурно-биологическое многообразие и универсальность; именно поэтому она вступает в противоречие с виртуальностью – возможной (неживой, антителесной, постбиологической, компьютерной) формой существования человека в информационном обществе.

В таком случае закономерен вопрос: совместимы ли с модернизированной общественной системой этнические формы культуры? Допускает ли информационная реконструкция человека и виртуальная реальность существование феномена этнической ментальности? При общении через интернет пользователи не имеют возможности узнать или проверить реальную национальность, возраст, пол собеседника, зафиксировать его реальные эмоции, манеры, поступки. В сети существуют «постлюди», «люди без свойств», «мысли без тела». Об этноментализации (механизме онтогенетического формирования этноменталитета), связанной с интериоризацией и социализацией (обучением и усвоением индивидом определенной системы знаний, ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному этносу и передающихся от поколения к поколению), конечно же, здесь не может быть и речи. Максимум, что мы можем ожидать от компьютерных сетей, – это превращение «всемирной паутины» по мере взросления человека (в процессе социализации) в достаточно эффективный информационный канал формирования его этнической осведомленности.

Исследователи также отмечают опасность утраты культурной и национальной самобытности для стран и народов, отставших в информационно-технологической гонке [2, с. 38]. В эпоху глобализации и компьютеризации самым востребованным и жизнеспособным языком мира оказался английский [1], и не в последнюю очередь благодаря тому, что в мировой картине интернета доминируют англоязычные ресурсы и американские технологии (в январе 2011 г. доля английского в интернете достигала 57,6%) [10]. Соответственно народы, не имеющие во «всемирной паутине» своего этнического сектора

на национальном языке, автоматически приобретают в глазах интернет-сообщества (что почти равнозначно мировому сообществу) статус бесперспективных в экономическом, политическом и управленческом плане этнических групп, лишенных возможности испытывать культурное влияние и пользоваться результатами научного поиска более развитых соседей.

Если затронуть проблему создания национальных доменов народов России, то безоговорочным лидером в этом отношении является общественная организация «Татарский интернет», благодаря которой с 2004 г. поисковая система Google поддерживает поиск на татарском языке, в 2007 г. локализованы на национальный язык операционные системы «Microsoft Windows XP» и др., начал свою работу проект Tatarland.ru (первая татарская социальная сеть в мире), в 2010 г. переведены на татарский язык интерфейсы социальной сети Вконтакте.ру и Яндекса [7, с. 14]. Можно смело утверждать, что в XXI в. началась целенаправленная «татаризация интернета», под которой следует понимать политику продвижения и внедрения элементов татарского языка и татарской культуры в интернет-пространство (в том числе развитие сегментов интернета на татарском языке, формирование «татарнета»), а также сам процесс «отатаривания» глобальной сети.

«Чувашизация» компьютерных сетей, т.е. «обеспечение чувашскому статусу рабочего языка компьютеров и Интернета, создание в глобальной сети соответствующей культурно-образовательной среды, информационных ресурсов» [6], идет гораздо более медленными темпами. Конституция Чувашской Республики на чувашском языке с официального сайта Чувашии набрана «самопальными» шрифтами и потому не читается. До сих пор не принято официальное соглашение о раскладке компьютерной клавиатуры для чувашского языка. Чувашское отделение Википедии, открытое в 2004 г., имеет всего 46 активных участников и около 15000 статей [7, с. 14]. Только в 2013 г. перевели на чувашский язык социальную сеть «Вконтакте»: от рождения этой идеи до её воплощения прошло несколько долгих лет. При таком положении дел перспективы влияния информационной революции на развитие этнических компонентов чувашской культуры невелики. Едва ли с инфор-

мационным вызовом современности справятся этнические культуры марийцев, мордвы, удмуртов, якут, калмыков, осетин, дагестанцев и других малых российских народов.

По мнению Г.А. Дегтярева и И.В. Алексеева, интеграция национальных языков в сферу компьютерных информационных систем и полноправное представление их в интернете (возможность читать на родном языке новости, художественную и специальную литературу, общаться посредством электронной почты, играть в компьютерные игры и т.д.) обязательно должны стать приоритетным направлением в области национально-языкового строительства ещё и потому, что «наделение программного обеспечения “национальной оболочкой” лежит в русле нового подхода – гуманизации процесса компьютеризации, в которой немаловажное значение придаётся оптимизации коммуникации между человеком и машиной, раскрытию творческого потенциала пользователей» [6].

Среди положительных моментов компьютеризации этнических языков отмечается следующее: 1) раскрепощение человека при общении с компьютером на родном языке; 2) положительные ассоциативные связи с прежним этнически окрашенным эмоциональным опытом; 3) быстрое и качественное восприятие текста в интерфейсе; 4) учёт социокультурной специфики потенциальных пользователей, особенностей их этноменталитета (например, форма вежливого обращения на «Вы» не соответствует традиционным канонам чувашского речевого этикета, поэтому в чувашских версиях компьютерных программ глаголы второго лица повелительного наклонения употребляются в единственном числе). «Облечение понятий компьютерной сферы в материальную форму чувашского языка, чувашизация компьютера стали бы существенным вкладом в повышение языковой культуры и компьютерной грамотности народа, весомой поддержкой развитию чувашского языка, а также способствовали бы приобщению к нему молодого поколения» [там же]. Не вызывает сомнения главный вывод исследователей, что компьютерная культура могла бы и должна стать неотъемлемой частью современной национальной культуры.

Этнические явления в эпоху новых информационных технологий не следует рассматривать отдельно от социокультурных, политических и экономических процессов. Люди и этносы вовлечены во множество информационных и социальных взаимодействий. Роль национального сектора интернета заключается не в формировании, а стимулировании традиционного этноменталитета у населения через восполнение пробелов, которые имеются в деятельности этнических СМИ, и исправление дефектов непосредственного этнического общения. Интернет, наравне со СМИ, обеспечивает информационно-коммуникативную поддержку ретрансляции этноменталитета, эффективность которого определяется целостностью информационного пространства страны и особенностями содержания и формы распространяемых на широкую аудиторию медиатекстов. А.Н. Ижаев верно указывает, что «сущностно-функциональным ядром этнической идентичности является духовная субстанциональность, пронизывающая фактически все бытийно-сознательное поле этноса и требующая постоянной (с помощью массмедиа) информационно-коммуникативной подпитки, прежде всего, этнокультурного свойства как основного защитного средства, гарантирующего жизнеобеспечение индивида или группы внутри “своего” народа» [8].

Интернет дает возможность диаспорам прильнуть к родной культуре и родному языку через сайты, открытые на национальных языках энтузиастами этнокультуры, интернет-версии национальных печатных СМИ и он-лайн-вещание национальных теле- и радиокompаний. К примеру, в чувашском мире пользуются высокой популярностью сайт Николая Плотникова «Чăваш халăх сайчĕ» (*Чувашский народный сайт*), чувашская интернет-газета Александра Савельева «Иреклĕ сăмах» (*Свободное слово*) и Национальное радио Чувашии в режиме онлайн [см.: 13]. География их пользователей не ограничивается российскими просторами: чувашаи со всех уголков мира общаются друг с другом на родном языке посредством интернета. Подобные факты оправдывают оптимистические оценки предоставляемых компьютерными сетями возможностей развития и взаимодействия этнических культур.

И всё же большая часть населения в свободное от работы время отдаёт предпочтение не интернету, а пассивным формам потребления культуры, например, просмотру телепередач. По данным Министерства информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики за 2013 г., основным источником информации для большинства жителей Чувашии (89,9%) в возрасте от 18 лет и старше является телевидение. Интернет стал только вторым по популярности источником информации, ему отдают предпочтение 58,5% опрошенных. 57,3% жителей региона узнают о событиях из газет. На четвёртом месте расположилось радио, которое является источником информации для 47,2% респондентов. Ежедневно интернетом пользуется 75% жителей республики в возрасте 18-24 лет (имеется в виду чтение последних новостей, поиск нужной информации, работа с электронной почтой, интернет-игры) [11]. На этом социокультурном и информационном фоне главным инструментом развития этнических культур и сохранения межэтнического согласия по-прежнему остаются СМИ. В первую очередь, они должны информировать о важных для этноса событиях и целях, предоставлять трибуну для обсуждения будущего родного края и всей страны, содействовать налаживанию добрых отношений с ближними и дальними народами мира.

Но здесь подстерегает новая проблема – на этническую избирательность печатных материалов, теле- и радиопередач влияет степень знания аудиторией национального языка. Урбанизация в национальных республиках способствует формированию в городах русского монолингвизма («русскоязычия») или диглоссного двуязычия с преобладанием русского языка. Мышление человека, проживающего в современном большом городе и проводящего немало времени перед русскоязычным телевизором, глубоко русифицировано. Если в сельской местности Чувашии основная масса читателей предпочитает прессу на русском и чувашском языках, то в городах – преимущественно на русском [см.: 3]. Наибольшая сохранность традиционной культуры и чистоты этноязыка отмечается в местах компактного проживания чувашской диаспоры Татарстана, Башкортостана, Самарской и Пензенской областей, но до них

пресса и радиосигналы из Чувашии практически не доходят – их вырубает интернет.

О.В. Малахова утверждает, что эпоха постмодерна, коррелирующая с информационным обществом, является «эпохой без идеалов, без моральных принципов и норм, без будущего, без социального прогресса и без социальной ответственности, эпохой равнодушного отношения к чужой боли» [12]. Массовое погружение в виртуальную реальность ведет к отчуждению человека от реальности и отчуждению человека от человека; за сугубо компьютерно-информационной коммуникацией следует социальная изолированность [14, с. 115]. Вместе с основными благами, которые несет в себе информационное общество, человек получает унификацию быта, массовую культуру, единый стандарт «современного человека»; кризис личности и кризис самоидентификации выражают противостояние обыденности и прогресса, считает А.Ю. Хоц [12].

Путь спасения от информационной перенасыщенности, нравственно-культурной заброшенности, социального одиночества основная масса работающего населения в российских регионах (но не правящая элита национальных образований) находят в сплочении этносов, возрождении национальных культур, в родных традициях, обычаях и других духовных ценностях. Наблюдения за современной ментальностью чувашского народа показывают, что у этнически ориентированной молодёжи самобытные положительные качества перед угрозой глобализации усиливаются. Об этом свидетельствуют повсеместная организация центров по изучению языка, традиционных обрядов и истории народа, всплеск чувашских фольклорных коллективов, «чувашизация» социальных сетей. В ответ на закрытие сельских школ, клубов и библиотек в малых селениях возродились домашние серепы (семейные игровые школы) с национальными песнями, танцами, рукоделием, в интернете размещаются тексты старинных чувашских песен, сценарии традиционных обрядов и ритуалов, «оцифрованные» словари чувашского языка и энциклопедии районов Чувашской Республики.

Непрогнозируемый «взрыв этничности» в эпоху интернета можно объяснить тем, что традиционный менталитет позволя-

ет современному человеку «фильтровать» бесконтрольные потоки информации, отбирая согласно матрице этнического бытия безопасные для самоидентификации личности сведения. Благодаря тому, что ментальность – глубинная часть сознания этноса, связанная с устойчивыми архетипическими структурами, она способствует удовлетворению биологически присущей человеку потребности в психологической устойчивости и духовной определенности. Традиционные нормы и представления, социально одобряемая ментальная программа поведения, направленные на облегчение принятия человеком адекватного решения в типичных обстоятельствах, стабилизируют получаемую пользователем интернета и СМИ общественно значимую информацию посредством сужения спектра допустимых и желаемых реакций человека на жизненные ситуации, события, факты.

Современная теория модернизации только изначально не учитывала внутренних, культурных механизмов развития общества, интерпретируя традиционную культуру как потенциальную помеху модернизации. В настоящее время концепция запаздывающей модернизации принимает во внимание устойчивость ценностного ядра этнических культур и признаёт оптимальность модели смешанной традиционно-модернизированной культуры для современных государств. По мнению О.Н. Вершинской, «в трансформирующейся и модернизирующейся России принятые ценности подвергаются большим изменениям» [4].

Актуализацию этнической проблематики в информационном обществе объясняет также поиск человеком духовных ориентиров и нравственной стабильности в мире бесконечных телекоммуникационных симулякров. Этничность содержит в себе протест против превращения жизни в «симуляционную реальность», родного дома в «электронный коттедж», личности в «тело без органов». Этническая культура продолжает выполнять интегративную, коммуникативную, культурно-творческую и воспитательную функции, но в обновленных формах. Под воздействием информационной революции традиционные элементы культуры модернизируются, постепенно проникая во

«всемирную паутину» и демонстрируя немалый адаптационный потенциал к технологическим новшествам.

ЛИТЕРАТУРА

1. 10 самых востребованных иностранных языков мира: рейтинг ТОП 10 // OpenLanguage.ru: сайт об изучении языков. – 2012. – URL: http://www.openlanguage.ru/inform/vostrebovannnye_jazyki_mira (дата доступа: 20.04.2014).
2. Алексеева И.Ю. Интернет и проблема субъекта // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 24-56.
3. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Язык как признак этнической идентичности // Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии: научный доклад / науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – С. 26-36.
4. Вершинская О.Н. Социокультурные аспекты электронного развития // Информационное общество. – 2013. – Вып. 4. – С. 12-21. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/f37fd9ba7e4a060344257c2a00461e39> (дата доступа: 20.02.2014).
5. Воронина Т.П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. – М.: Изд. отдел ЦАГИ, 1995.
6. Дегтярев Г.А., Алексеев И.В. Проблемы компьютеризации чувашского языка // Факультет чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»: официальный сайт. – 2011. – 21 сентября. – URL: <http://www.chuvsu.ru/~chfik/?q=tr/node/80> (дата доступа: 15.04.2014).
7. Иванов С. Сохранение нации в развитии // Взятка. – 2012. – № 10. – С. 14-15. – URL: http://anticorruption.ucoz.com/_ld/0/50_vzyatka.pdf (дата доступа: 15.01.2014).
8. Ижаев А.Н. Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007 // Библиотека диссертаций dslib.net. – URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/informacionno-politicheskaja-i-jetnicheskaja-identichnost-v-prostranstve-massovoj.html> (дата доступа: 15.01.2014).
9. Кутырев В.А. Философия постмодернизма: научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2006.
10. Самые популярные языки интернета // TOPMIRA.COM. Рейтинги, рекорды: интернет-сайт. – 2013. – 2 апреля. – URL:

<http://topmira.com/internet/item/34-web-languages> (дата доступа: 20.04.2014).

11. Телевидение является основным источником информации для жителей Чувашии // Мининформполитики Чувашии: официальный сайт. – 2014. – 15 января. – URL: http://gov.cap.ru/info.aspx?gov_id=243&id=2686945&type=news&page=26&size=20 (дата доступа: 15.04.2014).

12. Хоц А.Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001 // Электронная библиотека диссертаций disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/informatiionnaya-revolyuetsiya-i-etnicheskie-aspekty-kultury-sovremennogo-obshchestva> (дата доступа: 15.01.2014); Малахова О.В. Смысл и значение этнического в современном мировоззрении в постмодернистском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2012 // Бесплатная электронная библиотека www.dissers.ru. – URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a905.php> (дата доступа: 20.01.2014); Сторожева С.П. Теоретико-методологические проблемы информационного анализа этнических культур: дис. ... канд. культуролог. наук. – Новосибирск, 2004 // Библиотека диссертаций [dslib.net](http://www.dslib.net). – URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/teoretiko-metodologicheskie-problemy-informacionnogo-analiza-jetnicheskih-kultur.html> (дата доступа: 22.01.2014).

13. Чаваш тетеле/ЧувНет/ChuvNet: форум // Чувашский народный сайт. – 2013-2014. – URL: <http://ru.chuvash.org> (дата доступа: 12.04.2014).

14. Шетулова Е.Д. Отчуждение в историческом процессе и будущее России. К методологии проблемы. – Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятая нами попытка проникнуть в содержание этнического менталитета и определить степень влияния ментальности населения этнических регионов на общенациональное духовное состояние граждан России на примере тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья раскрыла необъятную глубину и многогранность темы.

В книге утверждается, что общие черты в менталитетах народов Поволжья и Приуралья обусловлены не столько генетическим родством и схожими природно-географическими условиями существования, сколько общностью исторической судьбы, социально-политическими и экономическими факторами.

Отмечается, что изменения в менталитете народов Поволжья и Приуралья связаны прежде всего с подавлением их этнорелигий (исламизацией и христианизацией в прошлом), а также сверхнизким политическим и экономическим статусом в составе Российского государства. В XVIII-XIX вв. происходила русификация инородцев. За этот период у нерусских народов выработался новый образ мышления и новый инстинкт самосохранения – без максимализма и экстремизма, на основе кропотливого и фанатичного созидания против разрушений и насилия со стороны неприятеля, т.е. менталитет инородца, почти единый для всей имперской России.

Автор указывает, что XX в. внес много позитивного и отрицательного в сознание и поведение российских народов. Общественная реальность и политика постсоветского государства ввели разрушающие изменения в традиционный ритм общественно-семейных, гендерных и межэтнических отношений. Бесконтрольные потоки информации, идущие из СМИ и интернета, вымывают и общее, и особенное в этноменталитетах всех коренных народов Российской Федерации.

Подробная характеристика менталитетов народов Поволжья и Приуралья представлена в книге на основе обзора литературы исторического, этнографического, этнопсихологического, культурологического и философского характера по эт-

ническому менталитету татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов и марийцев. Основные выводы автора заключаются в следующем.

Татары – этнически и культурно консолидированный тюркоязычный народ, оформившийся в XX в. в мощную высококоразвитую нацию. Это второй по численности народ в Российской Федерации после русских. В монографии отмечается, что истоки татарского этноменталитета – в древней языческой культуре доисламского периода, преломлённой сквозь призму духовности Волжской Болгарии и исламского Востока.

Автор обращает внимание, что на формирование татарского этноменталитета оказали влияние древний общественный институт «джиен», народный обычай взаимопомощи односельчан «омэ», обязательный народный ритуал чаепития «чэйгэ чакыру», непререкаемый авторитет мулл и мусульманской образовательной системы, неравноправное положение женщин и младших родственников в семье. Главные этноментальные установки татар («один за всех и все за одного» и «чем я хуже других»), определяющие культурную устойчивость и «силу» татарского народа, связываются с численным преобладанием татар над другими инородцами и их высокой сплочённостью – даже большей, чем у русских.

Татарский менталитет – это менталитет работающего и торгового народа. Характерными чертами менталитета татар являются старательность, серьёзное отношение к делу, радушие и гостеприимство среди своих, традиционная тяга к знаниям, уважение к старикам, терпимое отношение к другим нациям и религиям, умение приспособляться, избирая нужную стратегию сообразно ситуации.

Башкиры – автохтонный (коренной) тюркоязычный народ Южного Урала и Приуралья, проживающий в России на территории Республики Башкортостан и соседних с ней областей. В этногенезе башкир участвовали разноязычные племена – тюркские, угро-финские, монгольские, иранские. Автор книги делает акцент на том, что решающую роль в становлении башкирского народа сыграли древние тюркоязычные кочевники, определившие многие черты его менталитета.

Специфика ментальных структур и этики башкирского этноса обусловлена окружающей природой (степная зона) и самобытностью мышления (философичность, поэтичность мышления). Указывается, что башкиры – очень свободолюбивый и воинственный народ, что связано с передвижническим, военно-всадническим образом их жизни в прошлом. На развитие особенностей башкирского этноменталитета также оказали влияние доисламские религиозные верования и ислам.

Этноментальные установки башкир базируются на таких ценностях, как свобода, поставленная выше всех благ; примат чувственного начала над рациональным; стремление к справедливости; гуманизм. Сущностными характеристиками менталитета башкир являются храбрость, гостеприимство, безмятежность, скромность, терпимость, гордость, обостренное чувство соревновательности и равенства.

Чуваши – уникальный тюркоязычный народ в России с древней монолитной этнокультурой. Они являются прямыми наследниками культуры Великой Болгарии и позже – Волжской Болгарии. В чувашской культуре присутствуют аккадо-хеттская, гунская, согдо-манихейская, тюркская, финно-угорская, славянская, русская и другие традиции, но она не тождественна ни одной из них.

Основу традиционного чувашского этноменталитета составляют несколько опорных элементов: этнорелигия сардаш; мифологическое миропонимание; символичность («читаемость») орнамента вышивки; коллективизм (общинность) в трудовой деятельности и повседневной жизни; почтительное отношение к родоначальникам и преклонение перед материнством; авторитет родного языка; верность присяге и долгу перед родиной; любовь к земле и природе. Главная этноментальная черта чувашей – убеждение в правоте «учения предков».

Помимо таких качеств, как высокая работоспособность и терпеливость, скромность и стремление «не высовываться», зависть и злопамятность, для чувашей характерны «неунываемость» (оптимизм) и уважение иного. Две специфические традиционные мировоззренческие установки – культ девственности и признание справедливой мести через суицид («типшар») –

отличали и отличают чувашей до сих пор от других, даже соседних народов.

Мордва – самый многочисленный финно-угорский народ в России и один из древнейших аборигенных этносов Восточной Европы. История мордвы с XI в. неразрывно связана с политической, социально-экономической и культурной жизнью Российского государства. Важной особенностью мордовского народа является его бинарность – наличие этнических общностей вторичного порядка (эрзи и мокши).

Отмечается, что сущность этноменталитета мордвы заключается в сложном сочетании духовных и душевных качеств, сформировавшихся под воздействием природно-географического фактора, историко-культурных условий, религиозно-мифологических воззрений. Главная этноментальная характеристика мордвы – «добрый народ». Помимо доброжелательности и миролюбия, в книге указываются смелость и решительность, честность и правдолюбие, трудолюбие и прагматизм мордвы, а также упрямство и упорство в нежелании совершать действие, в правильности которого они не уверены.

Для мордвы характерна безграничная любовь к родным местам, уважительное отношение к старшим, почтительное отношение к памяти умерших родственников. Упоминаемую иногда в литературе леность мордвы следует расценивать не как нежелание работать, а как медлительность и основательность подхода к работе.

Удмурты – второй по численности (после мордвы) финно-угорский народ в России. В отличие от других финноязычных народов Поволжья, состоящих из родственных, но сильно различающихся групп, удмурты довольно монолитны и расселены сравнительно компактно в междуречье Камы и Вятки.

Автор выявляет специфику этноменталитета удмуртов через зависимость душевного склада народа от окружающей среды (тёмный, «угрюмый» еловый лес), исторических перипетий, социальной целостности внутри общин, совместной обрядовой жизни. Главная этноментальная установка удмуртов выражается словами «живи в согласии». В качестве сущностных характеристик удмуртского этноменталитета обозначены: стремление к традиционным ценностям, уход в себя, проявление этно-

нигилизма, толерантность, общинность на уровне психологии «мы – они».

Удмуртский этноменталитет двойственен (в одной ситуации удмурт может быть робким, нерешительным, малоразговорчивым; в другой – общительным, весёлым, гостеприимным), что связано с развёртыванием его коммуникативного поведения в двух модальностях (поведение среди «чужих» и среди «своих»). Для удмуртов характерна высокая культура межличностных отношений; осуждение общественным мнением осознаётся как «жизненный крах».

Марийцы – немногочисленный российский финно-угорский народ, проживающий в различных регионах Поволжья и Приуралья и сохранивший до наших дней уникальность своей этнорелигии и этнокультуры. Автор монографии отмечает, что в становлении и развитии марийского народа важное значение имели тесные этнокультурные связи с волжскими булгарами (чувашиами и татарами); после вхождения марийцев в состав Русского государства (1551-1552) усилилось влияние русских.

Специфика этноменталитета марийцев выявляется через зависимость бытия народа от трех главных факторов: природно-климатических условий существования, особенностей социальной жизни, специфики религиозно-духовной практики. Главная этноментальная характеристика мари – «лесной народ». Лес и живая природа занимают особое место в материальной и духовной культуре марийцев. Отсюда следующие черты их этнического менталитета: трудолюбие и исполнительность, расчётливость и экономность, скромность и терпеливость, толерантность и экологичность сознания. Мари издревле старались жить в гармонии с природой, самими собой, семьей, всячески избегая конфликтов и войн, но рьяно и с оружием в руках защищая свою свободу.

Марийцев называют «последними язычниками Европы». Приверженность их к традиционной вере – уникальное явление современности.

В книге также рассматривается проблема межэтнических отношений в свете консолидации народов современной России в единую гражданскую нацию. Анализируются понятия «мега-

нация», «полиэтническая нация», «российская нация» в сопоставлении с результатами отечественных социологических исследований в сфере межэтнических отношений.

Автор утверждает, что эффективность национальной политики зависит не в малой степени от учёта сформировавшихся в обществе этнических менталитетов. При построении единой общероссийской гражданственности в разных регионах страны следует учитывать особые этноментальные качества. Например, на территории Чувашии, Татарстана и Башкортостана характер мероприятий, проводимых в рамках национальной политики, не может быть абсолютно одинаковым, поскольку взгляды чувашей, татар и башкир на мир, на себя и на своё место в этом мире вовсе не идентичны. Унификация этнических школ, языков и культур в России недопустима как источник межэтнической напряжённости.

По мнению автора, в информационном обществе этничность, выражающая культурно-биологическое многообразие человечества, выступает против виртуальности как постбиологической формы существования субъекта. «Взрыв этничности» в эпоху интернета объясняется тем, что традиционный менталитет позволяет современному человеку «фильтровать» бесконтрольные потоки информации и обретать духовно-нравственные ориентиры в мире телекоммуникационных симулякров.

Этнические культуры, как и прежде, являются мощным фактором развития человечества. Позитивное многообразие этносов необходимо для поддержания равновесия в глобализирующемся мире. «Национальные государства просто обязаны воспользоваться раскрывающимися в этом процессе (в процессе модернизации национального государства на современном этапе глобализации – Э. Н.) возможностями. Им следует провести как своими силами, так и с привлечением соответствующих иностранных и международных организаций ревизию региональных культурных традиций для выявления истинно элитных образцов и символов собственных национальных культур в целях определения путей более достойного дальнейшего их развития на благо своих локальных сообществ, и, в то же время, создания возможностей для обогащения куль-

тур других сообществ, делая, тем самым, свой частный культурный опыт в итоге достоянием глобального человечества» [4, с. 13].

Х.Э. Мариносян считает, что «современным национальным государствам следует не слепо догматично противостоять влиянию инородной культуры как «чужой» и, только в связи с этим, чуждой, якобы вредной для своей культуры и даже угрожающей собственной национальной безопасности, но в то же время не безоговорочно воспринимать “масскультовские плоды глобализации”» [там же, с. 14].

Обновлённая национальная и этнокультурная политика в полиэтничном государстве, конечно же, должна строиться на основе богатого наследия мировой культуры, но при этом в свете собственных уникальных культурно-исторических традиций, т.е. иметь «современный облик своей культуры». Для Российской Федерации крайне неперспективно и опасно в угоду временным политическим преимуществам отказываться от многовекового социокультурного опыта межэтнических отношений и совместного проживания в едином государстве десятков «разношёрстных» народов, укрепляя единство российской нации через унификацию этнических школ, языков и культур, тем самым создавая почву для межэтнической напряжённости.

Еще в 1861 году (когда в России господствовало крепостное право) оксфордский профессор истории лорд Актон писал: «Государство, неспособное удовлетворить запросам различных племен, ставит себя в положение обреченного; государство, действующее в направлении ослабления, поглощения или изгнания их, уничтожает свою жизнеспособность; государство не обладающее ими, лишено важнейшей основы самоуправления» [3, с. 50]. Диалектика этничности, гражданственности и космополитичности такова, что «племя, народность и нация достигают своей наивысшей сложности не в автономном, себе-тождественном состоянии, а только в составе высшего, всеобщего, т.е. в этнически интегрирующемся человечестве, которое в свою очередь не может развиваться без опоры на включённое в него низшее» [1, с. 165].

Мир многообразен, и поддержание гармонии этого многообразия – залог будущего земной цивилизации. Хочется ве-

ритель, что в громадном универсуме за коренными тюркскими и финно-угорскими народами Поволжья и Приуралья сохранится уголок родной земли, и в XXI в. татары, башкиры, чувашаи, мордва, удмурты, марийцы не канут в Лету. Нет сомнения, Россия преодолет вызовы времени, сохранит себя, свои культурные образцы и свою традиционную идентичность, умело управляя антропотокком – «совокупностью социально-культурных процессов переноса и трансляции, восстановления и смены, воспроизводства и развития идентичностей» [2, с. 9] и корректируя судьбы российских народов в едином планетарном «человеческом течении».

Задача формирования общей гражданской, культурной и конфессиональной идентичности россиян, конечно, сложная и многогранная, но у Российской Федерации, решительно выбравшей курс на укрепление державного полиэтнического правового государства и усиление гражданского общества, есть феноменальный геокультурный потенциал для развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беркович Н.А. Племя, народность, нация: социально-философское исследование. – СПб.: Наука, 2001.
2. Государство. Антропоток: доклад центра стратегических исследований Приволжского федерального округа / П. Щедровицкий, С. Градировский, Б. Межуев и др. – Н. Новгород – Москва, 2002. – 174 с.
3. Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
4. Мариносян Х.Э. Императивы модернизации национального государства в эпоху глобализации // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 5-17.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Общие и особенные черты в менталитетах народов Поволжья и Приуралья	9
Глава 2. Этноменталитет татар	29
Глава 3. Этноменталитет башкир	45
Глава 4. Этноменталитет чувашей	63
Глава 5. Этноменталитет мордвы	79
Глава 6. Этноменталитет удмуртов	107
Глава 7. Этноменталитет марийцев	130
Глава 8. Влияние этноменталитетов на процесс укрепления российской гражданственности.....	156
Глава 9. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве.....	180
Заключение.....	191

Научное издание

Эрбина Витальевна НИКИТИНА

**СПЕЦИФИКА МЕНТАЛИТЕТОВ НАРОДОВ
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
(татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев)**

Редактор А.Н. Антонова

Компьютерная верстка и правка У.В. Никитиной

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года

Данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 14.07.2015. Формат 60×84/16.

Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 11,45. Тираж 500 экз. Заказ № 698.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15